ФРИЦ

ЛЕЙБЕР

SF КЛАССИКА

НЕОБЪЯТНОЕ ВРЕМЯ

Большое время [= Необъятное время]

Фриц Ройтер Лейбер

Аннотация
Фриц ЛЕЙБЕР. БОЛЬШОЕ ВРЕМЯ
Глава 1. ГУСАРЫ ИДУТ
Глава 2. ПЕРЧАТКА С ПРАВОЙ РУКИ
Глава 3. ВЕЧЕРИНКА НА ДЕВЯТЬ ПЕРСОН
Глава 4. SOS ИЗ НИОТКУДА
Глава 5. СИД НАСТАИВАЕТ НА ДЕВУШКАХ-ПРИЗРАКАХ
Глава 6. КРИТ, ОКОЛО 1300 Г. ДО Н.Э.
Глава 7. ВРЕМЯ РАЗМЫШЛЯТЬ
Глава 8. ТОЧКА ОПОРЫ
Глава 9. В ЗАКРЫТОЙ КОМНАТЕ
Глава 10. МОТИВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ
Глава 11. ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ, 1917
Глава 12. БОЛЬШИЕ ВОЗМОЖНОСТИ
Глава 13. ТИГР НА ВОЛЕ
Глава 14. «ТЕПЕРЬ ТЫ БУДЕШЬ ГОВОРИТЬ?»
Глава 15. ЛОРД ПАУК
Глава 16. СВЯЗЫВАТЕЛИ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Аннотация

Премия за достижения в научной фантастике (Премия "Хьюго") в 1958 г. (категория "Роман").

Миллиарды лет идет война между двумя тайными организциями «Пауками» и «Змеями» и ещё миллиарды лет она будет продолжаться. Вперед и назад по времени — бесконечная война за Будущее и Прошлое. Поле битвы — наша память и наша жизнь. В середине войны вне времени и пространства есть Место — где усталые воины времени могут немного отдохнуть...

Фриц ЛЕЙБЕР
БОЛЬШОЕ ВРЕМЯ

Глава 1
ГУСАРЫ ИДУТ

– Когда средь молний, в дождь и гром
Мы вновь увидимся втроем?
– Когда один из воевод Другого в битве разобьет.

«Макбет»

Меня зовут Грета Форзейн. Мне двадцать девять, а как я выгляжу можете спросить наших девушек. Родилась в Чикаго, хотя предки мои — из Скандинавии; но сейчас я в основном работаю вне пространства и времени не в раю или в аду, если такие места вообще существуют, но и не в космосе или Вселенной, как их обычно представляют.

Я не столь очаровательна, как моя тезка, та бессмертная кинозвезда, но некоторый грубоватый шарм у меня имеется. Он мне нужен, потому что моя работа заключается в том, что я выхаживаю и вправляю на место мозги покалеченным солдатам самой большой в истории войны. Это — Война Перемен, война путешественников во времени. Между собой эту войну мы назы-

ваем просто Большое Время. Нашим Солдатам приходится возвращаться в прошлое, или даже проникать в будущее, и изменять их — и все это ради того, чтобы наша сторона смогла одержать окончательную победу где-нибудь через миллиард лет. Можете мне поверить, это достаточно длинная череда убийств.

Вы и не подозреваете о Войне Перемен, но она все время сказывается на вашей жизни и, быть может, вы воспринимаете ее отзвуки, даже не осознавая этого.

Вас никогда не тревожило, что ваша память не совсем одинаково воспроизводит картинки прошлого — сегодня вы вспоминаете одно, а завтра другое? У вас не возникало ощущения, что вы и сами меняетесь под воздействием сил, находящихся вне вашего понимания или контроля? Или что внезапная угроза смерти возникает непонятно откуда? Вас никогда не пугали призраки, — нет, не из книжек с ужасами, — а миллионы существ, которые некогда были столь реальны и столь могущественны, что их трудно представить себе мирно покоящимися в небытии? Вы никогда не задумывались об этих существах — можете назвать их дьяволами или демонами — о духах, способных бродить по пространству и времени,

сквозь раскаленные сердцевины звезд и в ледяной стуже межгалактического пространства? Не приходило ли вам в голову, что, быть может, вся Вселенная — это безумный спутанный сон?

И если что-то такое вы ощущали — значит, кое-что представляете о Войне Перемен.

Как меня завербовали на эту войну, как она ведется, кто с кем воюет и почему вы об этом не подозреваете, и что я обо всем этом думаю на самом деле — это вы узнаете в свое время.

То место, находящееся вне космоса, где мы с моими приятелями пестуем своих питомцев, я предпочитаю называть просто — Станция. Моя работа в основном состоит в том, чтобы развлекать и возвращать человеческий облик солдатам, только что вернувшимся из рейдов во время. Так моя должность и именуется — Развлекатель. Есть у меня и некоторые слабости, как вы сами убедитесь.

Мои приятели — две девушки и трое парней из самых разных мест и времен. Мы составляем неплохую команду во главе с Сидом и, хоть у нас бывают кой-какие семейные проблемы, наша Станция Восстановления на хорошем счету. Большая часть этих проблем как раз и возникает, когда вновь прибывшие Солдаты, только что

прошедшие сквозь ад, желают самоутвердиться.

На самом деле, именно с прибытия трех новеньких все это и началось, то, о чем я собираюсь рассказать — и это многое мне открыло в себе самой и во всем остальном.

Когда все это началось, я была в Большом Времени уже тысячу снов (а как еще здесь измерять время?) — и две тысячи ночных кошмаров, и ровно половина из них приходилась на мою работу на Станции. Это выводит из себя — ставшие обыденными кошмары всякий раз, когда ты кладешь на подушку свою бедную усталую голову. Но приходится смиряться, потому что пребывание в Большом Времени того стоит.

По размерам и духу, который там царит, Станция — нечто среднее между большим ночным клубом, где Развлекателям приходится и ночевать, — и маленьким ангаром для дирижаблей, приспособленном для вечеринки. Хотя как раз дирижаблей у нас пока что нет. Когда вы покидаете Станцию, то можете насладиться холодным утренним светом и увидеть все что угодно — от древних динозавров до вполне современных космонавтов; они на удивление похожи друг на друга, разве что размеры разные. Но выходить приходится не часто, если вы достаточно

разумны и если работаете Развлекателем, как я, например.

За все время работы я отлучалась со Станции всего шесть раз, да и то только по приказу доктора. Эти шесть недолгих каникул можно так называть только с известной натяжкой, — вроде как водитель автобуса отправляется в отпуск на собственной машине; потому что все время думаешь, как там сейчас обстоят дела, на Станции. Последний раз я провела отпуск в Риме эпохи Возрождения, где умудрилась влюбиться в Чезаре Борджиа; но с этим я справилась. Каникулы на самом деле нужны нашим ребятам, потому что Пауки готовят их к серьезным операциям в Войне Перемен, и можете себе представить, насколько это им необходим этот отдых.

— Видишь этих Солдат, изменяющих прошлое? Твое место среди них. Не выскакивай слишком далеко из цепи, но и не болтайся позади. А пока расслабься и насладись отдыхом.

Ха! Восстановить силы нашим солдатам, когда они попадают в Место, помогают ярко размалеванные лошадки, особенно соблазнительные, когда есть с чем сравнивать. Развлечение — это наше занятие, и мы даем им возможность встряхнуться, а потом возвращаем на поле боя,

обалдевших от счастья, хотя изредка у нас происходит что-нибудь, омрачающее вечеринку.

В некотором смысле я мертва, но пусть это вас не беспокоит, — во всех других смыслах я очень даже жива. Если бы мы с вами встретились в космосе, вам скорее захотелось бы потрепаться со мной или подцепить меня, чем сдать меня полицейскому или, скажем, вызвать святого отца, чтобы он побрызгал на меня своей водичкой — если вы, конечно, не какой-нибудь из этих твердолобых реформистов. Но вряд ли вам удастся встретить меня в космосе, потому что (не считая Бэзин-стрит и Пратера) я предпочитаю проводить отпуск (Ха!) в Италии XV столетия да еще в Риме эпохи Августа — пока его не разрушили. Ну а кроме того, я уже говорила, что стараюсь не отлучаться надолго со Станции. Это и в самом деле самая чудесная Станция во всем Меняющемся Мире. (Ужас! Я даже ДУМАЮ о ней с заглавной буквы!) Как бы то там ни было, когда все это началось, я лениво валялась на кушетке возле рояля и размышляла о том, что уже поздно делать маникюр и кто бы ни появился, вряд ли он станет обращать внимание на то, что ногти у меня не в порядке.

Обстановка была нервозной, как и всякий раз,

когда прибывают новенькие, а серый бархат Пустоты вокруг нас был пронизан тревожными огоньками, подобными тем, что мелькают в глазах, когда их плотно зажмуриваешь в темноте.

Сид настраивал Хранители на прием; правый рукав его расшитого золотом серого камзола потемнел в тех местах, где он вытирал пот с лица.

Бургард заглядывал через плечо Сида, одним коленом опираясь на розовый плюш дивана перед контрольным пультом (мы его называем контрольный диван), ловя взглядом каждое движение пальцев Сида на клавиатуре. Бур не только наш пианист, он еще и второй пилот. Он смотрел тем же пустым остекленевшим взглядом, какой у него был, должно быть, за картежным столом в салоне похожего на свадебный торт парохода, идущего по Миссисипи, когда судьба его последнего золотого двадцатидолларовика зависела от того, что за карта выйдет следующей.

Док нализался, как обычно. Он сидел у бара, сдвинув шляпу с высокой тульей на затылок и закутавшись в свою вязаную шаль. Глаза широко раскрыты, но взгляд отсутствующий — пьяный Демон явно заново переживает свои воспоминания об ужасах нацистской оккупации в царской России.

Мод, старая дева, и Лили — ее мы назовем, естественно, новой девой сравнивают жемчужины в своих совершенно одинаковых ожерельях.

Вы сказали бы, что все мы, Развлекатели, слегка взвинчены; но если ты — Демон, то вовсе не обязательно такой уж храбрый.

И вот красный сигнал Главного Хранителя погас и Дверь перед Сидом и Буром стала темнеть, обнажая Пустоту. Я ощутила, как дуют Ветры Перемен; сердце у меня пропустило пару ударов, и в то же мгновение трое Солдат вышли из космоса и очутились на Станции. Их первые три шага по полу были неуверенными, потому что у них сменилось ощущение времени и силы тяжести.

Они были одеты в форму гусарских офицеров, как нас и предупреждали, и — Боженька! — я увидела, что первый из них был Эрих, милый мой маленький комендант, гордость фон Гогенвальдов и ужас всех Змей. У того, что шел сзади, был суровый римский — или что-то в этом роде — профиль. Рядом с Рейхом, касаясь его плечом, шел незнакомый парень, блондин, и лицо у него было, как у греческого бога, попавшего на экскурсию в христианский ад.

Форма на всех была одинаковая, черного цвета — кивера, ментики, отороченные мехом, сапоги

и так далее — и белые черепа на киверах. В экипировке они отличались только тем, что у Эриха было вызывное устройство на запястье, а у нового парня на левой руке была черная перчатка, а вторую перчатку он сжимал в кулаке.

— Ну молодцы, парни, золотые вы мои! — заорал Сид, а Бур выдавил улыбку и что-то коротко буркнул. Мод тут же заныла, что надо закрыть Дверь, новая дева поддержала ее, и я к ним присоединилась, потому что Ветры Перемен дуют как бешеные, когда Дверь открыта. И никогда ее не удается закрыть достаточно плотно, чтобы Ветры совсем не просачивались.

— Да захлопните же ее, пока наши лица не покрылись морщинами, воззвала Мод своим мальчишеским голосом, пытаясь разрядить нависшую напряженность. Смотрелась она тощим подростком в своем облегающем платьице до колен, которое она скопировала у новой девы.

Но трое Солдат не обратили на все это внимания. Римлянин — вспомнила, его зовут Марк, — неуклюже ковылял вперед, как будто у него что-то случилось с глазами, а Эрих с незнакомым парнем вопили друг другу про какого-то ребенка и Эйнштейна, про летний дворец, про некую перчатку и про то, что Змеи заминировали Санкт-

Петербург. На лице Эриха была та садистская улыбочка, которой он ухмылялся, когда пытался уязвить меня.

Новенький был в истерике.

— Зачем вы вышибли нас, как пробки из бутылок? Мы так удирали, что чуть не разнесли в куски Невский проспект!

— Ты что, не слышал автоматных очередей, Dummkopf, когда сработали мины-ловушки — и причем очень уж быстро после взрывов, Gott sei Dank? вопрошал Эрих.

— Слышал, — огрызнулся новенький. — Этим и котенка не испугаешь.

Почему ты не позволил нам действовать?

— Заткнись. Я твой командир. Я еще покажу тебе, как надо действовать.

— Как же, покажешь. Жалкий нацистский трус.

— Weibischer Englander! Schlange!

Блондин достаточно знал немецкий, чтобы понять последнее ругательство. Он сбросил свой отороченный соболем ментик, чтобы освободить руки для возможной схватки и, отпрянув от Эриха, чуть не сбил с ног Бура.

При первом же намеке на ссору, Бур поднялся с дивана так быстро и бесшумно, как — нет, я не

произнесу этого слова — и скользнул к ним.

— Господа, вы забываетесь, — резко сказал он, схватившись, чтобы сохранить равновесие, за поднятую руку новенького. — Вы находитесь на Станции Развлечения и Восстановления Сиднея Лессингема. Вы в обществе дам…

Пренебрежительно фыркнув, новичок отпихнул его и вытащил саблю. Бур качнулся к дивану, споткнулся об него и полетел прямо на Хранители. Сид перехватил их, как будто это была пара пляжных приемничков — к счастью, на Станции ничего не закрепляется намертво — и пока Бур долетел до пола, Сид уже успел поставить Хранители на кофейный столик. Тем временем Эрих тоже обнажил свою саблю, отразил первый бешеный выпад новенького, и сам нанес удар. Я услышала визг стали и топот сапог по нашему мозаичному полу, инкрустированному алмазами.

Бур, наконец, перевернулся и стал подниматься, одновременно доставая из кармана штуку, похожую на короткоствольный пистолет; я знала, что он стреляет резиновыми пулями или даже парализующими зарядами. Это быстро привело меня в чувство: я опасалась за Эриха, да и вообще нервы у нас, Развлекателей, так же на пределе, как у Солдат. Это, наверное, после того, как Пауки

запретили все отпуска в космос двадцать снов назад.

Сил обратил свой начальственный взор на Бура и осадил его:

— Я с ними разберусь, не суйся, презренный подстрекатель! — и повернулся к Малому Хранителю. Я заметила, что индикатор на Главном светился успокаивающим красным светом и мысленно поблагодарила Богоматушку, что Дверь закрыта.

Мод подпрыгивала от восторга — не знаю уж, за кого она болела (и могу поклясться, она сама этого не знала) — а новая дева была белее мела. Сабли мелькали в воздухе, схватка становилась ожесточенной. Эрих один за другим наносил легкие удары, и вот на щеке блондина заалело несколько капель.

Светленький сделал яростный выпад, Эрих отскочил и в следующий момент оба они беспомощно забарахтались в воздухе, корчась, будто у них начались судороги.

Я сразу поняла, что Сид выключил гравитацию в секторах Двери и Складов, тогда как мы, в соседних секторах Восстановления и Хирургии, остались крепко стоять на ногах. У нас на Станции была секционная гравитация — специально

для наших внеземных приятелей: эти психи иногда жутко буянят, прибывая на восстановление в очень смешанных группах.

Взяв ситуацию под контроль, Сид обратился к забиякам, достаточно мягко, но не оставляя сомнений в серьезности намерений:

— Все, парни, позабавились и хватит. А теперь — шпаги в ножны.

Еще несколько мгновений два черных гусара болтались в воздухе. Эрих отрывисто засмеялся и подчинился приказу — комендант привычен к свободному падению. Беленький перестал дергаться, поколебался, вися вверх ногами перед Эрихом, и неохотно сунул саблю в ножны, при этом медленно перекувырнувшись в воздухе. И тогда Сид включил гравитацию, достаточно плавно, чтобы они не расшиблись при приземлении.

Эрих снова засмеялся, но на сей раз его смех уже не был язвительным, и направился к нам. По пути он с размаху хлопнул новенького по плечу и открыто поглядел ему в лицо.

— Ну вот ты и получил боевой шрам.

Тот не отодвинулся, но и не поднял глаз, и Эрих пошел дальше. Сид торопился навстречу новенькому и, проходя мимо Эриха, погрозил ему пальцем, добродушно буркнув: «Ну, ты и

проказник». А потом я бросилась к Эриху на шею, а он целовал меня и стискивал так, что казалось, ребра вот-вот затрещат, и говорил: «Liebchen! Dopphen!» И это было просто здорово, потому что я его люблю, а любовница я хорошая и, кстати, у меня тоже два креста, как и у него.

Только мы отпрянули друг от друга, чтобы перевести дыхание — и его усталые голубые глаза так нежно глядели на меня — как сзади раздался глухой удар. Оказалось, когда напряжение спало, Док свалился со своей табуретки у бара, и его шляпа аккуратно прикрыла ему глаза. Пока мы хихикали над ним, Мод вдруг завизжала и обернувшись, мы увидели, что римлянин направился прямо в Пустоту и маршировал туда, не удаляясь от нас ни на шаг, — как, собственно, и должно быть. Его черная форма терялась на сером сумеречном фоне.

Мод и Бур кинулись, чтобы оттащить его, что довольно мудрено сделать.

Тощий картежник снова стал само воплощение действия. Сид наблюдал за всем этим со стороны.

— Что это с ним случилось? — спросила я Эриха.

Он передернул плечами.

— Запоздалая реакция на Перемену. И он был

ближе всех к автоматчикам.

Лошадь чуть не сбросила его. Mein Gott, видела бы ты Санкт-Петербург, Liebchen: Невский проспект, каналы, будто впитавшие в себя синеву неба, кавалеристы в голубом с золотом, оказавшиеся у нас на пути и пытавшиеся помешать нашему бегству; прекрасные женщины в мехах и страусовых перьях; фотограф с треногой, похожий на монаха в своем капюшоне, надвинутом на лицо. Я пришел в ужас, глядя на всех этих Зомби, мелькающих мимо и глазеющих на меня, как это обычно у них бывает, в каком-то болезненном полусне. И я знал, что кто-то из них, да хоть тот же фотограф, вполне может оказаться Змеей.

В Войне Перемен мы боремся на стороне Пауков, а на другой стороне Змеи, хотя все мы — как Пауки, так и Змеи — Двойники и Демоны одновременно, потому что мы прервали наши жизненные линии в космосе.

Жизненная линия — это вся ваша жизнь от рождения до смерти. Мы — Двойники, потому что можем действовать как в космосе, так и вне его, и Демоны, потому что все это время остаемся живы, а вот призракам этого не дано. Все Развлекатели и Солдаты — Демоны-Двойники, на какой бы стороне они не воевали, хотя поговаривают,

что на змеиных Станциях творится просто жуть.

А Зомби — это умершие люди, жизненные линии которых лежат в так называемом прошлом.

— Чем вы занимались в Санкт-Петербурге, пока не попали в засаду? — спросила я у Эриха. — Конечно, если тебе можно об этом рассказывать.

— А почему бы и нет? Мы похитили у Змей мальчишку Эйнштейна в 1883 году. Да, Змеи захватили его, Liebchen, всего несколько снов назад, и поставили под угрозу всю победу Запада над Россией.

— …и этим преподнесли твоему любимцу Гитлеру весь мир на тарелочке на целых пятьдесят лет, а меня ваши доблестные войска чуть не залюбили до смерти при Освобождении Чикаго…

— …но зато это ведет к окончательной победе Пауков и Запада над Змеями и коммунизмом, не забывай, Liebchen. Но как бы то ни было, наш контрудар не удался. Змеи выставили охрану — это было полной неожиданностью, нас не предупредили. Была жуткая кутерьма. Не удивительно, что Брюс потерял голову, хотя это его не извиняет.

— Это ты про новенького? — спросила я. Сид еще не успел заняться блондином и тот все еще стоял там, где Эрих оставил его, опустив глаза,

как олицетворение стыда и злости.

— Ja, он был лейтенантом на Первой Мировой. Англичанин.

— Я так и поняла. И он действительно женственный?

— Weiblischer? — он улыбнулся. — Надо же было мне что-то ответить, когда он обозвал меня трусом. Он будет хорошим Солдатом, его только нужно немножко пообтесать.

— Вы, мужчины, настолько оригинальны, когда ссоритесь, — и я понизила голос. — Но тебе, милый мой Эрих, не следовало заходить слишком далеко и обзывать его Змеей.

— Schlange? — Эрих скривил рот. — Кто знает… Можешь ты поручиться за любого из нас? Санкт-Петербург показал мне, что шпионы Змей становятся умнее наших. — Нежность испарилась из его голубых глаз. — Вот, скажем, ты, Liebchen, действительно настолько уж лояльна Паукам?

— Эрих!

— Ладно, я слишком далеко зашел — и с Брюсом и с тобой тоже. Мы все измотались за последние дни, балансируя на краю пропасти.

Мод и Бур, поддерживая с обеих сторон, подвели римлянина к кушетке, причем в основном

тащила его Мод. Сид наблюдал за сценой со стороны, а новичок угрюмо стоял сам по себе. Конечно, новой деве следовало бы заняться им, но ее нигде не было видно и я решила, что эта соплячка наверняка отправилась укреплять нервы в буфет.

— Римлянин выглядит довольно скверно, Эрих.

— Ничего, Марк парень крепкий. Достойный, как говорят там у них. А наша маленькая астронавточка вернет его к жизни, если это только вообще возможно и…

— …и если это вообще можно назвать жизнью, — закончила я за него.

Эрих был прав. У Мод за плечами пятьдесят с лишним лет психомедицинской практики где-то в двадцать третьем веке. Вообще-то, им должен был бы заняться Док, но с ним мы опоздали стопок на пятьдесят.

— Мод и Марк, это был бы неплохой эксперимент, — сказал Эрих. Чем-то напоминающий эксперименты Геринга с замороженными мужчинами и обнаженными цыганочками.

— Гнусный нацист. Она будет использовать электрофорез и глубокое внушение, насколько я в этом разбираюсь.

— Как ты можешь в этом разбираться, Liebchen,

если она всякий раз включает экран перед тем, как приступить к процедуре? Вот и сейчас, кстати, тоже.

— Я уже сказала, что ты гнусный нацист.

— Так точно, — он щелкнул каблуками и поклонился — ровно на миллиметр. — Эрик Фридрих фон Гогенвальд, обер-лейтенант армии Третьего Рейха. Погиб под Нарвой, где и был завербован Пауками. Жизненная линия усилена Большим Изменением после первой смерти и, по последним сведениям, он является комендантом Торонто, где содержит обширную сеть детских яслей, откуда получает мясо для завтрака, если верить листовкам «путешественников» — подпольщиков. К вашим услугам.

— Ой, Эрих, это все так глупо, — я коснулась его руки, вспомнив, что он был одним из тех несчастливцев — оживленных в точке своей жизненной линии, весьма удаленной от смерти — в его случае эта дата была сдвинута вперед Большим Изменением, происшедшим уже после его воскрешения. И, как осознает в конце концов всякий Демон, если он не догадывался об этом прежде, это сущий ад — помнить свое будущее, и чем короче время между воскрешением и вашей смертью там, в космосе, тем лучше. У меня, к

счастью, оставалось лишь десять очень напряженных минут на Северной Кларк-стрит.

Эрих нежно накрыл мою ладонь своею.

— Так уж складываются судьбы в Войне Перемен, Liebchen. По крайней мере я Солдат и иной раз меня отправляют на операции в будущее — хотя не понимаю, откуда у нас это болезненное внимание к нашим судьбам там, в прошедшем будущем. Мне предстоит стать тупым оберстом, тощим как щепка, все время негодующим на «путешественников»! Но мне немножко легче от того, что я вижу его в перспективе и я, по крайней мере, возвращаюсь в космос достаточно регулярно. Так что, Gott sei Dank, мне немножко полегче, чем вам, Развлекателям.

Я не стала говорить вслух, что с моей точки зрения, меняющийся космос — это хуже, чем ничего, но поймала себя на том, что молюсь своему Бонни Дью, чтобы не был нарушен покой моего отца, чтобы Ветры Перемен спокойно дули себе чуть в стороне от жизненной линии Антона А. Форзейна, профессора физиологии, родившегося в Норвегии и похороненного в Чикаго. Вудлоунское кладбище — довольно унылое, но спокойное место.

— Все нормально, Эрих. У Развлекателей тоже

бывает Год Медузы.

Он с недоумением уставился на меня, как будто проверял, все ли у меня пуговицы застегнуты.

— Медузы? Что ты имеешь в виду? Может, когда мы появляемся здесь, мы похожи на медуз? Серьезно, Грета, что ты хотела этим сказать?

— Только то, что мы часто простужаемся. Как я, например. Я же говорю, Год Медузы.

На морде моего пруссачка наконец забрезжил огонек понимания. Он забормотал:

— Год Медузы… Gott mit uns… С нами бог, — и притворно зарычал: Грета, не понимаю, как я могу тебя выносить с твоими дешевыми шуточками над великим языком!

— Придется тебе принимать меня такой, какая я есть, со всеми моими Медузами и Бонни Дью, — и я поспешно пояснила:

— Это из французского — le bon Dieu — Боже милостивый; только не дерись. Я не собираюсь раскрывать тебе прочие свои секреты.

Он хмыкнул с такой кислой миной, как будто вот-вот отдаст концы.

— Не унывай! — подбодрила я его. — Не всегда же я здесь буду, да и вообще есть на свете места похуже этой Станции.

Он оглянулся и нехотя кивнул.

— Знаешь что, Грета — только обещай мне не отпускать своих глупых шуточек — когда я бываю на операции, я иногда представляю себе, как прохожу за кулисы театра, чтобы выразить свое восхищение всемирно известной балерине Грете Форзейн.

Насчет кулис он был прав. Станция — это круглая театральная сцена, а в качестве зрителя выступает Пустота, и на ее сером фоне выделяются только пятна экранов, отделяющих Хирургию (Уф-ф!), от сектора Восстановления и Складом. Между Восстановителем и Складом — бар, кухня и рояль Бура. Между Хирургией и тем сектором, где обычно появляется Дверь — полки и табуреты Галереи Искусств. В центре сцены — контрольный диван. Вокруг, на приличном расстоянии друг от друга, шесть больших низких кушеток — над одной из них сейчас как раз взметнулась вверх, в окружающую серость, завеса экрана. И еще несколько столиков. В точности как сцена из какого-то балета, а дурацкие костюмы и персонажи ничуть не разрушают иллюзию. Ни коим образом.

Дягилев, если бы только увидел, тут же забрал бы все это в Русский балет, даже не задумываясь, соответствуют ли музыке декорации и актеры.

Глава 2
ПЕРЧАТКА С ПРАВОЙ РУКИ

Последняя неделя в Вавилоне,
Последняя ночь в Риме

Ходжсон

Бур отправился за стойку бара и спокойно разговаривал там с Доком, но взгляд его был отсутствующим. Глядя на его болезненно-белое лицо, лицо профессионала, я вдруг поймала себя на мысли.

— Дамбалла! — что я очутилась во французском квартале. Что-то не видно новой девы. А Сид, наконец, добрался до новенького после всей этой суматохи с Марком. Он дал мне знак и я снова занялась Эрихом.

— Приветствую тебя, достойный юноша. Я хозяин этого заведения, зовут меня Сидней Лессингем, и я твой соотечественник. Родился я в Кингс Линне в 1564 году, обучался в Кембридже, но всей судьбой своей, до самой смерти, привязан к Лондону, хотя я и пережил там Бесси, Джимми, Чарли и Олли. И что мне выпало пережить! Перебывал я и клерком, и шпионом, и сводником хотя

два последних ремесла сродни друг другу — был и поэтом, хоть никому и не известным; нищенствовал и разносил брошюрки о спасении души. Бур Лесситер, наши глотки давно пересохли!

На слове «поэт», новичок, хоть и через силу, поднял взгляд от пола.

— И чтобы тебе, доблестный воин, не пришлось использовать свою глотку иначе, как для питья, я наберусь смелости угадать твой вопрос и ответить на него, — продолжал трещать Сид. — Да, я знал Уилла Шекспира — мы ведь одногодки — он был такой скромный плутишка, что называется себе на уме; и мы всегда сомневались, действительно ли он написал все эти пьесы. Прости меня, достойнейший, но надо бы поглядеть на эту царапину.

И я увидела, что новая дева не потеряла голову, а сходила в Хирургию (Уф-ф) за аптечкой первой помощи. Она протянула свою клешню к поцарапанной щеке новенького, и пропищала: «Можно я…»

Время она для этого выбрала неудачное. Последние слова Сида и приближение Эриха омрачили лицо юного Солдата и он сердито отбросил ее руку, даже не глянув на нее. Эрих сжал мою руку. Поднос с лекарствами грохнулся на пол — и один

из стаканов с выпивкой, которую нес Бур, чуть не последовал за ним. Как только появилась новая дева, Бур вбил себе в голову, что он несет за нее ответственность, хотя я не думаю, что они уже достигли согласия. Он еще и потому вешался на нее, что у меня с Сидом как раз в то время дело было в самом разгаре, а Мод крутила с Доком, она обожает тяжелые случаи.

— Полегче, парень, любезный мой! — рявкнул Сид, одновременно бросив Буру повелительный взгляд, означавший «Следи за ним». — Бедная язычница старается обиходить тебя. Так что сдержи свою желчь, черный плут, а со временем, она, быть может, выльется в стихи. А, поймал я тебя? Сознайся, ведь ты поэт?

У Сида не так уж много достижений, но в это мгновение я забыла про свою психологию и задумалась, сознает ли он, куда он дойдет со своими озарениями.

— Да, я поэт, вы правы, — прорычал в ответ новенький. — Мое имя Брюс Маршан, вы, проклятые зомби. Я поэт — в том мире, где даже строки короля Джеймса и вашего драгоценного Уилла, над которым вы насмехаетесь, не защищены от змеиной слизи и грязных паучьих лап. Вы меняете нашу историю, крадете нашу уверен-

ность в самих себе, проклятые всезнайки! Вы утверждаете, что действуете с самыми лучшими намерениями, а к чему это нас приведет? К этой дрянной форменной перчатке!

Он поднял свою левую руку — все еще в черной перчатке, а вторая перчатка зажата в ней — и потряс ею.

— Что же случилось с твоей рукавицей, драгоценный мой? — вопросил Сид. — Расскажи нам.

Эрих рассмеялся:

— Считай, тебе повезло, Kamerad. Нам с Марком вообще не досталось никаких перчаток.

— Что с ней случилось? — возопил Брюс. — Да обе эти дряни на левую руку! — он швырнул перчатку на пол.

Невозможно было удержаться, мы все взвыли от восторга. Он повернулся к нам спиной и пошел, хотя, как я предположила, вряд ли он будет прорываться в пустоту. Эрих вцепился в мою руку и выговорил между приступами смеха:

— Mein Gott, Liebchen, что я тебе говорил о Солдатах? Чем больше ворчат, тем ничтожнее оказывается причина! Это уж наверняка!

Но смеялись не все. Как только новая дева услышала имя Брюса Маршана, взгляд ее стал таким, будто она только что приняла причастие. Я была

рада, что ее хоть кто-то заинтересовал, потому что она всегда была зазнайкой и только отбивала охоту с собой общаться, хотя появилась она на Станции с рекомендациями славно погулявшей в Лондоне и Нью-Йорке в двадцатые годы.

Она осуждающе посмотрела на нас, подбирая с пола поднос и лекарства, не забыв при этом и перчатку, которую водрузила в центр подноса, как священную реликвию.

Бур, удержав равновесие, попытался было заговорить с ней, но она обошла его, как пустое место, и снова он ничего не мог сделать из-за своего подноса с рюмками. Тогда он наконец стронулся с места и быстро раздал выпивку. Я сразу же сделала солидный глоток, потому что увидела, как новая дева зашла в Хирургию, а я терпеть не могу, когда мне напоминают, что у нас есть это заведение, и очень хорошо, что Док слишком пьян, чтобы этим заниматься. Некоторые из хирургических инструментов паукообразных чересчур болезненны — мои воспоминания об этом относятся к числу тех, которые я предпочла бы как можно скорее вычеркнуть из памяти.

К этому времени Брюс снова присоединился к нам и, изо всех сил сдерживаясь, заявил:

— Слушайте, вы можете ржать сколько угодно,

но дело вовсе не в этой чертовой перчатке.

— А в чем же, достойнейший? — спросил Сид. Он был весь воплощенное внимание, и это выражение невинности подчеркивала его тронутая сединой золотистая бородка.

— Дело в принципе, — заявил Брюс, окидывая нас подозрительным взглядом, хотя никто и не думал улыбаться. — Дело в этой жалкой беспомощности, в гибели космоса — только не говорите мне, что по планам этого не было! — которую маскируют под милосердную, все сознающую власть.

Пауки — а мы не знаем, кто они на самом деле; это просто название; мы видим только таких же их агентов, как мы сами — Пауки выгребают нас из наших спокойных могил…

— И что в этом плохого, парень? — проворчал Сид, с совершенно невинным лицом.

— …и воскрешают нас, если им это удается, а потом говорят нам, что мы должны бороться с другой силой, странствующей во времени, которую называют Змеями — и снова это только название — которые собираются изуродовать и поработить весь космос, его прошлое, настоящее и будущее.

— А разве это не так, друг мой?

— И пока мы еще не вполне очухались, нас вербуют в Большое Время и распихивают по туннелям и норам вне нашего пространства-времени, во всяких дрянных чуланах, серых мешках, мышиных норах — не сравнить с этой Станцией — которые сотворили Пауки, может быть, посредством мощных имплозий, но никто точно не знает; а потом нас отправляют со всякого рода миссиями в прошлое и будущее, чтобы изменить историю, как считается, таким образом, чтобы воспрепятствовать Змеям в их происках.

— Верно, дружище!

— И тут у нас под ногами все начинает гореть, удары следуют один за другим, наши ощущения настолько вывихнуты, наше общественное и личное сознание так болезненно искажено, те нити, которыми все мы привязаны к реальности, завязываются в такие тугие узлы, что мы совершенно не можем воспринимать вещи, как они есть на самом деле.

— Мы все это ощущаем, приятель, — сухо сказал Сид, и Бур тоже кивнул своим гладким черепом.

— Поглядел бы ты на меня, Kamerad, мои первые пятьдесят снов, вставил Эрих, а я добавила:

— И у нас, девушек, то же самое.

— О, я знаю, что мне следовало бы стать более

толстокожим, и не думайте, что я этого не сумею. Не в этом дело, — резко сказал Брюс. — Я бы махнул рукой на то, что запутался сам, на ту сумятицу, что устроили в моей душе; я даже не стал бы восставать против переделок истории и разрушения бесценных творений прошлого, которые когда-то считались вечными, если бы я почувствовал, что это к лучшему. Как уверяют нас Пауки, чтобы остановить Змей, крайне необходимо, чтобы Запад одержал победу над Востоком. Но что они делают для достижения этой цели? Вот несколько прекрасных примеров.

Чтобы уравновесить силы в древнем Средиземноморье, они укрепили Крит в ущерб Греции, превратив Афины в город-призрак. Платон оказался заурядным сочинителем, и вся греческая культура зазвучала в минорном ключе.

— У тебя есть время на изучение культуры? — услышала я свой собственный голос и тут же зажала ладонью рот.

— Но ведь ТЫ, парень, помнишь же платоновские диалоги, — заметил Сид.

— И не вороти нос от Крита — у меня там замечательные друзья.

— Но долго ли еще я буду помнить «Диалоги» Платона? И кто их будет помнить после меня?

— возразил Брюс. — А вот еще пример. Пауки пожелали сделать Рим могущественным и так ему помогли, что он рухнул под натиском германцев и парфян через несколько лет после смерти Юлия Цезаря.

На сей раз вмешался Бур. У нас на Станции почти все обожают такие перепалки.

— Вы забыли упомянуть, сэр, что своим самым последним падением Рим обязан Нечестивому Тройственному Союзу, который Змеи сколотили из античного Востока, омусульманенного христианства и марксистского коммунизма. Они пытались направить в будущее импульс энергии через Византию и Восточную церковь и не допустить, чтобы инициатива была перехвачена Паучьим Западом. Вот это, сэр, и есть Трехтысячелетний план, с которым мы боремся, пытаясь вернуть Риму былую славу.

— Вот именно — пытаясь, — рявкнул Брюс. — А вот еще пример. Чтобы разбить Россию, Пауки удержали Англию и Америку от вступления во Вторую Мировую войну, тем самым обеспечили германское вторжение в Новый мир и создали нацистскую империю, простирающуюся от соляных шахт Сибири до плантаций Айовы, от Нижнего Новгорода до Канзас-сити!

Он замолчал; вдруг я ощутила, как моя короткая стрижка встает дыбом.

Сзади меня кто-то запел, монотонно и торжественно, но таким безжизненным голосом, как будто наст скрипел под ногами:

— Saltz, Saltz, bringe Saltz. Kein' Peitsch', gnadige Herren. Saltz, Saltz, Saltz.

Я обернулась. Это Док вальсировал к нам маленькими шажками, скрючившись так, что концы его шали касались пола, свесив голову на бок и глядя на нас, как на пустое место.

Я уже поняла смысл, но Эрих негромко перевел:

— «Соль, соль, несу соль. Не бейте меня, милосердные господа.» Это он разговаривает с моими соотечественниками на их языке.

Док провел последние месяцы своей жизни на соляных копях, где заправляли нацисты.

Он увидел нас и выпрямился, тщательно поправив шляпу. Сердито нахмурился, и сердце у меня с десяток раз болезненно стукнуло. Потом его лицо смягчилось, он пожал плечами и пробормотал:

— Nichevo…

— Это значит, что все в порядке, — перевел Бур и обратился затем к Брюсу. — Действительно, великие цивилизации были принижены или

уничтожены Войной Перемен. Но иные, некогда задушенные в зародыше, теперь расцвели. В 1870-х годах я путешествовал по Миссисипи, никогда не слыхавшей пушек генерала Гранта. Я учился играть на фортепиано, изучал языки и теорию вероятностей под руководством величайших европейских ученых в Виксбургском университете.

— И вы полагаете, что ваша ничтожная пароходная цивилизация — это достаточная компенсация за… — начал было Брюс, но Сид резко оборвал его.

— Прошу тебя, не надо об этом. Любые две нации столь же равны, как две толпы дураков и пьяниц, и я обещаю напоить до смерти того, кто мне докажет обратное. Послушай меня: нет нации, столь тщедушной, что она одряхлеет и исчезнет при первом же вмешательстве в ее прошлое, нет, ни за что. Нации — это чудовища со стальными кишками и медными нервами. Так что, парень, не трать на них свою жалость.

— Именно так, сэр, — подключился Бур, ставший еще более холодным и язвительным после нападок на его любимый Великий Юг. — Большинство из нас приходят в меняющийся мир с ложными убеждениями, что малейшее изме-

нение в прошлом — пылинку, скажем, сдунули — изменит все будущее. Проходит немало времени, прежде чем мы начинаем осознавать разумом и душой закон Сохранения Реальности: когда прошлое изменяется, будущее меняется лишь настолько, чтобы приспособиться к переменам, только чтобы воспринять новые данные. Ветры Перемен всегда встречают мощное сопротивление. В противном случае первая же операция в Вавилонии уничтожила бы Нью-Орлеан, Шеффилд, Штутгарт и Мод Дэвис не родилась бы на Ганимеде! Обратите внимание, как быстро брешь, возникшая после коллапса Рима, была заполнена христианизованными германцами, мыслящими в имперских категориях. Только опытный Демон-историк найдет разницу между прежней латинской и нынешней готской католической церковью. Как вы сами, сэр, прежде говорили о Греции, прежняя мелодия зазвучала в ином ключе. Сразу вслед за Большим Изменением меняются и культура и личности, это верно, но в основном они сохраняются такими, как и прежде, не считая обычного рассеяния неприятных, но статистически незначимых явлений.

— Ну ладно, всезнайки чертовы — может быть, я зашел слишком далеко в своих выводах, — про-

ворчал Брюс. — Но задумайтесь хоть немного о тех грязных методах, которые мы используем в вашей замечательной Войне Перемен. Отравили Черчилля и Клеопатру. Похитили Эйнштейна, когда он был еще ребенком.

— Первыми это сделали Змеи, — напомнила я.

— Да, а мы собезьянничали. Насколько же мы изобретательны! — он продолжал базарную перебранку. — Если нам так уж нужен Эйнштейн, почему бы не воскресить его и не обращаться с ним по-человечески?

В дискуссию вступил Бур, и стало заметно, что выдержка начинает изменять ему:

— Pardonnez-mois, но если бы вы наслаждались своим статусом Двойника хоть чуточку больше, вы поняли бы, что великих людей крайне редко удается воскресить. Их сущности слишком выкристаллизованы, сэр, их жизненные линии слишком туго натянуты.

— Простите, но мне кажется, что это вздор. Я полагаю, что большинство великих людей отказываются иметь дело и со Змеями, и с нами, Пауками. Они отвергают Воскрешение на предлагаемых им условиях.

— Ну, братец мой, уж это они не из-за своего величия, — прошептала я, а Бур продолжил:

— Как бы то ни было, сэр, вы не отвергли Воскрешения, и возложили на себя обязательства, которые вы, как джентльмен, обязаны уважать.

— Да, я согласился на Воскрешение, — сказал Брюс, и глаза его вновь заблестели, — когда они вытащили меня из моей жизни в Паскендале в семнадцатом году за десять минут до смерти, и я ухватился за предложенную мне жизнь, как запойный пьяница хватается утром за стакан. Но даже и тогда я думал, что у меня появляется шанс исправить исторические ошибки, поработать на благо мира, — он все больше взвинчивался. Я заметила, что новая дева, стоящая в сторонке, уставилась на него с немым обожанием. — Но что же я обнаружил? Оказалось, что Пауки жаждут все новых и новых войн, ведут их все более жестокими и омерзительными способами, коса смерти размахивается все шире с каждым Большим Изменением, всякий раз приближая нас к смерти космоса.

Сид тронул меня за руку и, пока Брюс продолжал свои бредни, прошептал:

— Скажи мне, какой игрушкой можно умилостивить этого полоумного?

Подумай, пожалуйста.

Не отрывая взгляда от Брюса, я ответила ему, тоже шепотом:

— Я знаю кое-кого, кто будет счастлив дать ему любую игрушку, если только Брюс обратит на нее внимание.

— Ты имеешь в виду новую деву, миленькая? Верно. Этот полоумный вещает, как разгневанный ангел. Он бередит мое сердце и это мне не по душе.

Брюс охрип, но продолжал вещать:

— И вот нас отправляют на операции в прошлое и после каждой такой операции Ветры Перемен дуют в будущее, то сильнее, то слабее, в зависимости от того, какое сопротивление они встречают; иногда они сталкиваются друг с другом, и любой из этих ветров может сдвинуть дату нашей собственной смерти так, что она окажется раньше даты Воскрешения, так что в любое мгновение — и даже здесь, вне космоса — мы можем рассыпаться в прах и исчезнуть. Предназначенный вам Ветер может просочиться сквозь Дверь.

Лица слушателей напряглись, потому что считается дурным тоном говорить о Смерти Перемен, и Эрих вспылил:

— Halt's Maul, Kamerad! Заткнись! Всегда есть возможность второго Воскрешения.

Но Брюс не пожелал заткнуться. Он сказал:

— Действительно есть? Я знаю, что Пауки это обещают, но даже если они вернутся назад и вырежут из моей жизненной линии еще одного двойника, разве это буду я? — он хлопнул себя по груди той рукой, что была без перчатки. — Мне так не кажется. И даже если это буду я, с непрерывающимся потоком сознания, к чему это новое Воскрешение? Только для того, чтобы переиграть итоги бесчисленного множества войн и еще раз встретиться со Смертью Перемен ради всемогущей силы, — его речь явно близилась к кульминации, — ради всемогущей силы, настолько чудовищно беспомощной, что она не в состоянии даже снабдить одного бедного Солдата, вытащенного из грязи Пашендейла, одного ничтожного коммандос Перемен, одного забытого Богом воскрешенного — снабдить его комплектом форменной амуниции!

И он простер к нам свою правую руку, слегка растопырив пальцы, как будто это было что-то на редкость интересное и удивительное, и как ничто иное на всем белом свете нуждалось в симпатии и поддержке.

Выход на сцену новой девы был как нельзя более своевременным. Она юркнула мимо нас, и не

успел Брюс шевельнуть своими растопыренными пальцами, как она напялила на них черную форменную рукавицу и все сразу увидели, что та сидит на руке, как влитая.

И тут мы расхохотались — до колик в животе; мы хлопали друг друга по спинам и снова покатывались со смеху.

— Ach, der Handschuch, Liebchen! Где она ее раздобыла? — задыхаясь, сопел Эрих мне в ухо.

— Может, просто вывернула другую наизнанку — при этом она из левой стала правой — я и сама бы так сделала, — я взвизгнула, снова зайдясь со смеху от этой остроумной идеи.

— Но тогда же подкладка окажется снаружи, — возразил он.

— Ну не знаю… У нас на Складе полно всякого хлама.

— Это неважно, Liebchen, — он махнул рукой. — Ach, der Handschuch!

Все это время Брюс так и простоял, любуясь своей перчаткой, шевеля пальцами туда и сюда, а новая дева стояла и глазела, как будто он ел пирог, который она испекла.

Когда истеричный смех утих, Брюс посмотрел на нее с широкой улыбкой.

— Как, вы сказали, вас зовут?

— Лили, — ответила она, и уж можете мне поверить, что с этого момента она для меня стала Лили, даже в мыслях. Еще бы — суметь одолеть такого лунатика!

— Лилиан Фостер, — продолжила она. — Я тоже англичанка. Мистер Маршан, а я перечитала ваши «Мечты молодого человека» даже не знаю сколько раз.

— Действительно? Это вообще-то так, ерунда. Воспоминания о Темных Днях — я имею в виду учебу в Кембридже. Но вот пока я сидел в окопах, я написал несколько стихотворений, и они вроде бы получше.

— Мне не нравится, что вы так говорите. Но я страшно хочу услышать новые. Да, мистер Маршан, мне так странно показалось, что вы произносите Пашендейл.

— Почему, позвольте спросить?

— Потому что и я сама произношу точно так же. Но я посмотрела в словаре и оказалось, что вернее будет Пас-кен-даль.

— Ну да?! Все томми называли его Пашендейл, точно так же как вместо «Ипр» говорили «Вайперс».

— Как интересно. Знаете, мистер Маршан, я могу биться об заклад, что нас завербовали во

время одной и той же операции, летом 1917 года. Я оказалась во Франции как сестра милосердия, но они узнали, что я прибавила себе возраст и собирались отослать меня назад.

— А сколько вам было лет? То есть, сколько вам лет? Я хотел сказать, ведь это одно и то же.

— Семнадцать.

— Семнадцать лет в семнадцатом году, — пробормотал Брюс и его голубые глаза затуманились.

Диалог был настолько напыщенно-сентиментальный, что я даже не стала обижаться на ехидную реплику Эриха:

— Что за прелесть, Liebchen, глупая маленькая английская школьница развлекает Брюса между операциями!

И все равно, когда я смотрела на Лили с ее темной челкой и жемчужным ожерельем, на ее облегающее серое платьице, едва достающее до колен, и на Брюса, ласково и неуклюже нависавшего над ней в своем вычурном гусарском одеянии, я поймала себя на чувствах, которых во мне не было с тех пор, как в бою с франкистами погиб Дейв, это было за много лет до того, как я попала в Большое Время. И вот сейчас я подумала, как было бы хорошо, если бы у меня

в Меняющемся Мире были дети. Почему мне ни разу не приходило в голову подстроить дело так, чтобы Дейв был воскрешен? А потом я сказала себе: нет, все изменилось, и я тоже изменилась, пусть лучше Ветры Перемен не беспокоят Дейва — или пусть я об этом ничего не буду знать.

— Нет, я не умерла в 1917 — просто меня тогда завербовали, объясняла Лили Брюсу. — Я прожила все двадцатые годы — это видно по тому, что я ношу. Но давайте не будем об этом, ладно? О, мистер Маршан, не сможете ли вы попробовать вспомнить какие-нибудь из этих стихов, которые вы написали в окопах? Я не могу представить себе, чтобы они превзошли тот сонет, который кончается: «The bough swings in the wind, the night is deep; Look at the stars, poor little ape, and sleep» (Ветка качается на ветру, ночь темна; Погляди на звезды, бедная маленькая обезьянка, и усни).

Я от этого чуть не завопила — ну и обезьяны же мы, подумала я — хотя я первая соглашусь, что на поэта наилучшее действие окажут его же собственные стихи — и чем больше, тем лучше. И я решила, что могу не беспокоиться о наших маленьких бриттах, а посвятить себя Эриху или иному, кто во мне нуждается.

Глава 3
ВЕЧЕРИНКА НА ДЕВЯТЬ ПЕРСОН

Ад – это место для меня. Потому что в ад попадают и почтенные верующие и добрые рыцари, убитые на турнире или в великой битве, бравые солдаты и благородные господа. Туда лежит и мой путь. С нами отправятся и изящные дамы, у которых было два или три возлюбленных, помимо их законного господина. Туда приходят золото и серебро, соболь и горностай. Там арфисты и менестрели встречаются с королями земными.

Окассин

Я взяла новую порцию выпивки с подноса, с которым Бур обходил публику. Серый фон пустоты вокруг уже начинал казаться приятным, как теплый густой туман, в котором плавают мириады крошечных бриллиантов. Док величественно восседал у бара со стаканом чая, над которым поднимался пар — видимо, для опохмелки, потому что он только что принял хорошую дозу спиртного. Сид весело беседовал с Эрихом, и я сказала

себе, что наконец-то стало похоже на вечеринку, хотя чего-то все же не хватает.

Это не имело отношения к Главному Хранителю; его индикатор успокаивающе светился алым, как уютный домашний огонек, затерявшийся среди нагромождения переключателей, которые контролировали все вокруг, за исключением Интроверсии — этот зловещий тумблер, к которому никто никогда не прикасался, был расположен отдельно от прочих.

Завеса у кушетки Мод исчезла — они с римлянином сидели рядышком. Он оглядел свои сверкающие сапоги и остальную свою черную амуницию, как будто только что проснулся и ничего не мог понять, и сообщил нам:

— Omnia mutantur, nos et mutamur in illis.

Я вопросительно посмотрела на Бура, который как раз собрался отнести поднос, и он, не посрамив чести Виксбурга, перевел:

— Все меняется, и мы меняемся.

Затем Марк медленно огляделся вокруг, и я могу засвидетельствовать, что римляне улыбаются так же тепло, как люди любой другой национальности.

Потом он сказал:

— Нас девять, в самый раз для вечеринки. И

кушетки есть. Хорошо.

Мод горделиво напыжилась.

— Добро пожаловать из Пустоты, Kamerad! — воскликнул Эрих, а затем он ведь немец и считает, что все вечеринки обязательно должны быть шумными и помпезными, — он вскочил на стул и провозгласил:

— Herren und Damen, позвольте представить вам достойнейшего римлянина, Марка Випсауса Нигера, легата Нерона Клавдия (прозванного Германиком в прошлом временном потоке), который в 763 году от основания Рима (Правильно, Марк? Поясняю для тупоголовых — это 10 год от Рождества Христова!) погиб, храбро сражаясь с парфянами и Змеями в битве при Александрии. Hoch, Hoch, Hoch!

Мы все чокнулись и поприветствовали его, а Сид прикрикнул на Эриха:

— Убери ноги с мебели, мужлан неотесанный! — а потом ухмыльнулся и заорал, обращаясь ко всем трем гусарам. — Насладитесь досугом, отдыхающие! — и Мод с Марком тоже получили свою выпивку, причем Марк расстроил Бура, отказавшись от фалернского вина и предпочтя ему шотландский виски с содовой, и после этого языки у всех развязались.

У нас было что обсудить. Шел обычный треп про войну: «Змеи закладывают минные поля в Пустоте»; «Не могу я в это поверить, как это можно заминировать ничто?» — и о том, чего нам здесь не хватает например, бурбона, заколок для волос и стабилитина, который живо привел бы Марка в порядок — и что с кем стало: «Марсия? А, ее здесь больше нет». (Ее унесла Буря Перемен — тело позеленело и разложилось в пять секунд, но не буду же я об этом рассказывать.) А еще надо было рассказать Марку про Брюсову перчатку, и мы снова корчились от хохота, вспоминая этот эпизод, а римлянин в ответ вспомнил про гонца, который весь долгий путь мучился животом, потому что ему небывало повезло — вместо обычной соли ему нечаянно выдали сахар. Эрих поинтересовался у Сида, нет ли новых девушек-призраков на складе, а Сид выставил свою бороду, как старый козел (каковым он и является): «И ты посмел в этом усомниться, похотливый германец? У меня есть замечательные прелестницы, среди них графиня-австриячка из Вены времен Штрауса, и если она не украсит наше общество… М-м-м…»

Я ткнула пальцем в грудь Эриха между сверкающими пуговицами с изображенными на них черепами.

— Ты, крошка фон Гогенвальд, представляешь собой угрозу для нас, настоящих девушек. Слишком уж ты интересуешься этими полусонными призраками.

Он назвал меня своим маленьким Демоном и сдавил в объятиях изо всех сил, стараясь переубедить, а затем предложил, чтобы Брюса познакомили с Галереей Искусств. Мне показалось, что это прекрасная идея, но когда я попыталась отговорить его самого от участия в экскурсии, он уперся. Нужно, видите ли, проявить внимание к Брюсу и Лили. Об ударе саблей напоминала только тонкая красная полоска на щеке Брюса; Лили смыла запекшуюся кровь.

Наша Галерея впечатляет. Это куча рисунков и скульптур, и особенно всяких странных безделушек. Все это сделано отдыхающими здесь Солдатами из того барахла, которое они понатащили с Войны Перемен — медных патронов, осколков стекла, обломков древних горшков, склеенных в футуристические конструкции, переплавленного золота инков, которое заново чеканил кто-то из марсиан, клубков сверкающей проволоки с Луны. Здесь были рисунок темперой на покрытом трещинами толстом кварцевом диске, который когда-то служил иллюминатором

космического корабля, и шумерская надпись, высеченная на кирпиче из стенки ядерного реактора.

В Галерее множество всякой всячины и я каждый раз обнаруживаю что-нибудь, чего никогда не видела прежде. Я всегда волнуюсь, когда думаю о тех парнях, которые все это сделали, и о том, что они думали, о древних временах и местах, откуда они пришли, а иногда, когда у меня скверное настроение, я прихожу сюда и смотрю на все это, а настроение еще больше ухудшается; так что наконец появляется желание встряхнуться и выйти отсюда в нормальном состоянии духа. Только здесь пишется история Станции, и меняется она на удивление мало, потому что вещи, которые находятся в Галерее и чувства, которыми они наполнены, лучше, чем что-либо иное, противостоят Ветрам Перемен.

Ну а пока что разговор Эриха со мной свелся к обсуждению моих больших ушей, которые я пытаюсь скрыть под своей мальчишеской стрижкой; а я тем временем раздумывала, как это ужасно, что существуют не только изменения, но и Изменения. Невозможно быть уверенным, что твое настроение или мысль, пришедшая в голову — действительно твои собственные, а не

результат того, что прошлое изменено Пауками или Змеями.

Ветры Перемен могут принести не только смерть, но и все, что угодно, вплоть до самых причудливых фантазий. Они дуют гораздо быстрее, чем бежит время, но никто не может точно сказать, насколько быстрее, и что именно принесет с собой тот или иной порыв Ветра, как далеко распространится его действие и когда оно затихнет. Большое Время — это вам не малое время.

И еще, что касается Демонов, все мы боимся, что изменится наша личность, и что кто-то иной по-хозяйски влезет в твою шкуру, а ты об этом и не узнаешь. Считается, правда, что мы, Демоны, способны сохранять свое сознание вне зависимости от Изменений; потому-то мы и Демоны, а не Призраки, как другие Двойники, не говоря уже о Зомби или Неродившихся; и, как верно сказал Бур, среди нас нет великих людей. Вообще нас очень мало мы относимся к редкому сорту людей — поэтому Паукам приходится вербовать нас, где бы они нас не нашли, не задумываясь о том, кем мы были и что мы знали и умели раньше. Иностранный Легион Времени — странный народ, всегда на заднем плане, невзирая на заслуги. Наш цинизм и наша ностальгия всегда при нас. Мы

так же легко приспосабливаемся к обстоятельствам, как метаморфисты с Центавра и обладаем такой же крепкой памятью, как шестирукие обитатели Луны — одним словом, Люди Перемен, сливки общества.

Общества проклятых.

Но иногда я задумываюсь, действительно ли наша память так хороша, как мы полагаем; что, если все прошлое было когда-то совершенно другим, чем мы помним, а мы забыли, что мы это забыли…

Как я уже говорила, созерцание Галереи навевает дурные мысли, и поэтому я сказала себе, «Возвращайся-ка к своему паршивому комендантику, детка» и мысленно дала себе крепкого пинка.

Эрих держал в руках зеленый кубок, на котором были нарисованы золотые — не то дельфины, не то космические корабли — и говорил:

— Как мне кажется, это доказывает, что этрусское искусство происходит от египетского. Согласен, Брюс?

Брюс, еще весь сияющий от общения с Лили, переспросил его:

— О чем ты говоришь, дружище?

Лицо Эриха стало мрачным, как Дверь, и я по-

радовалась, что гусары убрали свои сабли вместе с киверами, но, прежде чем он успел вспомнить свои немецкие ругательства, к нему подплыл Док, находившийся в такой стадии опьянения, что казался загипнотизированным трезвенником. Протянув руку, как марионетка, он изъял у Эриха чашу и сообщил:

— Прекрасный образец Средне-системного Венерианского искусства. Когда Эйгтайч завершил работу над ней, он сказал мне, что невозможно глядеть на нее и не ощутить, как над тобой плещутся волны Северо-Венерианского мелководья. Но после инверсии она, наверное, выглядела бы еще лучше.

Любопытно… Кто вы, юный офицер? Nichevo, — он аккуратно поставил чашу на ее полку и покатил дальше.

Дело в том, что Док наизусть знает все, что есть в Галерее, лучше любого из нас, он ведь старейший здешний житель. Другое дело, что он выбрал неудачное время для демонстрации своих познаний. Эрих порывался последовать за ним, но я его удержала:

— Спокойно, Kamerad, вспомни о перчатках и сахаре, — и он довольствовался тем, что пожаловался мне:

— Это «nichevo» звучит так уныло и безнадежно, ungeheuerlich. Я уже говорил тебе, Liebchen, что не следовало бы брать русских на работу к Паукам, даже в качестве Развлекателей.

Я улыбнулась ему и сжала его руку.

— Да, Док не очень-то нас здесь развлекает.

Он усмехнулся мне в ответ как-то по-овечьи, лицо его смягчилось, и в голубых глазах на мгновение вновь мелькнула нежность.

— Мне бы не надо все время так огрызаться на всех, но временами, Грета, я становлюсь просто брюзгливым старикашкой, — это не вполне соответствовало действительности, потому что ему тридцать три года и ни днем больше, хотя волосы у него почти совсем седые.

Наши голубки переместились тем временем еще на несколько шагов и почти уткнулись в экран Хирургии. Если бы мне пришлось выбирать место для того, чтобы скромненько, по-британски почмокаться, то о Хирургии я подумала бы в последнюю очередь. Но Лили, похоже, не разделяла моих предрассудков, хотя, помнится, как-то говорила, что ей пришлось повертеться в полевом госпитале Паукообразных до того, как ее перевели на Станцию.

Но у нее не могло быть ничего и отдаленно по-

хожего на тот опыт, который я приобрела за свою короткую и неплодотворную карьеру в качестве медсестры у Пауков, когда у меня начались мои отвратительные кошмары, после того, как я плюхалась на пол, увидев, как доктор щелкает тумблером и существо, тяжко израненное, но тем не менее имеющее вполне человеческий облик, вдруг превращается в кучу странных сверкающих фруктов — уф, это воспоминание у меня всякий раз вызывает тошноту. И подумать только, мой дорогой папка мечтал, чтобы его Греточка стала доктором!

Ладно, чувствую, это меня заведет слишком далеко, и, в конце концов, вечеринка продолжается.

Док что-то очень быстро лопотал Сиду — и я только надеялась, что он не будет по своему обыкновению подражать крикам животных — звучит это очень неприятно, и как-то раз отдыхавшие здесь внеземляне были всерьез оскорблены.

Мод показывала Марку, как пляшут тустеп в 23 веке, а Бур сидел за роялем и импровизировал, стараясь попасть ей в такт.

Наконец глубокие успокаивающие звуки подействовали на нас; лицо Эриха прояснилось и он привлек меня к себе. И мне захотелось ото-

рвать ноги от мозаичного пола, который мы не покрываем коврами, потому что большинству наших обожаемых внеземлян это не нравится, и я далеко откинулась на кушетку, ту, что возле рояля, обложила себя подушками и взяла новую порцию выпивки, а мой дружок-нацист собрался разрядить свою мировую скорбь через песню. Меня это не очень беспокоило, потому что его баритон вполне переносим.

И все было хорошо, и Хранитель работал вхолостую, просто поддерживая существование Станции, пришвартованной к космосу, без напряжения, разве что время от времени делая ленивый гребок. Временами уединенность Станции создает ощущение счастья и комфорта.

Бур поглядел на Эриха, который кивнул ему в ответ, и они запели ту песню, которую все мы знали, хотя мне так и не удалось выведать, откуда же она у нас появилась. На сей раз она заставила меня вспомнить о Лили, и я задумалась, почему бы это; и еще почему в традиции Восстановительных Станций называть новенькую Лили, хотя на сей раз оказалось, что это было ее истинное имя.

Ты стоишь в дверях вне пространства,
Ветры Перемен дуют вокруг тебя,

Но не касаются твоего лица;

Ты улыбаешься и нежно шепчешь,

«Добро пожаловать ко мне, отдыхающий;

Операция кончена, заходи

И закрой за собой дверь.»

Глава 4
SOS ИЗ НИОТКУДА

Де Байаш, Фреска, миссис Кеммел кружились
Вокруг содрогающегося Медведя,
Расщепленные на атомы.

Элиот

Я вдруг осознала, что Эрих поет без аккомпанемента рояля, повернула голову и увидела, что Бур, Мод и Сид со всех ног несутся к контрольному дивану. На Главном Хранителе мигал зеленым индикатор экстренного вызова, и даже я мгновенно поняла, что это — сигнал бедствия; на секунду мне стало нехорошо. Когда Эрих дошел наконец до слова «Дверь», я мысленно дала себе хорошего пинка в зад (это иногда помогает), и мы рванулись к центру Станции. Марк бежал вместе с нами.

Мигание уже прекратилось к тому времени, когда мы подбежали, и Сид сказал, чтобы мы не шевелились, потому что наши тени ему мешают. Он вперился глазами в индикатор, а мы застыли, как статуи, пока он нежно шевелил ручки на-

стройки, будто ласкал любимую.

Затем его рука метнулась к Малому Хранителю и тут же Станция погрузилась во мрак, столь же плотный, как тот, что царит в наших душах.

Все исчезло; я догадывалась, что Сид пытается раздуть зеленый огонек, которого мне было совершенно не видно, хотя глаза уже адаптировались к темноте.

Наконец, очень медленно, зеленый огонек снова стал разгораться, и я увидела в его отблеске надежные лица старых друзей — хотя зеленые блики делали их похожими на водяных — и вот индикатор разгорелся совсем ярко.

Сид включил освещение и я выпрямилась.

— Я поймал их, парни, кто бы и откуда они ни были. Готовьтесь к приему.

Бур, который, естественно, был ближе всех к нему, метнул на Сида вопросительный взгляд. Тот в замешательстве пожал плечами.

— Показалось мне вначале, что это был сигнал с нашей планеты из эпохи за тысячу лет до рождения Господа, но тот сигнал замерцал и исчез, как огонек эльфов. А вот этот вызов пришел из какого-то места, меньшего, чем Станция, и я уверен — оно дрейфует в космосе. И еще показалось мне, что я знаю, кто меня зовет — это атомщик

из антиподов, именуют его Бенсон-Картер — но и это потом изменилось…

— Мы ведь сейчас не в подходящей для приема фазе ритма космос-Станция, не так ли, сэр? — спросил Бур.

— В общем-то, не очень.

Бур продолжил:

— Я не припоминаю, чтобы у нас был намечен прием. Или хотя бы — чтобы был приказ о готовности.

— Нет, не было, — подтвердил Сид.

У Марка заблестели глаза. Он хлопнул Эриха по плечу.

— Октавианский динарий против десяти рейхсмарок, что это змеиная ловушка!

Эрих оскалил зубы в ухмылке.

— Давай сначала впустим в дверь следующую нашу операцию, и я готов!

***

Мне не надо было объяснять, что положение серьезное, и не было трагических мыслей, что вот наконец пришлось столкнуться с угрозой, исходящей извне космоса. Змеи не раз взламывали наш код.

Мод спокойно разносила оружие, Док помогал

ей. Только Брюс и Лили стояли в стороне, но и они не были безучастными.

Индикатор засиял еще ярче. Сид приник к Хранителю, бросив нам:

— Все в порядке, дражайшие. Помните, сквозь эту дверь входят самые презренные нечестивцы в космосе и вне его.

Дверь появилась выше и левее того места, где мы ждали ее, и темнеть она стала слишком быстро. Я почувствовала, если так можно выразиться, вкус затхло-соленого морского ветра, но никакого усиления Ветра Перемен не ощутила — а я внутренне напряглась, ожидая его дуновения. Наконец, Дверь стала чернее чернил, на ее фоне промелькнуло что-то вроде обтянутого мехом хлыста, на мгновение почудилось чье-то меднокожее тело, а потом нечто темное. Цокнули копыта; Эрих поудобнее пристроил ствол автомата. Затем Дверь исчезла и перед нами появились отливающий серебром лунянин и сатир с Венеры.

Лунянин сжимал в щупальцах охапку одежды и оружие. Сатир помогал женщине с осиной талией тащить тяжеленный окованный медью сундук. На даме была короткая юбка и темно-коричневый, почти черный, кожаный жакет

со стоячим воротником. У нее была странная двурогая прическа и все ее тело было довольно вызывающе вызолочено. На ней были сандалии, медные поножи и налокотники — в одном из них вмонтировано вызывное устройство. На широком медном поясе висел обоюдоострый боевой топорик с короткой рукоятью. Ее лицо было смуглым, с небольшими лбом и подбородком, но эти детали не вызывали ощущения слабости — лицо было прекрасным, как может быть прекрасным наконечник стрелы — и ей-богу, лицо это было мне знакомо!

Но не успела я воскликнуть: «Кабисия Лабрис!», как вздрогнула от визга Мод:

— Да это же Каби с друзьями! Придется выпустить пару девочек-призраков!

Тут всем стало ясно, что действительно встретились друзья дома. Я узнала своего старого приятеля-лунянина Илилихиса и ощутила, посреди всей этой суматохи, приступ самодовольства, что способна отличить одну заросшую серебристым мехом морду от другой.

Они подошли к контрольному дивану, Илли швырнул свою ношу, его спутники опустили сундук; Каби пошатнулась, но отпихнула двух внеземлян, когда они бросились ей на помощь и

бросила гневный взгляд на Сида, когда тот попытался сделать то же самое (хотя она-то и есть тот самый добрый приятель с Крита, о котором он упоминал в разговоре с Брюсом).

Она вцепилась в спинку дивана судорожно вытянутыми руками и сделала два нервных вдоха, таких глубоких, что под бронзовой кожей можно было пересчитать все ребра; а потом встряхнула головой и скомандовала: «Вина!»

Бур рванулся выполнять приказ, а Сид вновь попытался взять ее за руку, говоря:

— Душа моя, мне ни разу не приходилось раньше слышать твоего вызова, а он был очень коротким, и я не сразу узнал его… — но его тут же оборвали:

— Убереги свои любезности для лунянина! — тут я обернулась и увидела — о Зевс! — что одно из шести щупалец Илилихиса полуоторвано.

Этим предстояло заняться мне и, идя к нему, я напоминала себе: «Не забудь, он весит всего пятьдесят фунтов, несмотря на то, что в нем добрых семь футов в высоту; ему не нравятся низкие звуки и резкие прикосновения; две его ноги — это не щупальца и действуют они по-другому, он их использует, когда надо долго идти, а с помощью щупалец прыгает; щупальца нужны также для

ближнего зрения и, конечно, для манипуляций; если они расслаблены, значит, он спокоен; если напряжены, то он настороже либо нервничает; сильно сокращены — недоволен; приветствие выражается…»

В это самое мгновенье одно из этих щупалец скользнуло по моему лицу, как будто пуховка, благоухающая нежными духами, и я сказала:

— Илли, дружок, сколько лет, сколько зим… — и провела пальцами по его морде. Приходилось все же контролировать себя, чтобы не надавить слишком сильно, и я бережно прикоснулась к сломанному щупальцу. Однако он тут же отвел его в сторону и маленький громкоговоритель, прицепленный у него на боку, заскрипел:

— Глупышка. Папа сам сумеет справиться со своими делами. Греточка, ты хоть земных-то осьминогов когда-нибудь перевязывала?

Вообще-то я перевязывала одного. Он был разумным, из эпохи в четверть миллиона лет после Рождества. Но Илли я не стала об этом сообщать. Я стояла, а он «разговаривал» со мной, водя своим щупальцем по моей ладони.

Я не очень разбираю этот щекотный язык, но все равно приятно, хотя меня всегда занимало — кто же обучал его английскому. Беседуя таким

образом со мной, он одновременно двумя другими щупальцами достал из своей сумки нечто вроде перевязочного пакета и сам обработал рану.

Тем временем сатир опустился на колени перед бронзовым сундуком, который был украшен маленькими изображениями черепов, крестиками с петлями наверху и свастиками — выглядящими куда древнее, чем нацистская. Обращаясь к Сиду, он сказал:

— Быстар сабражашь, шеф, кагда видил, что Дверь явилась высокий, так сразу слабить гравитация. А сечас мне не помочь, а?

Сид протянул руку к Малому Хранителю и всем нам сразу стало очень легко, а мой желудок со всем содержимым взмыл вверх. Сатир свалил на сундук одежду и оружие, которые тащил Илли, прогарцевал со всем этим скарбом к концу бара и бережно там опустил. Вот бы посмотреть на того инструктора, который обучал сатира английскому. Интересная личность, должно быть. Познакомиться бы с ним (или с ней?).

Сид поинтересовался у Илли, не предпочитает ли тот, чтобы в одном секторе была лунная сила тяжести, но мой мальчик любит смену впечатлений и, раз он такой легкий, земная сила

тяжести его не беспокоит. Однажды он сказал мне: «Греточка, разве жуку не все равно, какое притяжение на Юпитере?

***

Я попросила Илли рассказать о сатире, и он проскрипел, что того зовут Севенси, и до этой операции Илли его никогда не встречал. Я знала, что сатиры — из эпохи, удаленной в будущее на миллион лет, так же как луняне жили миллион лет назад, и я подумала — О Крест ос! — что операция, похоже, чрезвычайно важная, раз для этого дела Пауки вытащили этих двоих, разделенных двумя миллионами лет — разница во времени, которая вызывает на мгновение чувство священного трепета.

Я начала было расспрашивать Илли, но тут как раз примчался Бур с большим красно-черным керамическим кубком вина — мы стараемся держать в запасе различные сосуды для питья, чтобы ребята чувствовали себя как дома.

Каби тут же выхватила кубок у него из рук и осушила одним глотком, а потом грохнула его об пол. Она частенько так поступает, хоть Сид и пытался обучить ее манерам. А потом она настолько погрузилась в свои размышления, что глаза ее

закатились, рот приоткрылся, зубы оскалились и в ее облике осталось меньше человеческого, чем у внеземлян. Она была подобна фурии, как их изображают. Лишь путешествующие во времени знают, насколько эти древние бывают похожи на свои фрески и наскальные рисунки.

У меня зазвенело в ушах и волосы встали дыбом, когда она воскликнула, изо всей силы стукнув кулаком по дивану:

— О богиня! Неужели мне суждено видеть Крит разрушенным, воскрешенным, а теперь снова поверженным? Это чересчур много для твоей рабыни!

Если кого-то будет интересовать мое мнение, то я скажу, что Каби могла бы вынести и не такое.

Когда она сказала про Крит, обрушился шквал вопросов — один из них был мой, потому что новость действительно напугала меня — но она, повелительно взмахнув рукой, восстановила тишину, глубоко вздохнула и начала.

— Исход битвы повис на волоске. Воя, как черные гекатонхейры, дорийцы на своих скорлупках набросились на наши бесчисленные корабли. На правом берегу, спрятавшись меж камней, мы с Севенси стояли у игольчатой пушки, готовые нанести черным лодчонкам незаметные пробоины.

Позади был Илилихис, выряженный в морское чудище. Но затем… затем…

И тут я увидела, что Каби перестала быть каменным истуканом, голос ее прервался, она начала дрожать и судорожно всхлипывать, хотя лицо продолжало оставаться маской ярости, а потом ее вырвало вином. Сид шагнул вперед и вынудил ее замолчать — я чувствовала, ему давно хотелось это сделать.

Глава 5
СИД НАСТАИВАЕТ НА ДЕВУШКАХ-ПРИЗРАКАХ

Когда я беру газету и начинаю ее читать, то мне мерещатся призраки, крадущиеся между строчек. Призраками, должно быть, полон весь мир. Мне кажется, они столь же бесчисленны, как песчинки на берегу.

Ибсен

Мой дружок из времен королевы Елизаветы упер руки в боки и стал учить нас правилам хорошего тона, как компанию буйных детей, которые слишком уж расшумелись.

— Так вот, милостивые господа, вы находитесь на Станции Восстановления и тут пока что я хозяин. Чума на все ваши операции! Мне плевать, если рухнет все мироздание и больше не будет Меняющегося Мира, но ты, воинственная дева, должна передохнуть и выпить еще немного вина и лишь затем продолжить свое повествование. Мы же тем временем позаботимся о твоих спут-

никах. И пусть никто не задает никаких вопросов. Бур, любезнейший, сыграй-ка нам что-нибудь веселое.

Каби немного успокоилась, даже позволила Сиду по-дружески обнять себя и только проворчала: «Ну ладно, Толстобрюх».

Затем, под звуки мелодии «Прогулки выхухоли», которой я научила Бура, девушки подошли к внеземлянам и все мы разбились на пары.

Тут я хотела бы отметить, что очень многое из того, что рассказывают в Меняющемся Мире о Станциях Восстановления, попросту не соответствует действительности, а девять десятых из того, что есть на самом деле, никто не знает. Солдаты, которые входят в нашу Дверь, жаждут приятно провести время — это само собой; но на самом деле они тяжко изранены — изранены их души и сердца. Конечно, бросается это в глаза не сразу.

Можете мне поверить, операции во времени — это не шуточки, и найдется едва ли один из сотни, кто может выдержать, когда его вырывают из его собственной жизни и делают настоящим Двойником, осознавшим свою сущность то есть Демоном — не говоря уже о Солдатах. В чем нуждается это искореженное и взбудораженное создание,

только что вырвавшееся из боя? В личности, которая будет за ним ухаживать, сочувствовать ему и латать на нем дырки; и оказывается очень хорошо, если эта личность противоположного пола, — это даже важнее, чем принадлежность к одному биологическому виду.

На этом держится наша Станция и таким распутным образом мы делаем наше дело, да и другие Станции Восстановления и Пункты Развлечения тоже.

Слово «Развлекатель» может сбить с толку, но мне оно нравится.

Развлекатель — будь он парень или девушка — должен быть не только партнером в танце — хотя и это обязательно. Нужно быть сиделкой и психологом, актрисой, и мамочкой родной, этнологом и еще множеством специалистов с очень замысловатыми названиями — а еще надежным другом.

Никто из нас не умеет всего этого в совершенстве. Но мы стараемся изо всех сил. И когда звучит вызов, Развлекателю приходится позабыть все свое недовольство и печаль, зависть и ревность — не забудьте, мы ведь живые люди, да еще с обостренными эмоциями, — потому что сейчас все отметается в сторону, кроме одного: ПОМОГИ

И НЕ СПРАШИВАЙ, КОМУ ТЫ ПОМОГАЕШЬ!

И на самом деле хороший Развлекатель никогда не задумывается, кому предстоит помочь. Тому, кому сейчас нужнее. Вот и сейчас у меня не было сомнений в том, что я должна подойти к Илли, потому что лунянин был заброшен чересчур далеко во времени от своего дома, хотя мне было не очень легко бросить Эриха, но Эрих, в конце концов, был среди антропоидов.

Илилихису был нужен кто-нибудь, кто бы ему посочувствовал.

Мне нравится Илли, и не только потому, что он похож на помесь паукообразной обезьянки и персидской кошки — хотя, если подумать, это красивое сочетание. Он мне сам по себе нравится. Так что, когда он явился, весь дергающийся и истерзанный после этой чертовой операции, ясно было, что именно мне следует его опекать. Могу себе представить, что моя бедная речь и невежество в делах Мира Перемен вызывает массу сальных шуточек. Но скажите мне, может ли моя связь с Илли быть какой-нибудь, кроме как платонической?

У нас, должно быть, завалялось на складе несколько октопоидных девушек, да и нимф — Сид сказал, что не помнит и надо бы посмотреть,

— но Илилихис и Севенси высказались в пользу настоящих людей, и я знала, что Сид смотрит на это дело аналогично. Мод пожала руку Марку и направилась к Севенси («А у тебя крепкие копыта, парень» — она подхватывает мои выражения, как, впрочем, и все остальное), хотя Бур, сидевший за роялем, метнул через плечо неодобрительный взгляд в сторону Лили. Он имел в виду, что это ей бы следовало заняться внеземлянином, потому что Марк серьезно пострадал и нуждался в попечении живого человека. Но всем, кроме Бура, было яснее ясного, что у Брюса и Лили дело завернулось круто и их беспокоить следовало в последнюю очередь.

Эрих демонстрировал, как он тяжко оскорблен тем, что я его бросила, но я-то знала, что это напускное. Он гордится тем, как управляется с девушками-призраками и любит пускать пыль в глаза; а у него это действительно получается очень ловко, если вас не коробит это слово. (Да и кому временами не хочется поскакать козленком?) Так что Сид извлек графиню со склада — изумительный экземпляр блондинки в узкой юбке из белого атласа, с белым султаном, ниспадающим с миниатюрной шляпки, по внешним данным сто очков форы и Мод, и Лили и мне хотя

и прозрачная, как сигаретный дым. Эрих щелкнул перед нею каблуками и предложил руку, а затем гордо проводил до кушетки — он в черном, она в белом — и начал своей немецкой трепотней вдувать в нее жизнь; встряхивать головкой, сверкать своими зубками и блистать остроумными речами. Наконец, она стала отзываться на его флирт, а туманная дрема в ее глазах сменилась хищным огоньком, и глаза эти сфокусировались на Эрихе. Тут мне стало ясно, что Эрих счастлив и рейхсвер может им гордиться. Мне больше не надо было беспокоиться о моем маленьком коменданте.

Марку досталась греческая гетера по имени Фрина; полагаю, что это не та самая, что, должно быть, все еще выступает в своем знаменитом стриптизе в Афинах. Марк пытался оживить ее, предложив отхлебнуть своего шотландского с содовой, хотя по тем взглядам, которые он время от времени бросал, у меня сложилось впечатление, что он предпочел бы начать осаду Каби. Сид задабривал воинственную деву высококалорийным хлебом и оливками вместе с вином, а еще я с изумлением обнаружила, что Док ведет оживленную и содержательную беседу с Севенси и Мод, быть может, сравнивая надписи на Северо-Вене-

рианских отмелях. Бур перешел к «Пантере», а Брюс и Лили, облокотившись о рояль, улыбались друг другу очень нежно, но словами они обменивались в час по чайной ложке.

Илли перестал их разглядывать, отвернулся и проскрипел мне:

— Животные в одежде — это так впечатляет, дорогая. Как будто вы все ходите со знаменами!

Может, в этом сравнении что-то и было, хотя мои знамена спокойно можно было носить в Великий пост — серые, цвета древесного угля, юбка и свитер. Он посмотрел своим щупальцем на мое лицо, чтобы увидеть, как я улыбаюсь, и ласково проскрипел:

— Не кажусь ли я тебе, Греточка, скучным и неинтересным из-за того, что у меня нет знамен? Еще один Зомби из прошлого, удаленного на миллион лет, такой же серый и безжизненный, как сегодняшняя Луна. Не то что когда она была настоящей задумчивой сестрой-планетой, изобилующей воздухом и водой и перистыми лесами. А может, ты испытываешь ко мне тот же странный интерес, как я к тебе, девушке из моего будущего, удаленного на миллион лет?

— Илли, ты просто прелесть, — я слегка шлепнула его. Заметив, что его мех еще нервно подра-

гивал, я решила послать подальше Сида со всеми его приказами. Надо бы прокачать Илли, чем они там занимались с Каби и сатиром. Не годится вытащить его за миллион лет от дома и заткнуть рот. Ну а кроме того, я любопытна.

Глава 6
КРИТ, ОКОЛО 1300 Г. ДО Н.Э.

Дева, Нимфа и Мать считаются на острове вечной царствующей Троицей, и Богиня, которой поклоняются в каждой из трех этих ипостасей, как Молодой Луне, Полной Луне и Старой Луне, является главенствующим божеством.

Грейвс

Каби отпихнула к Сиду блюдо с хлебом и оливками и, когда он вопросительно поднял свои кустистые брови, коротко кивнула ему, подтверждая, что именно это она и хотела сделать. Она поднялась и как бы встала в позу. Все разговоры быстро утихли, даже беседа Брюса и Лили. Лицо и голос Каби более не были напряжены, как прежде, но и спокойствия в них не было.

— О, критяне! Горе! Горе! Весть печальную несу я. Критским женам подражая, Ты снеси ее достойно! Развернув свое орудье, Уловила я тотчас же шорох камышей прибрежных. Мы втроем к стене метнулись И беспомощно следили, Как орудье наше тает в тепловом луче змеином! Осознав, что

в западне мы, Вас я вызвала тотчас же.

Не понимаю, как у нее это получается, но факт остается фактом — Каби умудряется говорить стихами и по-английски, когда ей представляется, что она должна сообщить нечто важное. При этом ей почти не нужно времени для подготовки.

Бур утверждает, что все древние облекали свои мысли в рифмованные строфы так же непринужденно, как мы произносим отдельное слово, но я не вполне уверена в уровне Виксбургской филологии. Хотя с чего бы мне удивляться таким вещам, если вот сейчас прямо передо мной Каби вовсю вещает в стихах.

— Я надеялась, однако, погубить суда дорийцев, Захватив у Змей оружье. Мы с друзьями в тыл зашли к ним, — Пусть сатир и лунный житель по рождению мужчины — Силы духа им хватило, чтобы следовать за мной. Вскоре мы нашли засаду. Это Змеи; но обличье И доспехи у критян они украли!

Тут поднялся негодующий ропот, потому что у наших головорезов, бьющихся в Войне Перемен, есть свой кодекс чести, как мне говорили Солдаты. Правда, я развлекательница, и мне не стоит говорить, что я об этом думаю.

— Тут же нас они узрели, — текла речь Каби.

— Смертоносный залп раздался. Словно воющее пламя, Их лучи средь нас метались, И лунянин потерял свое щупальце, сражаясь За тебя, Богиня Крита. Попытались мы укрыться За холмом крутым песчаным, Уводя погоню к морю. Что открылось нашим взорам! Корабли критян тонули иль еще горели в море Погребальными кострами. Вновь дорийцы нас повергли! Змеи в том им помогали, Скрывшись под чужой личиной.

— Вкруг тех остовов горящих Черные суда сновали, Как навозные жуки над своей гниющей тризной, Но на сей раз их добычей Стали критские герои.

Взморье тихое залито было солнцем в час заката, Но тревожно дуновенье было Бури Перемен! Глубоко внутри меня Измененья нарастали. Раздвоение сознанья с ужасом я ощутила; Вкруг меня тугой петлею жизни линия свивалась; на руке, что меч сжимала, родинка вдруг появилась… О, Трехликая Богиня!…

Голос Каби задрожал и Сид протянул к ней руку, пытаясь успокоить, но она вновь собралась с духом.

— О Богиня, дай мне силы Рассказать все, что свершилось. Мы спустились в волны моря, Чтоб на дне спастись от смерти. Но едва нырнуть

успели, Как лучи тепла мелькнули, Превратив прохладный сумрак В белый и ревущий Тартар. Но, я помню, вам сказала, что нажать успела «вызов»; И внезапно Дверь явилась, Глубоко во мраке моря. Как испуганные рыбки Рвутся к выходу из сети, Так и мы в нее влетели, И поток воды за нами.

Когда-то на чикагском Золотом пляже Дэйв показывал мне, как работают ловцы жемчуга; вспомнив это, я поняла ощущения Каби при виде Двери, открывшейся в темной глубине.

— То был Хаос — на мгновенье. Дверь захлопнулась за нами. Вовремя пришло спасенье! Там куда было теснее, чем на Станции у Сида. Обитал там лишь волшебник, Старый лысый Бенсон-Картер. Он избавил от воды нас И сообщил о нас он Центру. Мы устроились как дома в Экспресс-комнате уютной.

Разложил скафандр свой Илли, чтобы тот обсох немного. Но коротким был наш отдых. Мы взглянули на Хранитель. Он сверкал, переливаясь, изменяясь, расплавляясь! И лишь только Бенсон-Картер прикоснулся, Как без чувств упал он навзничь — Смерть таилась там, коварна… Пустота стала сгущаться, Подступая все теснее; Вас на помощь я позвала, Не теряя даром время.

Она перевела дыхание.

— Осознать я не успела, Что так вкрадчиво вползало В нашу комнату; однако Мысль пришла, что это змеи Грязный ход свой проложили к Станциям уединенным, паутинку ту нащупав, Что сквозь космос нас связала…

Все молчали в оцепенении. Такая реакция была естественной: оказалось, на нас могли напасть в святая святых — нашем жилище, и я видела, что все восприняли это так же болезненно, как и я. Может быть, за исключением Брюса и Лили, которые все еще держались за руки и обменивались нежными взорами. Я решила, что они относятся к той категории людей, которых опасность делает смелыми, в отличие от меня. Я-то начинаю бояться сразу за двоих.

Каби продолжала:

— Вижу, поняли вы чувства Те, что нас обуревали, — Если б только мы сумели, Связи с миром мы прервали; Интроверсия могла бы Оградить нас от вторженья. Но к Хранителю, однако, не могли мы подступиться Раскалившись, он предстал нам Грудой огненных шаров! Так сидели мы, прижавшись, Тесной кучкой, ожидая, что вот-вот Пустота вкруг нас сомкнется! Между тем я продолжала вызывать вас…

Я изо всех сил зажмурила глаза, но только лучше увидела их троих и сжимающуюся вокруг них Пустоту. (Ну, а наш-то еще работает? Да, Биби Мириам.) То ли поэзия виновата, то ли нет, но рассказ этот меня потряс.

— Бенсон-Картер, умирая, Тоже думал он, что это — все Змеиные проделки. И он знал, что смерть все ближе, Так что шепотом чуть слышным, Рассказал мне, что должны мы, Не нарушив ни на йоту, Семь голов нажать у смерти, Твердо помня о порядке: От замка по ходу солнца, Один, три, пять, шесть, два, четыре, Семь; и после остается полчаса на все, не боле. Как нажмешь все семь ты кнопок, Больше к ним не прикасайся, Лишь спеши убраться дальше, Не давай себе поблажки.

Тут я ничего не поняла и не было признаков, что хоть кому-нибудь было понятно; впрочем, Брюс что-то шептал Лили. Я вспомнила, что видела черепа, инкрустированные на бронзовом сундуке. Я глянула на Илли и тот утвердительно шевельнул одним щупальцем и слегка развел в стороны два других, желая показать, что да, Бенсон-Картер действительно говорил что-то в этом роде, но он, Илли, мало что в этом смыслит.

— Но и многое другое прошептал он перед смер-

тью, — продолжала Каби. Все секретные приказы, Потому что не за нами, чтоб спасти нас, он был послан, А свое, в строжайшей тайне, выполнял, когда услышал Мой отчаянный призыв. Сид, к тебе он так стремился, Чтоб троих гусар, всех в черном, Демонов со знаком смерти, Взять с собою, лишь дождавшись Совпаденья ритмов Станции с Вселенной — А затем попасть в Египет, В ту эпоху, когда Цезарь, уж последний, Правил Римом обреченным. Мы должны вмешаться в битву Возле города, что назван Александрией Фракийской, Изменить весь ход той битвы, В клочья разорвав презренных Змей и прихвостней змеиных!

— О прости меня, Богиня, Вижу я, как направляла Ты мой шаг нетвердый, Когда думать я посмела, что в немилость я попала — Ведь тогда не поняла я, Что сказать ты мне хотела, Родинкой меня пометив. А теперь нашли мы Сида, Принесли сюда оружье и парфянские личины, Вынести мы их успели для гусаров этих черных; Обреченными на гибель мы себя уже считали, Когда ваша Дверь явилась И сжимаясь, Пустота нас изрыгнула… О Богиня, пусть навечно Молоко в груди иссохнет! Только ненависть и злоба пусть клокочут там навеки! И возмездие всем Змеям, месть сладчайшая в Египте За твой остров Крит,

Богиня!

Тот рев, от которого мои плечи невольно дернулись к ушам, исходил не от Каби — она уже завершила свой спектакль — а от Сида. Мой миленький так побагровел, что мне захотелось напомнить ему, что от апоплексического удара здесь умереть так же легко, как в Меняющемся Мире.

— К дьяволу! Будь я проклят, если позволю этому продолжаться! Кабисия Лабрис, ужели ты настолько безумна, чтобы предлагать такое! И что это ты лепечешь про замки, часы, черепа и кнопки? Что за мешанина, что за болтовня, что за фокусы-покусы! И что это за оружие, о котором ты трещишь?

Я так понимаю, оно в этом ублюдочном медном гробу?

Она кивнула. Когда дар поэзии покинул ее, оказалось, что она совершенно выжата. Ее ответ прозвучал, как далекое фальшивое эхо.

— Там только небольшая тактическая атомная бомба.

Глава 7
ВРЕМЯ РАЗМЫШЛЯТЬ

Спустя примерно 0.1 миллисекунды (одну десятитысячную часть секунды) радиус огненного шара составляет около 45 футов, а его температура порядка 300000 градусов. В это мгновение его яркость, если наблюдать с расстояния 10000 ярдов (5.7 мили) превосходит яркость Солнца, наблюдаемую с поверхности Земли, примерно в 100 раз… огненный шар расширяется очень быстро, достигая максимального радиуса 450 футов менее чем через секунду после взрыва.

Лос Аламос

Да, братцы, тут все завопили, включая и меня — кроме Каби и двух внеземлян. Может показаться странным, что люди из эпохи Перемен, способные пронизывать время и пространство и работать вне космоса, которые знают, по крайней мере понаслышке, об оружии из далекого будущего, таком, скажем, как «мыслебомба», способны удариться в панику от угрожающей им маленькой

примитивной безделушки из середины 20 века. Что ж, мы вели себя так же, как повел бы себя атомщик, если бы к нему в лабораторию приволокли бенгальского тигра — не хуже и не лучше.

Хоть я в физике и полная тупица, но знаю, что огненный шар по размерам побольше нашей станции. Не забудьте еще, что помимо бомбы, нам не так давно выпала еще порция ужасов, о которых мы не успели забыть, особенно то, что Змеи пронюхали, как попасть на наши Станции, как расплавить и уничтожить Хранители. Не говоря уже об общем впечатлении сначала Санкт-Петербург, а потом Крит, — что вся Война Перемен оборачивается против Пауков.

И все же, где-то в глубине сознания, я была потрясена тем, насколько сильно мы запаниковали. Волей-неволей мне пришлось признать, что все мы были в состоянии, очень похожем на то, в котором находился Док, разве что бутылка еще не стала нашим прибежищем.

Да и так ли уж хорошо мы последнее время контролировали количество выпитого?

— Выбросьте ее! — завизжала Мод, отпрянув от сатира, и отбежала подальше от бронзового сундука. Бур, наслушавшись рассказов о том, что они там собирались проделать в Экспресс-комнате,

когда было уже слишком поздно, зашипел:

— Господа, мы должны интровертироваться, — он крутанулся на своем сиденье у рояля и придвинулся к контрольному дивану. Эрих, с побелевшим лицом, эхом вторил ему:

— Gott in Himmel, ja! — не обращая внимания на унылую, забытую графиню, которая все еще держала пустой винный бокал с гравированной на нем розой.

Мне стало не по себе, потому что интровертироваться — это много хуже, чем попасть в волчий капкан. Считается, что интроверсия настолько крепко запирает Дверь, что даже Ветры Перемен не могут проникнуть сквозь нее — но при этом вы становитесь полностью отрезанными от космоса.

Мне никогда не приходилось разговаривать с кем-нибудь, чья Станция была интровертирована.

Марк спихнул Фрину с колен и рванулся вслед за Мод. Призрачная гречанка, теперь уже вполне материализовавшаяся, оглянулась вокруг в сонном ужасе, судорожно схватившись за застежку хитона. Ненадолго я отвлеклась от происходящего вокруг, глядя на нее; мне никак было не отогнать от себя мысль, испытывает ли там, на

Земле, тот человек или зомби, от чьей жизненной линии отпочковался Призрак, хоть какие-нибудь смутные ощущения, когда происходит что-либо подобное сегодняшнему.

Сид остановил Бура, чуть не свалив его при этом с ног, и не позволил нашему игроку приблизиться к Хранителю. Сдавив его в своих медвежьих объятиях, он заревел Буру прямо в ухо:

— Сударь, что с вами? Не лишились ли вы разума? Мод! Марк! Маркус!

Магдалена! Ради вас самих, руки прочь от этого гроба!

Мод смахнула с сундука одежду, и луки, и колчаны, и потащила его от бара, где он стоял, по направлению к Дверному сектору. Похоже было, что она собирается выкинуть его поскорее наружу, как только представится такая возможность. Марк тем временем суетился вокруг, то ли помогая ей, то ли пытаясь отобрать у нее сундук.

Они вели себя так, будто ни слова не слышали из сказанного Сидом, а Марк вопил:

— Отпусти, meretrix! Это будет ответ Рима парфянам на Ниле!

Каби глядела на них, вроде бы собираясь помочь Марку, но брезгуя ввязываться в драку с мере… ну, как это там у Марка по латыни — в

общем, с потаскухой.

И тут наверху бронзового сундука я увидела эти семь поганых черепов, располагавшихся вокруг замка. Они были видны так четко, как будто под увеличительным стеклом, хотя обычно для моих глаз на таком расстоянии они представлялись чем-то вроде мутного кружка. Я совсем потеряла голову и рванулась в противоположную сторону, но Илли бережно схватил меня тремя щупальцами, и проскрипел:

— Успокойся, Греточка, не поддавайся панике. Стой спокойно, а то папочка тебя отшлепает. Ой, ой, вы, двуногие, совсем теряете голову, когда надо действовать.

В панике я протащила его невесомое тело несколько ярдов, но наконец немного пришла в себя и остановилась.

— Руки прочь, кому я сказал! — повторил Сид, по-прежнему ничего не предпринимая, и отпустил Бура, хотя и держал руку по-прежнему у плеча картежника.

Затем мой толстый приятель из Линн Регис уставился безумным взором в пустоту и неистово взревел, ни к кому не обращаясь:

— Проклятье, ужели вы полагаете, что я подниму мятеж против своих господ, дезертирую

от Пауков, спрячусь в нору, подобно загнанной лисице и засыплю за собой ход? Чума на голову труса! Кто это предлагает?

Интроверсия — это лишь последнее прибежище. Если нет приказа, надзора и санкции, то это будет означать наш конец. Что если бы я интровертировал Станцию, когда раздался зов о помощи от Каби, а?

Воинственная дева хмуро кивнула, подтверждая правоту его слов; он заметил этот кивок, взмахнул свободной рукой в ее сторону и заорал, уже обращаясь к Каби:

— Но я не говорю «да» твоему сумасшедшему плану с этим дьявольским гробом, ты, полуголая полоумная! Ну а насчет выбросить… О боги, боги… — он вытер рукой взмокшее лицо. — Дайте же мне минуту подумать!

Время на раздумья не входило пока у нас в список строго лимитируемых ценностей. Севенси, сидевший на корточках в той же позе, в какой его покинула Мод, невозмутимо бросил Сиду:

— Во-во, выдай им, шеф.

Тут Док, сидевший у бара, воздвигся, похожий на Эйба Линкольна в своем цилиндре и шали и прочей рванине из XIX века и поднял руку, призывая к тишине. Затем он сказал что-то вроде:

— Интраверш… инверш… перчш… — и вдруг его дикция стала просто превосходной:

— Я абсолютно точно знаю, что нам следует делать.

И тут любой желающий мог бы убедиться, какие же мы все простофили, потому что на Станции мгновенно стало тихо, как в церкви, а все застыли там, где стояли, и ждали, затаив дыхание, пока бедный пьянчужка не укажет нам путь к спасению.

И он сказал:

— Инверш… яш-ш-ч… — еще несколько мгновений мы ждали продолжения.

Но затем вдохновение его покинуло, он выплюнул свое привычное «Nichevo», потянулся через бар за бутылкой и начал переправлять ее содержимое в свое горло, не переставая при этом соскальзывать на пол вдоль стойки бара.

Не успел он еще плюхнуться на пол, в тот миг, когда все наши взгляды были прикованы к бару, Брюс вскочил на стойку, так быстро, что казалось, будто он просто возник там ниоткуда, хотя я видела, что он только что был за роялем.

— У меня вопрос. Кто-нибудь из присутствующих привел в действие эту бомбу? — спросил он звучным и громким голосом. — Ну так ей не с

чего взрываться, — продолжил он после правильно выдержанной паузы, и его легкая усмешка и непринужденная манера держаться вселили в меня немного надежды.

— И более того, даже если бы ее запустили, у нас еще оставалось бы полчаса. Я правильно понял, у нее ведь такая задержка?

Брюс ткнул пальцем в Каби. Она кивнула.

— Верно, — сказал Брюс. — Тому, кто притащит эту штуку в парфянский лагерь, останется именно столько времени на то, чтобы убраться. Есть и еще одна граница безопасности. Второй вопрос. В этом доме найдется слесарь?

Несмотря на всю непринужденность речи Брюса, мы внимали ему, как оракулу, и Бур, и Мод утвердительно кивнули, не успев ни возразить, ни уклониться от ответа.

— Очень хорошо. При некоторых обстоятельствах вам двоим придется повозиться с сундуком. Но до того, как рассматривать этот вариант, надлежит решить третий вопрос: есть среди нас атомщик?

Тут голоса зазвучали громче; Илли пришлось заявить, что да, конечно, древние луняне знали атомную энергию — как бы иначе они уничтожили все живое на своей планете и сотворили

эти жуткие кратеры? — но он-то сам не ядерщик, он «вещитель» (я подумала сначала, что его скрипучий автопереводчик зашепелявил); что такое вещитель? — ну, вещитель — это тот, кто манипулирует вещами таким образом… это совершенно невозможно описать, но нет, вещить ядерные устройства абсолютно невозможно, это просто смешно. Поэтому он не может быть атомным вещителем — эти два понятия более чем противоречат друг другу! А Севенси, с высоты своего двухмиллионолетнего преимущества перед лунянином, пробурчал, что его цивилизация не использует вообще-то каких-либо видов энергии, а вот просто двигает сатиров и всякое барахло, крутя вокруг них пространство-время «или думать им кругом если мы это надо. Не можешь думать им в Пустота, жалко.

Ты должна иметь — ну, не знать чиво. Все равно здесь эта нет».

— Так что нет у нас здесь ядерщиков, — резюмировал Брюс, — поэтому пытаться залезть в сундук — более чем бесполезно, и даже скорее опасно. Мы не знали бы, что нам делать, если бы даже вскрыли его. Еще один вопрос, он обратился к Сиду. — Насколько далеко назад во времени мы можем что-нибудь отсюда выкинуть?

Сид, который выглядел слегка уязвленным, но тем не менее благодарным за то, как Брюс справился с этим раскудахтавшимся курятником, начал было объяснять, но Брюс, похоже, не собирался терять контроль над публикой и, как только Сид дошел до слова «ритм», гусар тут же оборвал его.

— Короче, только когда мы сможем снова точно настроиться на космос.

Благодарю вас, магистр Лессингем. Это по крайней мере пять часов — или две еды, как верно отметила военачальница критян, — и Брюс улыбнулся Каби. Так что, отправится бомба в Египет или куда-либо еще, нам ничего не нужно с ней делать еще пять часов. И очень хорошо!

Он сверкнул улыбкой и сделал пару шагов туда и обратно по стойке бара, как будто измеряя пространство, которое ему было отведено. Два или три коктейльных стакана соскользнули и разбились, но он вроде бы даже не заметил этого, да и все остальные, кажется, тоже. Меня бросило в дрожь от того взгляда, каким он вперивался то в одного, то в другого из нас. Нам приходилось смотреть на него снизу вверх. За его лицом, с развевающимися вокруг золотыми кудрями, была только пустота.

— И очень хорошо, — внезапно повторил он. — Нас здесь двенадцать Пауков и два Призрака, и у нас есть время побеседовать. Все мы сидим в одной поганой лодке, воюем в одной и той же поганой войне, так что все поймут, о чем разговор. Я начал было его некоторое время назад, но меня сильно завела эта перчатка, и все это вылилось в посмешище. Ну и ладно! Но теперь перчатки сняты!

Брюс вытащил перчатки из-за пояса и швырнул под ноги; в очередной раз шествуя по бару, он сшиб их носком сапога на пол, но никого из нас это почему-то не насмешило.

— Потому что, — продолжил он, — я пытался понять, что же несет война Пауков каждому из нас. О, конечно, это прекрасный захватывающий спорт шляться туда-сюда по пространству и времени, а потом, когда операция закончена, собраться на буйную пирушку — вне пространства и вне времени.

Сладостно сознавать, что не найдется щелочки настолько узкой, тайны столь интимной или священной, стены, которая была бы — или будет — столь крепкой, — чтобы мы не могли пролезть, раздавить, сокрушить. Знание — это такая притягательная вещь, оно сладостнее, чем похоть

или обжорство или упоение битвой — чем все это вместе взятое; этот голод невозможно утолить.

Приятно ощущать себя Фаустом, даже в стае других Фаустов. Это так сладостно — заставлять действительность плясать вокруг тебя, изменять направление жизни человека или развития культуры, вычеркивать прошлое и царапать свои каракули по зачеркнутому. И ты единственный знаешь об этих изменениях, и наслаждаешься ими — ха! Убить мужчину или украсть женщину разве это не помогает утолить жажду власти? Сладостно ощущать, как Ветры Перемен дуют сквозь тебя, и ты знаешь прошлое, которое было, и прошлое, которое есть, и прошлое, которое будет. Приятно обладать Атропосом и срезать какого-нибудь Зомби или Нерожденного с его жизненной линии; или посмотреть на лицо воскрешаемого Двойника и увидеть, как жизнь возвращается к нему, и завербовать его в свои собратья, пригласить новорожденного Демона в наши ряды, а потом решить, кем ему лучше стать Солдатом, Развлекателем или еще кем. А бывает, он не может перенести Воскрешения, оно жжет его или замораживает; и тогда ты должен решить, вернуть ли его назад, на его жизненную линию и в его тусклые сны, только теперь они

будут еще более тусклыми и омерзительными, чем прежде; но если это женщина, и в ней есть это таинственное и неуловимое нечто, ты еще можешь взять ее оболочку с собой, чтобы сделать из нее девушку-призрак — и это тоже приятно… Приятно ощутить, как Ветер Смерти дует над твоей головой, и знать, что прошлое совсем не так уж необратимо, как тебе некогда казалось, и что нет никакого неизбежного будущего, если вообще можно говорить о будущем; знать, что нет в действительности ничего святого, что сам космос можно выключить щелчком тумблера и не останется ничего, кроме ничего.

Он простер руки к Пустоте.

— И сознавая все это, ты счастлив вдвойне, когда входишь в Дверь на Станцию, и оказываешься в безопасности от Ветров Перемен и наслаждаешься заслуженным отдыхом, помня при этом обо всех этих удовольствиях, о которых я говорил, и перебираешь, одно за другим, все изумительные ощущения, которые накопил там, в космосе, а тебе помогает в этом твоя милая омерзительная компания Фаустов и Фаустин! О да, это прекрасная жизнь, в самом деле, но я спрашиваю у вас… — и он снова пронзил нас своим взором, одного за другим. — Я спрашиваю вас, что с нами сде-

лали? Я уже говорил, что я получил совершенно разные картины того, какой была моя жизнь и какой она могла бы быть, если бы произошли изменения такого рода, каких даже мы, Демоны, делать не можем, и какова моя жизнь есть сейчас. Я наблюдал, как каждый из нас реагирует на происходящее, на новости из Санкт-Петербурга и на то, что нам так прекрасно рассказала критская воительница — только вот ничего прекрасного она нам не рассказала, — и главным образом — на этот чертов ящик с бомбой. И вот я хочу просто спросить вас: что случилось с вами?

Он перестал наконец вышагивать и, засунув большие пальцы за пояс, казалось, следил за тем, как скрежещут шестеренки в одиннадцати головах только свои я постаралась остановить как можно быстрее, когда из мрака выплыли образы Дэйва и отца, а затем сцена изнасилования в Чикаго, и между ними лицо мамы и как я была в «Дюнах Индианы» и в «Джаз лимитед». А потом те безумные вещи, которые вытворял паучий доктор, после чего я потерпела фиаско в качестве медсестры. Потому что меня просто воротит, когда кто-нибудь, кроме меня самой, вытворяет такие штуки с моими мозгами.

Я воспользовалась надежной уловкой Развле-

кателей — быстрым переключением на другое, гораздо более интересное занятие — проблемы других людей.

С первого взгляда, Бур выглядел так, как будто у него было забот больше всех — шеф его публично опозорил, а любимая девушка отдала свое сердце Солдату; но он вроде бы достойно сносил эти удары.

Я не стала задерживаться на внеземлянах — в них все равно не разберешься — или на Доке, потому что, глядя на валяющегося пьяницу, никогда не можешь сказать, в какой фазе своего цикла он находится — близок к просветлению или наоборот — известно только, что цикличность существует.

Мод, видимо, страдала столь же сильно, как и Бур, вспоминала имена и в панике отбрасывала их от себя, а это у нее всегда происходит болезненно, потому что она на триста лет дальше в будущем, чем мы все, и воображает, будто настолько же мудрее. А это совершенно не соответствует действительности. Не говоря уже о том, что ей за пятьдесят, хотя в ее столетии косметика достигла таких высот, что Мод большую часть времени выглядит — и ведет себя — как тинэйджер. Она отодвинулась от бронзового сундука,

чтоб не выделяться, а Лили вышла из-за рояля и стояла теперь рядом с ней.

Лили была в противоположной части спектра эмоций, она пылала величайшим восторгом от Брюса, гордая, как засватанная принцесса, глазеющая на своего суженого. Эрих насупился, посмотрев на нее, потому что он тоже гордился, гордился тем, как его Kamerad по-фюрерски привел в порядок этих паникеров. Сид, похоже, был признателен Брюсу и не возражал бы против продолжения лекции.

Даже Каби и Марк, эти два дракона, постоянно рвущихся в битву, стоящие чуть впереди и сбоку от нас, у сундука, как будто на страже, вроде были не прочь послушать еще. Тут я поняла, почему Сид хотел, чтобы Брюс продолжил свою беседу, хотя тот путь, на который он нас увлекал, был сплошь утыкан сигналами опасности. Когда все это кончится, по-прежнему останется проблема, что делать с бомбой, и неприятный конфликт между Солдатами и Развлекателями. Сид явно надеялся, что решение придет по ходу дела, или по крайней мере неприятности отодвинутся в будущее.

Но за всем за этим, глядя на то, как Сид хмурит брови и кусает губы, я почувствовала, как

глубоко он поражен словами Брюса. Новенький докопался до глубины наших душ и ухитрился пересчитать все затрещины, пинки и оплеухи, которые мы получили, а потом каким-то образом повернул дело так, что нам пришлось задуматься, какие же мы жалкие тупицы, и паршивые овцы, и потерявшиеся ягнята — и вот мы уже жаждем услышать продолжение.

Глава 8
ТОЧКА ОПОРЫ

Дайте мне точку опоры, и я переверну мир

Архимед

Голос Брюса как будто доносился к нам издалека, когда он, глядя влево и наверх, в Пустоту, вещал нам:

— Вам не приходило в голову поинтересоваться, почему две стороны, сражающиеся в этой войне, именуются Змеями и Пауками? Змеи — это, может, понятно — вы всегда подыщете для врага какую-нибудь грязную кличку. Но Пауки — то, как мы называем себя? Потерпите меня немножко, Илилихис; я знаю, что ни одно существо не создано Природой грязным или зловредным, но это все я говорю, опираясь на чувства и привычки антропоида. Да Марк, я знаю, что иные из ваших легионов имеют клички, скажем, «Пьяные львы» или «Улитки» и это почти так же оскорбительно, как назвать Британский экспедиционный корпус «Хилыми старикашками». Нет, вам следует обратить свое внимание на эти банды злобных

подростков в городах, обреченных на уничтожение, и даже тут вы увидите, что они пытаются себя приукрасить. Но чтобы просто так — Пауки. Или Змеи — потому что, как вы знаете, они и сами себя так называют. Кто же наши хозяева, если мы даем им такие прозвища?

Я содрогнулась и мои мозги усиленно заработали сразу в десяти разных направлениях, и мне никак было их не остановить, хотя меня еще больше затрясло.

Вот, скажем, Илли, который сидит сзади меня — у меня никогда раньше и мысли такой не возникало, а ведь у него, некоторым образом, восемь ног, и я припоминаю, что думала о нем, как о паукообразной обезьянке. А разве луняне не обладали мудростью и атомной энергией и еще миллионом лет, за который можно развязать Войну Перемен?

Или представьте себе, когда-нибудь в далеком будущем обычные земные пауки станут разумными и создадут жестокую каннибальскую культуру. Они будут в состоянии сохранить тайну своего существования. Я понятия не имела, кто или что будет на Земле во времена Севенси, но разве не может быть такого, что этот черный волосатик, отравленный паучьим сознанием,

тайно плетет паутину в мире мыслей и во всем пространстве и времени?

А Бур — разве нет в нем чего-то змеиного, в том, как он движется и вообще?

Пауки и Змеи. Spinne und Schlange, как их называет Эрих. S&S. Но SS соответствует Schutzstaffel — чернорубашечники — у нацистов; а что если кто-то из этих жестоких и полоумных германцев открыл способ перемещения во времени и… — я вздрогнула и вскочила, спрашивая себя: Грета, ты уже совсем спятила?

***

Док завизжал на Брюса, и голос его звучал как у грешника из преисподней, потому что он по-прежнему лежал на полу, и звуки отражались от стойки бара:

— Не злословьте о Пауках! Не богохульствуйте! Они могут услышать и шепот Нерожденного. Другие могут высечь только вашу кожу, а они способны хлестать прямо по мозгу и сердцу.

— Хватит, Брюс! — крикнул Эрих.

Но Брюс так не считал.

— Но кем бы ни были Пауки на самом деле и чем бы они ни пользовались, абсолютно ясно, как индикатор на Хранителе, что Война Перемен не

только ведется против них, но она еще и исходит от них. Задержимся ненадолго на нынешней суматохе с глупой потасовкой и паническим анахронизмом, — при этом все мы помним, что анахронизмом является то, что выводит Ветры Перемен из-под контроля. Это пьяное размахивание кулаками во время греко-критской перебранки. Можно подумать, что это единственная происходящая битва и нет иного способа повернуть события в нужном направлении. Константина вышвырнули из Британии на Босфор ракетой.

Мини-подлодку отправили с Армадой против деревянных суденышек Дрейка бьюсь об заклад, что вы об этом и не слышали! А теперь, чтобы спасти Рим, им нужна атомная бомба. О боги, они ведь могли бы использовать греческий огонь или даже динамит, но ядерную реакцию… Вы только попробуйте представить себе, какие бреши и шрамы появятся на том, что осталось от истории — удушение Греции и изничтожение Прованса и трубадуров; и Ирландского Пленения Папы в ней не будет!

Порез на его щеке разошелся и снова начала сочиться кровь, но ни он, ни мы не обращали на это внимания. Его губы искривились в усмешке и он иронически заявил:

— Но я забываю, что это космическая война и что Пауки проводят операции на миллионах, триллионах планет и обитаемых газовых облаков сквозь миллионы лет и что мы — всего лишь один маленький мирок — одна маленькая солнечная система, Севенси — и вряд ли мы можем ожидать от наших загадочных хозяев, с их чрезмерной занятостью и всеобъемлющей ответственностью, чтобы они относились с пониманием или бережливостью к нашим книжечкам и к нашим столетьицам, к нашим почитаемым пророкам и нашим эпохам; или же чрезмерно беспокоились о том, чтобы сохранить какую-нибудь из уже случившихся штуковин, которая успела нам полюбиться. Может быть, и найдутся сентиментальные чудаки, готовые умереть, но не жить в мире, где не были написаны «Summa theologiae» и Уравнения поля, «Гамлета» и «Одиссея», где не было Мэтью и Китса, но наши господа — существа практические, они служат интересам тех закаленных душ, которые просто желают жить, — неважно, как.

***

— Брюс, я же говорил тебе, что хватит! — но голос Эриха затерялся во все ускоряющемся потоке

речи новенького.

— Я не собираюсь тратить время на описание мелких признаков нашего великого крушения — отмена отпусков, все более острые нехватки, потеря Экспресс-комнаты, использование Станций Восстановления для операций и все прочее лихорадочное латание дыр — в предпоследнюю операцию мы снаряжались вместе с тремя Солдатами из другой галактики. Они тут были не при чем, их не собирались использовать на Земле. Такие небольшие накладки могут случиться в напряженные моменты на любой войне и, возможно, это просто локальные проблемы. Но есть более существенная вещь.

Он сделал паузу, думаю, чтобы посильнее заинтриговать нас. Мод умудрилась незаметно подобраться ко мне: я ощутила, как она прикоснулась своей маленькой ладошкой к моей руке. Уголком рта она прошептала:

— Чем мы сейчас занимаемся?

— Мы слушаем, — ответила я ей в ее же манере. Меня немного раздражал ее стиль общения.

— И ты тоже? — она выгнула припудренную золотистыми блестками бровь.

Я не успела поинтересоваться у нее, что именно я тоже? Втюрилась в Брюса? Вот уж дудки!

— потому что как раз в этот момент вновь заговорил Брюс.

— Вы никогда не задавали себе вопрос, сколько еще операций над собой может вынести история, пока она вся не закрутится петлями? Не истощится ли наше прошлое после слишком многих Перемен? И настоящее и будущее тоже истекают кровью! Ведь Закон Сохранения Реальности, эта молитва теоретиков — не более чем слабенькая надежда, облеченная в пышное название! Смерть Перемен так же неизбежна, как Тепловая Смерть, и намного быстрее нее.

Каждая операция делает действительность чуть грубее, чуть безобразнее, чуть искусственнее, а все в целом становится беднее подробностями и ощущениями, которые являются нашим наследством, подобно тому, как если с холста соскоблить краску, останется лишь грубый карандашный набросок. Если все это будет продолжаться, разве космос не превратится сначала в набросок самого себя, а потом вообще в ничто? Насколько еще можно истощать действительность, вырезая из нее все новых и новых Двойников? А вот еще.

Каждая операция чуть-чуть добавляет сознание в Зомби, и когда вызванный ею Ветер Перемен

стихает, они остаются чуть более возбужденными, их одолевают кошмары, они мучаются. Те из вас, кто побывал на операциях в сильно переделанных темпоральных областях, поймут, что я имею в виду — этот взгляд, который они бросают на тебя украдкой, как бы говоря: «Снова ты?

Уйди, ради Христа. Мы мертвы. Мы из тех, кто не хочет пробуждаться, кто не желает быть Демонами и терпеть не может Призраков. Прекратите мучить нас».

Я оглянулась на девушек-призраков, не могла удержаться. Как-то получилось, что они сошлись у контрольного дивана, и глазели на нас, сидя спинами к Хранителям. Графиня утащила с собой бутылку вина, которую ей перед тем принес Эрих, и теперь они по очереди прикладывались к ней. На белых кружевах графининой блузки расплывалось розовое пятно.

— И настанет день, — говорил Брюс, — когда все Зомби и Нерожденные пробудятся и все вместе сойдут с ума и двинутся на нас — в переносном смысле, конечно — своими бесчисленными ордами, говоря: «Хватит с нас!»

Но я не сразу повернулась к Брюсу. Хитон Фрины сполз с одного плеча; они с графиней сидели, наклонившись вперед, опершись локтями о коле-

ни, раздвинув ноги — графиня, по крайней мере, настолько, насколько ей позволяла ее узкая юбка — и слегка склонившись друг к другу. Они все еще были на удивление материальны, хотя им не оказывалось персонального внимания уже с полчаса, и они глядели куда-то над моей головой полузакрытыми глазами и казалось, — держите меня! — что они вслушиваются в то, что говорит Брюс и может быть, даже что-то слышат.

— Мы четко различаем Зомби и Нерожденных, то есть тех, потревоженных нашей операцией, чьи жизненные линии лежат в прошлом и тех, у кого они в будущем. Но есть ли сейчас такое различие? Можем ли мы указать на различие между прошлым и будущим? Можем сказать, что такое «сейчас», настоящее «сейчас» в космосе? На каждой Станции свое понятие о том, что такое «сейчас», относящееся к Большому Времени, в котором мы находимся, но это все не то — оно не приспособлено к настоящей жизни. Пауки говорили нам, что настоящее «сейчас» — где-то во второй половине XX века, и это значит, что некоторые из нас живы также и в космосе, имеют действующие жизненные линии. Ну а вы, Илилихис, Севенси, — как вы-то это переносите? Как это отражается на слугах Тройной Богини? На

Пауках из Октавиановского Рима? На Демонах из эпохи доброй королевы Бесс? На господине Зомби с Великого Юга?

А как Нерожденные водят космические корабли, а, Мод? Пауки говорили нам также, что, хотя туман битвы не дает возможности точно указать на настоящее «сейчас», все станет ясно после неминуемого поражения Змей и установления космического мира, и величественно покатится в будущее, оживляя континуум по мере прохождения. И вы действительно в это верите?

Или же вы, как и я, осознаете, что мы использовали все будущее, как и все прошлое, растратили их в бессмысленных экспериментах, и вот теперь реальность затянута дымом, навсегда украдена у нас, наше драгоценное «сейчас», когда мы по-настоящему растем, то детство, в котором заложена вся жизнь, тот момент, который, как новорожденное дитя, вмещает все наши надежды?...

Он умолк, давая нам возможность переварить все это, а потом сделал несколько быстрых шагов и продолжил, повысив голос в ответ на Эрихово:

«Брюс, последний раз тебя прошу...» и даже вроде бы нашел зерна надежды в своих же собственных словах:

— Но хотя все представляется ужасающе сквер-

ным, остается шанс ничтожнейший шанс, но все-таки шанс — спасти космос от Смерти Перемен и восстановить богатство реальности, дать Призракам спокойно заснуть и быть может, даже обрести реальное «сейчас». Такое средство у нас есть. Что, если энергию, необходимую для путешествий во времени, использовать не для войны и разрушения, а для исцеления, для взаимного обогащения эпох, для спокойной коммуникации и развития, короче говоря, передать призыв к миру…

Но мой маленький комендант тоже мнит себя актером и знает немножко о том, как привлечь к себе внимание публики; он не собирался позволить Брюсу заглушить себя, как будто он всего лишь играет роль Голоса-из-толпы. Он метнулся между нами и баром, и одним прыжком очутился на проклятом ящике с бомбой.

Чуть позже Мод молча указала мне на белое пятно над своим локтем, в том месте, где я в нее вцепилась, а Илли пытался высвободить пучок своих щупалец из другой моей руки, укоризненно скрипя: «Греточка, никогда больше так не делай».

Эрих стоял на сундуке, широко расставив ноги, над самым кругом черепов, и мне, конечно, давно

бы следовало осознать, что очень трудно нажать на них в нужном порядке, просто прыгнув на них. Он указывал на Брюса и говорил:

— …а это означает мятеж, мой молодой сэр. Um Gottes willen, Брюс, послушай меня и слезь, пока ты не наговорил чего-нибудь похуже. Я старше тебя, Брюс. И Марк старше. Положись на своих Kameraden. Доверься их опыту.

Я слушала его внимательно, но не могу сказать, чтобы я была с ним согласна.

— Ты старше меня? — презрительно фыркнул Брюс. — Да эту двенадцатилетнюю разницу ты промотал, когда мудрость нации извращенных мечтателей превратилась в паранойю, когда течение мыслей в мире было замутнено тотальной войной! Марк старше меня? Все его идеалы и преданность — идеалы и преданность волчьей стаи тупоумных забияк, которые на две тысячи лет моложе меня! А может, вы старше потому, что в вас больше того цинизма убийц, этой самой мудрости, которую Мир Перемен дает вам? Не смешите меня! Я англичанин, и я пришел из той эпохи, когда мировая война еще оскорбляла, когда бутоны и цветы мыслей еще не были выполоты и не завяли. Я поэт, а поэты мудрее всех остальных людей, потому что только у них есть

орган, позволяющий им и думать и чувствовать одновременно. Верно, Сид? Когда я обращаюсь ко всем вам с призывом к миру, я хочу, чтобы вы воспринимали это конкретно, в том смысле, что мы используем Станции, чтобы оказывать помощь, когда она действительно нужна, а не навязывать ее, когда ее никто не просит; мы не должны приносить преждевременное либо пагубное знание; иной раз лучше не приносить ничего, но лишь проверять, с бесконечной мягкостью и терпением, что все в порядке, и что вселенная процветает, развиваясь, как тому и следует быть…

— Да, ты поэт, Брюс, — вмешался Эрих. — Ты можешь бесконечно пустословить и выжимать из нас слезу. Ты можешь открыть все клапаны на самых больших трубах органа и заставить нас трепетать, как если бы мы слышали шаги Иеговы. Последние двадцать минут ты услаждал нас поистине прелестной поэзией. Но кто ты такой? Развлекатель? Или все же Солдат?

***

Именно тогда, — не знаю, как я это ощутила — может быть по тому, как откашлялся Сид — стало ясно, что наше настроение изменяется не в пользу Брюса. Странное чувство — ощущать,

как на тебя снова начинает давить реальность, как яркие краски тускнеют, а мечты исчезают в тумане. И только тут я осознала, насколько близко к грани бунта Брюс подвел нас — по крайней мере некоторых из нас. Я была зла на Эриха за то, что он сделал, но не могла не восхищаться его дерзостью.

Я все еще была под впечатлением слов Брюса и того, что он не успел договорить, но потом Эрих слегка сдвинулся, чуть не наступив одним из каблуков на смертоносные кнопки-черепа, и мне захотелось взять его шпору и проткнуть ею каждую пуговицу с черепом на его мундире. Трудно описать, что я тогда почувствовала.

— Да, я Солдат, — ответил ему Брюс, — и я полагаю, что тебе не приходится сомневаться в моей смелости, потому что мне требуется больше смелости, чем в любой из операций, которую мы когда-либо планировали или даже могли бы придумать, чтобы предложить отправить послание о мире на все другие Станции и во все болевые точки космоса. Может, нас тут же прихлопнут, едва мы сделаем первую попытку, но кто знает? Быть может, мы по крайней мере увидим наших настоящих хозяев, когда они явятся, чтобы раздавить нас. Что касается меня, то я бы этим

был вполне удовлетворен. Но мы и сами можем нанести удар.

— Так оказывается, ты Солдат, — Эрих оскалил зубы в улыбке. — Брюс, я готов признать, что те полдюжины операций, в которых ты побывал, были покруче, чем все, что я видел за мою первые сотню снов. И потому я искренне тебе сочувствую. Но ты дошел из-за них до такого состояния, что любовь и девчонка смогли перевернуть тебя вверх ногами и ты начал балабонить о призывах к миру…

— Да, клянусь Господом, любовь и девушка изменили меня! — заорал на него Брюс, а я посмотрела на Лили и вспомнила, как Дэйв сказал «Я еду в Испанию». И я подумала, найдется ли что-нибудь в мире, отчего мое лицо могло бы вот так запылать… — А точнее, они заставили меня выступить за то, во что я верил всегда. Они заставили меня…

— Wunderbar! — воскликнул Эрих и начал, кривляясь, выплясывать на бомбе танец, от которого я стиснула зубы. Он жеманно сплетал руки, покачивал бедрами, зазывно вытягивал шею и быстро моргал глазами. — Не пригласите ли вы меня на свадьбу, Брюс? Вам придется поискать другого шафера, а я в роли цветочницы буду бро-

сать избранным гостям прелестные маленькие букетики. Пожалуйста, Марк. Держите, Каби. Это вам, Грета. Danke schon. Ach, zwei Herzen in dreivierteltakt… та-та… та-та… та-та-та-та…

— Что ты позволяешь себе думать о женщинах? — с ненавистью крикнул Брюс. — По-твоему, они предназначены для того, чтобы ты мог поразвлечься в свободное время?

Эрих, продолжая мурлыкать мелодию «Двух сердец в ритме вальса» и кружиться в такт ей, черт бы его побрал — небрежно кивнул Брюсу и сказал:

«Совершенно верно». Так что мне стало известно мое место в его жизни; впрочем, это и не было для меня новостью.

— Ну и прекрасно, — сказал Брюс. — Пусть этот коричневорубашечник развлекается, а мы займемся делом. Я сделал всем вам предложение и, думаю, мне не надо объяснять вам, насколько оно серьезно или как мы с Лили к этому относимся. Мы должны не только внедриться на другие Станции и завоевать их — к счастью, они просто предназначены для захвата — но еще и вступить в контакт со Змеями и установить рабочие взаимоотношения с их Демонами нашего уровня. Это должен быть наш первый шаг.

Тут Эрих прекратил кружиться, а у нас — мне показалось, что у всех перехватило дыхание. Эрих воспользовался этим, чтобы сменить пластинку.

— Брюс! Мы позволили тебе нести эту чушь дольше, чем следовало бы.

Похоже, ты вбил себе в голову, что раз тут у нас на станции происходит всякое такое — дуэли, пьянки, und so weiter — то ты можешь плести что тебе вздумается, а потом все это будет забыто. Ничего подобного. Конечно, среди такой толпы монстров и вольнодумцев, как мы все, да еще в придачу работающих секретными агентами, не может быть естественной военной дисциплины, которая поддерживается в земной армии. Но я хочу кое-что сказать тебе, Брюс, а ты зазубри это раз и навсегда. А Сид, Каби и Марк, как офицеры соответствующего ранга, подтвердят мои слова. Так вот, команды Пауков выполняются в этом месте так же четко, как слово Фюрера правит в Чикаго. И мне не стоило бы напоминать тебе, Брюс, что у Пауков есть такие виды наказаний, которые заставили бы моих соотечественников в Бельзене и Бухенвальде… ну, скажем, немножко побледнеть. Так что пока остается хоть слабенькая возможность воспринимать твои высказывания просто как лишенную чувства меры клоунаду…

— Болтай дальше, — махнул рукой Брюс, не удостоив его взглядом. Люди, я сделал вам предложение. — Он сделал паузу. — Сидней Лессингем, на чьей вы стороне?

И я почувствовала, что мои ноги подкашиваются, потому что Сид не ответил сразу. Мой дружок сглотнул и огляделся по сторонам. Затем ощущение чего-то зловещего, повисшего в воздухе, стало еще сильнее, и Сид перестал оглядываться, а спина его напряглась. Тут быстро врубился Марк.

— Мне очень жаль, Брюс, но мне кажется, что ты свихнулся. Эрих, его нужно взять под стражу.

Каби с отсутствующим видом кивнула.

— Взять под стражу или убить труса, смотря что проще, а женщину высечь, и давайте вернемся к битве в Египте.

— Ну и правильно, — сказал Марк. — Я в ней погиб. Но теперь, может, это будет не так.

— Ты мне нравишься, римлянин, — сказала ему Каби.

На губах Брюса была легкая улыбка, а глаза перебегали с одного из нас на другого.

— Вы, Илилихис?

Пищалка Илли никогда прежде не звучала как механизм, но сегодня это было именно так:

— Я намного глубже любого из вас забрался во

время, тра-ла-ла, но папочке еще хочется пожить. Не включай меня в свой список, Брюсик.

— Мисс Дэвис?

Сзади меня раздался бесцветный голос Мод:

— Вы думаете, я дура?

Я видела, что рядом с ней сидит Лили. Я подумала: Господи, я могла бы выглядеть на ее месте столь же гордо, но никогда бы мне не удалось выглядеть столь же уверенной в себе.

Взгляд Брюса еще не добрался до Бура, но тут картежник заговорил сам.

— У меня нет причин обожать вас, сэр, скорее наоборот. Но это место начинает утомлять меня еще больше, чем Бостон, хотя я долго с этим боролся. Боюсь даже, слишком долго. Я с вами, сэр.

У меня в груди защемило и в ушах зазвенело, и сквозь этот звон я услышала рев Севенси:

— Тошнит эти грязный Пауки. Бери меня вместе.

А потом перед баром воздвигся Док, потерявший где-то свою шляпу, волосы его были всклокочены; он схватил за горлышко пустую бутылку и отбил ей дно, ударив о стойку бара, взмахнул ей и зловеще каркнул что-то по-русски.

Тут же Бур перевел на английский: «Убивайте Пауков и немцев!»

И Док после этого не свалился снова; впрочем, я видела, что он крепко вцепился в стойку бара, а в помещении Станции стало совсем тихо, гораздо тише, чем я когда-либо слышала, и взгляд Брюса начал наконец перемещаться к Сиду.

Но он не дошел до Сида, и я услышала, как Брюс спросил:

— Мисс Форзейн? — и я подумала: «Ну, это же вообще смешно», и начала оборачиваться, разыскивая графиню, а потом увидела, что все смотрят на меня и осознала: «Эй, да это же он про меня! Но ведь меня-то это не касается. Другие — да, но не я же. Я здесь просто работаю. Не троньте Грету, нет, нет, нет!…»

Но их взгляды уперлись в меня и не отпускали, а тишина стояла такая, что я сказала себе: «Грета, ты должна хоть что-нибудь сказать, хоть какое-нибудь подходящее к случаю слово из четырех букв», а потом я вдруг поняла, на что похожа эта тишина. Это как будто в большом городе в одно мгновение выключили все шумы. Как будто Эрих продолжал петь, когда рояль уже умолк. Как будто Ветры Перемен полностью утихли… и я, кажется, заранее знала, что случилось, еще до того, как успела увидеть.

Девушки-призраки исчезли. Главный Храни-

тель не был переключен на интроверсию, как я полагала. Он тоже исчез.

Глава 9
В ЗАКРЫТОЙ КОМНАТЕ

– Мы обследовали мох между камнями и обнаружили, что он не потревожен.
– Надеюсь, вы искали среди бумаг Д. и в книгах в библиотеке?
– Конечно; мы развернули каждый сверток и просмотрели каждый пакет; мы не только раскрыли каждую книгу, но в каждой книге перелистали каждую страницу…

Эдгар По

Через три часа мы с Сидом плюхнулись на кушетку, ближайшую к кухне, хотя мы слишком устали, чтобы хотеть есть. Самые тщательные поиски, какие только можно вообразить, показали, что Хранителя на Станции больше нет.

Конечно, он должен быть на Станции, — все мы повторяли это друг другу первые два часа. Он должен быть здесь, если та наука, по которой существовала Станция, значила хоть что-нибудь. Хранитель — это такая штука, которая поддерживает существование Станции. Малый Хранитель

снабжает нас кислородом, обеспечивает должную температуру, влажность, силу притяжения и все прочее, что нужно для круговорота материи и жизни на Станции. А вот Главный Хранитель — он не дает схлопнуться стенам и свалиться потолку Станции. Не так уж мало, сами понимаете.

Он не использует радиоизлучение или еще что-нибудь в таком духе.

Просто искривляет локальное пространство-время.

Мне рассказывали, что внутренность Хранителя — это чрезвычайно упругие и прочные гигантские молекулы, каждая из которых — чуть ли не космос в миниатюре. А внешне он выглядит, как переносной радиоприемник с чуть большим, чем обычно, количеством подстроечных ручек, индикаторами, переключателями и гнездами для наушников и всякими прочими штуковинами.

Хранитель исчез, а Пустота тем не менее не обрушилась на нас. Но к этому времени я настолько валилась с ног от усталости, что меня даже не интересовало, схлопнулась она или нет.

Одно было ясно, что Хранитель был переключен в режим интроверсии, перед тем как духи его уволокли; или же при исчезновении он автоматически переключается в этот режим — можете

выбирать сами. Потому что нас наверняка интровертировали — я это вбила себе в голову, как затверженный школьный урок — выпивка не выдыхается, ни дуновения Ветра Перемен, полное удушье, а серость Пустоты, казалось, так глубоко проникла в мою голову, что меня даже осенило — так вот что имели в виду наши ученые всезнайки, когда втолковывали мне, что Станция — это своего рода переплетение материального и духовного. Один из них назвал это «гигантской монадой».

Как бы то ни было, но я сказала себе: «Грета, если это интроверсия, то я в такие игры не играю. Не очень приятно быть отрезанной от космоса и знать об этом. Спасательный плот посреди океана или космический корабль, летящий между галактиками — и то не так одиноки».

Я задала себе вопрос, зачем вообще Пауки снабдили наши Хранители такими переключателями, если мы не имеем опыта обращения с ними, и, как предполагалось, можем ими воспользоваться только в случае крайней необходимости, когда тебе остается либо интровертироваться, либо быть захваченным Змеями. И только тут до меня вдруг дошло:

Интровертировать Станцию — все равно что

открыть кингстоны на корабле. Цель этого одна: сохранить секреты и оборудование от врага. При этом Станция оказывается в таком положении, из которого ее не может вывести даже командование Пауков, и нам остается только тонуть (всплывать? дрейфовать?) в Пустоте.

Если дело обстоит таким образом, то наши шансы выбраться отсюда примерно такие же, как мне снова стать малышкой, играющей в песочнице.

Я теснее прижалась к Сиду, мне захотелось — как бы это сказать? спрятаться к нему под крылышко. Потерлась щекой о засаленный бархат его шитого золотом камзола. Он поглядел на меня сверху вниз, а я спросила: «Ну что Сидди, далеко стало до Королевского Линна, а?»

— Дражайшая, ты изрекаешь весьма мудрые вещи, — сказал Сид. Дрянной мой старикан прекрасно знает, что делает, когда переходит на такую манеру выражаться.

— Сидди, зачем тебе нужно все это золотое шитье? Без него ты был бы такой гладенький…

— Святая дева! Мужчина должен быть колючим и, ну я не знаю, мне нравится чувствовать на себе металл.

— И колоть девушек, — фыркнула я. — Но ты, пожалуйста, не выкидывай свой камзол в Восста-

новитель. Пока мы не выберемся из леса, я хочу, чтобы все вокруг по возможности оставалось, как прежде.

— Святая дева! А зачем мне его чистить? — простодушно поинтересовался он, и мне кажется, что он вовсе не собирался меня дурачить.

Путешественников во времени меньше всего заботит, чем они пахнут или чем не пахнут. Потом его лицо омрачилось, и вид у Сида стал такой, будто ему самому захотелось спрятаться мне под крылышко.

— Да, милая, в этом лесу деревьев побольше, чем в Шервуде.

— Твоя правда, — согласилась я, задумавшись, что означает этот его взгляд. Чувствовалось, что его сейчас не забавляет моя ребячливость. Я понимала, что делаю глупости, но он стал мне очень близок за все это время и вообще… Трудно сказать. И еще я вспомнила, что кроме меня, еще только он ничего не сказал, когда Брюс предложил нам выбирать, на какую встать сторону и, быть может, это все еще продолжало угнетать его мужское достоинство. Я-то как раз наоборот — все еще была благодарна Хранителю, что он вытащил меня из затруднительного положения — несмотря на то даже, что все мы при этом

здорово влипли. Казалось, прошла уже целая вечность.

Все вынуждены были согласиться, что девушки-призраки сбежали с Хранителем, непонятно только куда и как. Как бы то ни было, все говорило в пользу этой версии. Мод опять заверещала, что она никогда не доверяла Призракам, и что у нее всегда было предчувствие, что в один прекрасный день они выйдут из повиновения. А Каби намертво вбила себе в голову, прямо между двумя своими рожками, что раз Фрина — гречанка, то она-то и есть заводила, она и задумала погубить всех нас.

Но когда мы первый раз обшаривали склад, я заметила, что все упаковки с девушками-призраками выглядят странно плоскими. Эктоплазма в свернутом виде занимает не так уж много места, но я все-таки решила открыть на пробу одну упаковку, а потом вторую, а уж потом позвала на помощь и остальных.

Все до единой упаковки были пусты. Исчезли более тысячи девушек-призраков, весь запас Сида.

Что ж, по крайней мере это доказывало одну вещь, о которой нам никто никогда не говорил и не показывал: что есть некая мистическая связь

между Призраком и его жизненной линией. Осуществляется она через Ветры Перемен; и когда эта пуповина (я слышала, как произносилось именно это слово) рвется, то та часть существа, которая удалена от своей жизненной линии, погибает.

Это все интересно, но меня беспокоило, а не испаримся ли и мы, Демоны, тоже; ведь мы — такие же Двойники, как и Призраки, и завязочки наших передников были перерезаны точно так же. Мы, конечно, более вещественны, чем Призраки, но это означает лишь, что мы протянем чуть подольше. Вполне логично.

Помню, я глянула тогда на Лили и Мод — мы не стали брать мужчин на проверку упаковок с Призраками; во-первых, это одно из тех приличий, которые мы стараемся поддерживать и, кроме того, если мужчины этим займутся, то кто-нибудь наверняка выдаст одну из пошлых шуточек про «быстрорастворимых женщин», а меня от этого просто тошнит. Так что благодарю покорно.

Как бы то ни было, но я глянула на них и сказала, обращаясь к Лили:

— Приятно было познакомиться, — на что она ответила:

— Ладно, отвали, — а Мод сказала:

— Так-то лучше, — и мы пожали друг другу руки.

Нам пришлось предположить, что Фрина с графиней исчезли тогда же, когда и прочие девушки-призраки, но меня все беспокоила одна мысль, и я выложила ее Сиду.

— Попробуй представить себе на мгновение — я не знаю, возможно ли это, — что, пока мы все уставились на Брюса, эти две девицы запустили Хранитель, открыли Дверь и удрали отсюда, прихватив с собой эту штуку.

— Твои уста произносят мои мысли, милейшая. Однако все против этой идеи: импримус — хорошо известно, что Призраки не могут организовывать заговоры или участвовать в них. Секундо — время было неподходящее для того, чтобы можно было открыть Дверь. Терцио — и вот это самое важное Станция стоит без Хранителя. Квадро — было бы полной глупостью заложиться на то, что ни один из — сколько нас? десять? одиннадесять? — не оглянется за все время, которое им понадобилось бы…

— Я оглянулась один раз, Сидди. Они развлекались выпивкой, и еще они по собственной воле подошли к контрольному дивану. Так, когда же это было? Ах, да, как раз когда Брюс толковал о

Зомби.

— Да, милейшая. И когда ты начала свой лепет, я как раз собирался высказать свой пятый аргумент, что я мог бы поклясться, что без моего ведома никто не мог бы даже прикоснуться к Хранителю, не говоря уже о том, чтобы включить или похитить его. Тем не менее…

— Тем не менее это случилось, — я завершила это высказывание вместо него.

Похоже, кто-то проник на Станцию и покинул ее, прихватив с собой Хранитель. Потому что его точно не было теперь на Станции. Наши поиски были сверхтщательными. Не так-то просто спрятать предмет размером с пишущую машинку, а мы заглянули во все щелочки, начиная от внутренностей рояля и кончая линией Восстановления.

Мы даже проверили всех флюороскопом, хотя Илли начал от этого корчиться, как будто был битком набит глистами. Он нас об этом заранее предупредил, сказав, что у него от этой штуки жуткая чесотка. Я потом минут пять ублажала его, разглаживая ему шерстку, хотя он явно дулся на меня.

Поиски в некоторых местах, таких, как бар, кухня и склады, отняли довольно много времени,

но мы старались изо всех сил. Каби помогала Доку обшаривать хирургический кабинет: после того, как она последний раз побывала у нас на Станции, ее поместили в полевой госпиталь (оказывается, Пауки именно оттуда разворачивают свои операции) и там она узнала немало новых приемчиков.

Тем не менее, Док и сам честно вкалывал, хотя конечно, на каждого ищущего приходилось по крайней мере трое проверяющих, не считая Брюса и Лили. Когда исчез Хранитель, Док вышел из своего состояния остекленелого опьянения с такой легкостью, которая удивила бы меня, если бы такого не случалось и прежде, но когда мы покончили с его кабинетом и перешли в Галерею Искусств, он стал слоняться без дела, и я заметила, что он, прикрываясь полой пальто, быстро вытащил фляжку и хорошенько к ней приложился, так что теперь он снова быстро приближается к новому пику.

Галерея Искусств тоже заняла немало времени, потому что это целое скопище всякой странной всячины; у меня чуть не разорвалось сердце, когда Каби расколола своим топором прекрасную вырезанную из голубого дерева венерианскую медузу, потому что, хоть на полированной по-

верхности и не было видно никаких следов, но эта медуза, видите ли, слишком большая. Док немножко пошумел; когда мы уходили, он пытался приладить друг к другу обломки.

После того, как мы покончили со всем остальным, Марк начал требовать, чтобы мы взялись за пол. Бур с Сидом пытались объяснить ему, что у Станции есть только одна поверхность, что под полом нет ничего, ну абсолютно ничего; что как только ты заберешься на четверть дюйма вниз, так там будет среда гораздо более твердая, чем алмазы, инкрустированные в пол — эта твердая субстанция соответствует Пустоте. Но Марк — парень упертый (как и все римляне, тихонько сообщил мне Сид), и он сломал четыре алмазных сверла, прежде чем успокоился.

Оставалось еще несколько хитрых местечек, куда можно было что-то спрятать, да еще Пустота. Но предметы не исчезают, когда ты выбрасываешь их в Пустоту — полуоплавленые, они висят в ней, если вам не удастся их оттуда выудить. За Восстановителем до сих пор на уровне глаз висят три венерианских кокосовых ореха, которые один силач из Хиттитов зашвырнул туда во время крупной свары. Я стараюсь не глядеть на них, потому они настолько похожи на головы ведьм,

что у меня мурашки бегают по коже. Те части Станции, что ближе всего к Пустоте, обладают странными пространственными свойствами, и одна из штучек-дрючек в Хирургии использует эти свойства в своей работе, и у меня от этого мурашки бегают куда как сильнее, но сейчас это к делу не относится.

Во время нашей охоты Каби и Эрих пытались использовать свои вызывники, чтобы найти Хранитель, — как это делают в космосе, чтобы найти Дверь — а иногда и на больших Станциях, как мне рассказывали. Но вызывники словно сошли с ума — как компас, у которого стрелка бешено крутится, не останавливаясь. Никто не мог понять, что бы это значило.

Хитрыми местечками были — Малый Хранитель (превосходная идея, но он был не больше по размеру, чем Большой, и у него есть своя таинственная начинка, а она явно продолжала работать, так что по нескольким причинам эту идею пришлось отвергнуть). А еще — сундук с бомбой, хоть и представлялось невозможным, чтобы кто-нибудь мог его открыть, даже если он знает секрет замка; пусть даже перед тем, как Эрих вспрыгнул на него и этот сундук вдвойне стал центром внимания. Но когда исключаешь

все возможности одну за другой, слово «невозможно» начинает менять смысл.

Поскольку путешествия во времени — это наша профессия, то сразу же приходят в голову всевозможные трюки с отправкой Хранителя в прошлое или будущее, временно или навсегда. Но Станция находится именно в Большом Времени, и все, кто в этом хоть сколько-нибудь разбирается, уверяли меня, что возможность произвольно перемещаться сквозь Большое Время исключена.

Аналогия тут такая: Большое Время — это поезд, а Малое Время — это пейзаж вокруг. При этом мы находимся в поезде, если не выходим за Дверь, конечно; и, как выразился бы Джерти Стейн, «нельзя путешествовать во времени сквозь то время, в котором вы путешествуете во времени в то время, как вы путешествуете во времени».

Некоторое время я поразвлекалась с идеей, что есть какое-то фантастически простое укрытие, ну например, что несколько человек постоянно перепрятывают Хранитель то туда, то сюда. Это означало бы, что имеется заговор и, конечно, если предположить достаточно обширный заговор, то можно объяснить все, что угодно, включая сам космос. И все же у меня продолжала брезжить идея насчет чего-то вроде игры в наперсток, когда

я глядела на три высоких черных кивера Солдат; и я не успокоилась, пока не взяла их все вместе и не заглянула во все три сразу.

— Грета, проснись и возьми что-нибудь, я не могу стоять здесь до скончания века, — Мод, оказывается, принесла нам поднос с закусками, и я должна сказать, что выглядели они весьма соблазнительно, притом что закуски у Мод получаются довольно посредственные.

Я присмотрелась ко всему, что было на подносе и заявила:

— Сидди, я хочу сосиску.

— А я хочу пирожное из оленины! Прочь отсюда, привереда, прочь, разборчивая шельма, прочь, капризная и своенравная кукла!

Я схватила целую пригоршню чего-то с подноса и прильнула к Сиду.

— Ну обзови меня еще, Сидди. И покрепче, пожалуйста.

Глава 10
МОТИВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Воображаемые страхи хуже
Действительных. Я весь оледенел
При допущенье этого убийства,
И жизнь передо мной заслонена
Плодом воображенья, небылицей.

«Макбет»

Мой дружок, приблудившийся из Кингс Линна, поставил поднос к себе на колени и начал жадно уписывать все, что там было. Остальные уже заканчивали. Эрих, Марк и Каби яростно спорили о чем-то приглушенными голосами, расположившись у того конца бара, что был ближе к бронзовому сундуку. Мне не было слышно, о чем шла речь. Илли, распластавшись на рояле, как настоящий осьминог, внимательно слушал их.

Бур и Севенси вышагивали взад и вперед около контрольного дивана, время от времени перебрасываясь словами. На дальней от нас кушетке сидели Брюс с Лили и что-то горячо обсуждали. Мод уселась на стойке бара и вязала — это затягивает, подобно шахматам или умеренной выпивке,

или обучения общению с помощью автопереводчика-скрипучки — мы этим развлекаемся, чтобы скоротать время между вечеринками. Док шлялся туда-сюда по Галерее, брал в руки разные экспонаты и ставил их на место, еще и умудряясь при этом сохранять равновесие.

Лили и Брюс, продолжая трещать, как сороки, поднялись. Илли начал подбирать на рояле одним щупальцем мелодию в высокой тональности; вряд ли на грешной Земле когда-либо звучало что-то похожее. Откуда у них на это сил хватает, спросила я себя.

И не успев задать вопрос, я уже знала ответ и осознала, что я и сама в таком же состоянии. Это были не силы, а нервы, голые и напряженные.

Я поняла, что Перемены — это как наркотик; ты привыкаешь к тому, что ничто вокруг тебя не остается неизменным, и одна картинка прошлого и будущего растворяется в другой, быть может, не сильно отличающейся, но все-таки иной, и в мозгу все время мечутся странные образы и понятия, как вспышки разноцветных огней в дискотеке, перемежающиеся кромешной тьмой.

Непрестанное качание и кружение убаюкивает так же, как стук колес поезда. К ним очень быстро привыкаешь, не отдавая себе в том отчета, и

когда внезапно все вокруг останавливается, и оказывается, что ты — это просто ты; и все то, о чем ты думаешь и что ощущаешь, останется точно таким же, когда бы ты снова не вернулся к прерванной мысли — о нет, теперь я понимаю, как это ужасно.

В то мгновение, когда мы интровертировались, все, что обычно просачивается на Станцию, спишь ты или бодрствуешь, — было отсечено от нас. Мы остались — каждый сам по себе — тем, кем мы были друг для друга и с тем, что мы могли выжать из своего нелепого замкнутого мирка.

У меня было такое ощущение, будто меня кинули в бассейн с жидким цементом и удерживают там, пока цемент не схватится.

Я понимала, что все пытаются как-то взбодриться. Еще удивительно, как никто не попытался выброситься в Пустоту. Похоже, Мод переносила эту ситуацию лучше всех — может быть, потому что у нее был опыт долгих межзвездных вахт. А кроме того, она старше всех нас, не исключая Сида, хотя слово «старше» в данном случае надо писать именно с маленькой буквой «с».

Неустанные поиски Хранителя несколько ослабили эти ощущения, но сейчас они вспыхнули с новой силой. Впечатление от речи Брюса и

реплик Эриха тоже какое-то время отодвигало эти чувства на задний план. Я все пыталась вспомнить, когда же я впервые ощутила себя в бассейне с цементом и решила наконец, что это произошло, когда Эрих вспрыгнул на бомбу, примерно в то время, когда он заговорил о поэзии. Хотя я, конечно, не была в этом уверена. Может, интроверсия произошла даже раньше, когда я обернулась и глянула на девушек-призраков. Если бы я только знала… Чушь собачья!

Можете мне поверить, я всей кожей ощущала этот затвердевающий цемент.

Я вспомнила прекрасную картину, нарисованную Брюсом — Вселенной, лишенной Большого Времени, и решила, что это наихудший вариант из всех возможных. Я продолжила есть, хотя и не была уверена в том, стоит ли сейчас поддерживать в себе силы.

— У Хранителя есть индикатор интроверсии? Сидди!

— Ради всего святого, крошка, не кричи так громко. Мне вдруг стало худо, как будто я вылакал бочку рейнского и заснул внутри нее. Ну да, конечно, должен гореть голубой сигнал. Короткими вспышками, как сказано в инструкции. Почему ты вопрошаешь меня об этом?

— Да нипочему. Боже мой, Сидди, я бы все отдала, чтобы почувствовать дуновение Ветра Перемен.

— Не смей так говорить, — зарычал он. Должно быть, я являла собой весьма жалкое зрелище, потому что он обнял меня за плечи и сипло прошептал. — Успокой себя тем, дорогая, что до тех пор, пока мы так страдаем, мы не можем умереть от Смерти Перемен.

— Что-что? — переспросила я.

Мне бы очень не хотелось начать дергаться, как прочие. Я подозревала, что в таком случае я зайду слишком далеко. Поэтому, чтобы совсем не свихнуться, я снова начала обдумывать, кто же и что именно мог сделать с Хранителем.

Во время наших поисков было высказано немало совершенно диких предположений, которые должны были бы объяснить его исчезновение или хотя бы интроверсию: успех змеиной науки, граничащий с волшебством; командование Пауков само заблокировало Станции, возможно, в качестве реакции на утрату Экспресс-комнаты, причем проделало это в такой спешке, что даже не успело предупредить нас; это дело рук Поздних Космиков, таинственных гипотетических существ, которые, как полагают, успешно сопро-

тивляются распространению Войны Перемен в будущее примерно за эпоху Севенси — если только Поздние Космики сами не являются одной из воюющих сторон.

Но вот к чему вели эти наши предположения: один из нас безусловно является подозреваемым в том, что он либо шпион Змей, либо агент политической полиции Пауков, либо — в чем можно быть уверенным после того, что выкинул Брюс? — член секретного Комитета общественной безопасности Меняющихся Миров, либо участник революционного антипаучьего подполья, или же это заговор непосредственно против нас. И с тех пор, как украли Хранитель, никто и словом не обмолвился о трещине, которая пролегла между сторонниками Эриха и Брюса.

Можно было бы подумать, что это проявление прекрасной групповой солидарности, когда все различия во мнениях отступают перед лицом опасности, но что касается меня, я-то знала, что это не так.

Кому так сильно захотелось сбежать, что он интровертировал Станцию, отрезав все возможные контакты с космосом в обоих направлениях, рискуя при этом вообще никогда не вернуться в космос?

Отвлекаясь от того, что произошло с тех пор, как появился Брюс и все перебаламутил, мне казалось, что самый серьезный мотив был у Дока. Он знал, что Сид не будет покрывать его до скончания века, и что у Пауков наказания за уклонение от выполнения долга покруче, чем просто «взвод, залпом — пли!», как нам напомнил Эрих. Однако Док неподвижно валялся на полу перед стойкой бара с того времени, как Брюс вспрыгнул на нее, хотя я, конечно, не могу сказать, что я все время за ним следила.

Бур? Бур сказал, что он устал от Станции, и сказал это тогда, когда его голос шел в зачет, так что вряд ли он стал бы закрывать себя на Станции, быть может, навсегда, не говоря уже о том, чтобы закрыть там же Брюса с девчонкой, к которой он испытывал нежные чувства.

Сид любит реальность, неважно, меняется она или нет, все до последней пылинки, а особенно он любит людей — больше, чем кто-либо из тех, кого я знала. Это большой ребенок с широко открытыми глазами, который норовит схватить все, что попадается ему под руки и засунуть в рот — трудно представить себе, что он вдруг решил отрезать себя от космоса.

Мод, Каби, Марк и два внеземлянина? Ни у кого

из них, насколько я могла себе представить, не было мотива, хотя то, что Севенси — из очень отдаленного будущего, могло связывать его с этой идеей о Поздних Космиках; да еще вроде бы что-то завязывалось между критянкой и римлянином, из-за чего они могли бы пожелать интровертироваться совместно…

«Придерживайся фактов, Грета», — напомнила я себе со вздохом. Итак, оставались Эрих, Брюс, Лили и я сама.

И я подумала — Эрих… в этом что-то есть. У маленького коменданта нервная система койота и храбрость дикого кота, и если бы он решил, что для окончательной победы над Брюсом ему нужно запереться с ним вместе, то он бы это сделал, не задумываясь ни на секунду.

Но даже перед тем, как Эрих начал отплясывать на бомбе, он постоянно прерывал Брюса своими выкриками из толпы. Правда, могло так случиться, что между своими выкриками он тихонечко отступил назад, интровертировал Хранитель и… да, вот в этом-то и есть основная проблема.

Если бы виновной была я, то это значило бы, что я свихнулась и вот вам наилучшее объяснение всего, что случилось. Бр-р-р!

Мотивы Брюса казались столь очевидны-

ми, особенно смертельная (или бессмертная?) опасность, которой он подвергал себя своим подстрекательством к мятежу. Было только досадно, что он все время был на виду, возвышаясь на баре. Конечно, если Хранитель был интровертирован до того, как Брюс вскочил на бар, мы все бы заметили мигающий голубой индикатор. Я-то наверняка заметила бы, когда оглядывалась на девушек-призраков — если, конечно, он работает так, как объяснял Сид, а он сказал, что никогда не видел этого в натуре — только читал в инструкции. О Боже!

Но Брюсу и не нужно было бы этим заниматься (я уверена, так мне хором сказали бы все мужчины на Станции), потому что у него есть Лили, которая сделала бы эту работу за него, а она имела такую возможность точно так же, как и любой из нас. Лично я отношусь очень сдержанно к этой теории «женщина-безропотно-подчиняется-мужчине-от-которого-она-без-ума», но приходится признать, что в этом случае есть о чем поговорить. Поэтому мне казалось совершенно естественным, когда, не сговариваясь, мы все решили, что результаты поисков ни Брюса, ни Лили мы не принимаем во внимание.

Все это мы продумали и остался только вариант

с таинственным незнакомцем, который каким-то образом проник в Дверь (как он умудрился это сделать, не используя Хранитель?) или же какой-то невообразимый тайник, может даже вне самой Пустоты. Я знаю, что последний вариант исключается ничего нельзя выбросить за пределы ничего — но если вам захочется подобрать пример чего-нибудь не весьма приятного, специально созданного для того, чтобы совершенно вас запутать, то это именно Пустота — туманная, мутно вспененная, серая слизь…

«Постой-ка секундочку, — сказала я себе, — и сосредоточься на этом.

Ведь это же должно было броситься тебе в глаза с самого начала».

Что бы ни появилось из Пустоты, или, если быть точнее применительно к нашему случаю, кто бы ни прокрался из нашей толпы к Хранителю, Брюс должен был видеть. Он видел Хранитель поверх наших голов все время, и, что бы там ни происходило, он это видел.

Эрих мог бы и не видеть, даже после того, как влез на бомбу, потому что он был занят своим актерством и большую часть времени стоял лицом к Брюсу, создавая образ народного трибуна.

Но Брюс должен был видеть — если только он

не был столь увлечен тем, что говорил…

Нет, братцы, Демон — всегда актер, неважно, насколько он верит в то, что произносит, и никогда еще не существовало актера, который не заметил бы мгновенно, что кто-то из публики вдруг начинает разгуливать во время спектакля.

Так что Брюс все знал, и от этого он еще больше вырос в моих глазах как актер, который заслуживал признания; ведь похоже, никому не пришло в голову то, что сейчас осенило меня; либо же они перешли на его сторону и поддерживают его.

Но только не я — я так не играю. И кроме того, я и не в состоянии этого сделать — я становлюсь сущей чертовкой.

«Может быть, — сказала я себе, пытаясь ободрить, — наша Станция — это преисподняя, — и добавила: Что ж, тогда соответствуй своему возрасту, Грета, твоим двадцати девяти годам — не знающим сострадания, не имеющим корней, не признающим правил».

Глава 11
ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ, 1917

Ревет и поднимается огневой вал. Затем, неуклюже согнувшись С бомбами, ружьями, лопатками и боеприпасами Мужчины бегут, спотыкаясь, навстречу свирепому огню.
Ряды серых бормочущих лиц, искаженных страхом, Они покидают свои окопы, взбираются наверх, А время безучастно и деловито тикает на кистях их рук.

Сасун

— Ну не надо, пожалуйста, Лили.

— А я все равно буду, милый.

— Драгоценная моя, очнись! Тебя не знобит?

Я чуть приоткрыла глаза, с улыбкой солгала Сиду, крепко сцепила руки и стала наблюдать за нежной ссорой Брюса и Лили, расположившихся возле контрольного дивана, и мне страстно захотелось, чтобы и у меня была большая любовь, которая скрасила бы мои невзгоды и дала бы хоть какую-то замену утихшим Ветрам Перемен.

Судя по тому, как Лили откинула голову и вы-

скользнула из объятий Брюса, в то же время гордо и нежно улыбаясь, она выиграла спор. Он отошел на несколько шагов; достойно похвалы, что он не передернул плечами, глянув на нас, хотя нервы его явно были не в порядке, и вообще было похоже, что интроверсию он перенес не лучшим образом. Да и кто из нас мог бы похвастаться обратным?

Лили откинула руку на спинку дивана, сомкнула губы и окинула нас взглядом. Она перехватила свою челку шелковой лентой. В своем сером шелковом платьице без талии она выглядела не столько семнадцатилетней, как ей хотелось, сколько маленькой девочкой, хотя глубокий вырез на платье этому образу не соответствовал.

Поколебавшись, ее взгляд остановился на мне, и у меня зародилось смутное предчувствие того, что нам предстоит, потому что женщины всегда выбирают меня в качестве конфидентки. Кроме того, мы с Сидом составляли центристскую партию в свежеиспеченной политической обстановке на Станции.

Она глубоко вздохнула, выставила вперед подбородок и произнесла голосом, который звучал чуть выше и еще чуть более по-британски, чем обычно:

— Сколько раз все мы, все девушки, кричали: «Закройте Дверь!» А вот теперь Дверь закрылась крепко-накрепко.

Я знала, что моя догадка верна, и у меня мурашки поползли по телу от смущения, потому что я представляю себе, что такое влюбленность — когда воображаешь, что ты стал другим человеком, и до смерти хочется жить другой жизнью, и пленяет чужая слава — хотя ты этого и не сознаешь — и передавать их послания друг другу, и как это может все изгадить. И все же, я не могла не признать, что ее слова были не слишком плохи для начала — даже слишком хороши, чтобы быть искренними, в любом случае.

— Мой любимый считает, что нам, может быть, все-таки удастся открыть Дверь. А я не верю. Ему кажется, что немного преждевременно обсуждать ту странную ситуацию, в которую мы вляпались. Я так не считаю.

У бара раздался взрыв хохота. Милитаристы прореагировали. Эрих вышел вперед, выглядел он очень довольным.

— Ну а теперь нам предстоит выслушивать женские речи, — заявил он. Что такое, в конце концов, эта Станция? Субботний вечерний кружок кройки и шитья имени Сиднея Лессингема?

Бур и Севенси, прервав свое хождение от бара до дивана и обратно, повернулись к Эриху, и Севенси выглядел еще более громоздким, в нем как бы стало еще больше лошадиного, чем у сатиров с иллюстраций в книгах по древней мифологии. Он топнул копытом — я бы сказала, вполсилы — и заявил:

— А-а… шел бы ты… бабочек ловить.

Похоже, английскому он учился у Демона, который в жизни был портовым грузчиком с анархо-синдикалистскими наклонностями. Эрих на минутку заткнулся и стоял, скаля зубы и уперев руки в боки.

Лили кивнула сатиру и смущенно откашлялась. Она, однако, ничего не сказала; я видела — она что-то обдумывает, лицо ее стало некрасивым и осунувшимся, как если бы на нее дунул порыв Ветра Перемен, рот искривился, будто она пыталась сдержать рыдание, но что-то все же прорвалось, и когда она заговорила, ее голос стал на октаву ниже и звучал в нем не только лондонский диалект, но и нью-йоркский тоже.

— Не знаю, как вы ощутили Воскрешение, потому что я новенькая здесь и я терпеть не могу задавать вопросы, но что до меня, так это была чистая пытка, и я только пыталась набраться ду-

ха и сказать Судзаку, что если он не возражает, я предпочла бы оставаться Зомби. Пусть даже меня мучают кошмары. Но я все-таки согласилась на Воскрешение, потому что меня учили быть вежливой и еще потому что во мне сидит какой-то непонятный мне демон, который рвется жить. И я обнаружила, что ощущения у меня все равно от Зомби, хоть я и получила возможность порхать мотыльком, и кошмары у меня все равно остались, разве что приобрели большую реальность. Я снова стала семнадцатилетней девчонкой; и мне кажется, всякая женщина мечтает вернуть свои семнадцать лет — но ощущала я себя отнюдь не семнадцатилетней — я была женщиной, умершей от нефрита в Нью-Йорке в 1929 году. А еще, из-за Большого Изменения, которое дало новое направление моей жизненной линии, я оказалась женщиной, умершей от той же самой болезни в оккупированном нацистами Лондоне в 1955 году, но только умирала я гораздо дольше, потому что, как вы можете догадаться, с выпивкой дело там обстояло куда хуже. Мне пришлось жить с обоими этими наборами воспоминаний, и Меняющийся Мир приглушил их не более, чем у любого другого Демона, насколько я могу судить. И они даже не потускнели, как я надеялась. Когда

некоторые мои здешние приятели говорят: «Привет, красотка, что такая хмурая?» или «Классное у тебя платье, детка», я тут же переношусь на Бельвю и вижу свое раздувшееся тело, и свет режет мне глаза ледяными иглами… или в жуткую, провонявшую джином ночлежку Степни, и рядом со мной Филлис снова выкашливает из себя остатки жизни… а в лучшем случае, на мгновение, я оказываюсь маленькой девочкой из Гланморана, глядящей на Римскую дорогу и мечтающей о прекрасной жизни, что ждет ее впереди.

Я посмотрела на Эриха, вспомнив, что у него самого позади долгое и поганое будущее там, в космосе. По крайней мере он не улыбался, и я подумала, а вдруг он станет чуточку помягче, узнав, что есть и еще люди, у которых было двойное будущее. Но навряд ли на него это подействует.

— Потому что, видите ли, — продолжала истязать себя Лили, — во всех трех моих жизнях я была девушкой, влюбившейся в выдающегося молодого поэта, которого она никогда не встречала, кумира новой молодежи, и впервые в жизни эта девушка солгала, чтобы вступить в Красный Крест и отправиться во Францию, чтобы быть поближе к нему. Она воображала всяческие опасности и чудеса, и рыцарей в доспехах, и

она представляла себе, когда она встретит его, раненного, но не опасно, с небольшой повязкой на голове, и она поможет ему раскурить сигарету и слегка улыбнется, а у него не мелькнет и тени догадки о том, что она чувствовала. Она просто будет стараться изо всех сил и наблюдать за ним, в надежде, что и в нем что-то пробудится… А потом пулеметы бошей скосили его под Паскендалем и никаких повязок не хватило бы, чтобы ему помочь. У этой девушки время остановилось на семнадцати годах; она совсем запуталась, пыталась ожесточиться, но не очень в этом преуспела. Пыталась спиться, и проявила в этом заметный талант, хотя упиться вусмерть не так просто, как кажется, даже если вам в этом помогает болезнь почек.

— Но она выкинула трюк, — продолжила Лили. — …Раздался крик петуха.

Она проснулась, и не ощутила той постоянной унылой мечты о смерти, которая заполняла всю ее жизненную линию. Холодное раннее утро. Запахи французской фермы. Она ощущает свои ноги — и они более совсем не похожи на огромные резиновые сапоги, наполненные водой. Они нисколечко не раздуты. Это молодые ноги. Сквозь маленькое окошко были видны верхушки

деревьев — когда станет светлее, можно будет разобрать, что это тополя. В комнате стоят походные раскладные кровати, такие же, как та, на которой лежит она; из-под одеял видны головы, одна из девушек похрапывает во сне. Раздается отдаленный грохот, слегка дрожит стекло. Тут она вспомнила, что все они медсестры из Красного Креста и отсюда до Паскендаля много-много километров, и что Брюс Маршан должен умереть сегодня на рассвете. Через несколько минут, взбираясь по склону холма, он попадет в поле зрения стриженого наголо пулеметчика, и тот слегка поведет стволом. Но ей-то не суждено умереть сегодня. Она умрет в 1929 и в 1955 году.

Она продолжала:

— Она лежит, и рассудок покидает ее. Вдруг раздается скрип, и из тени крадучись выходит японец с женской прической, мертвенно-белым лицом с выделяющимися на нем черными бровями. На нем розовое кимоно, за черный пояс заткнуты два самурайских меча, а в правой руке его странный серебряный пистолет. Он улыбнулся ей, как будто они брат и сестра и в то же самое время любовники и спросил: «Voulez-vous vivre, mademoiselle?» Она только изумленно таращила глаза, а японец покачал головой и повторил по-

английски: «Мисси хотеть жить, да, нет?»

Лапища Сида обняла мои трясущиеся плечи. Меня всегда пробирает, когда я слышу рассказ о чьем-либо Воскрешении, и хотя в моем случае все было еще похлеще, фрицы там тоже фигурировали. Я надеялась, что Лили не будет повествовать обо всех подробностях, и она не стала этого делать.

— Через пять минут он ушел, спустившись по лестнице, более похожей на трап, чтобы обождать внизу, а она в лихорадочной спешке одевалась. Одежда не подчинялась, она была как будто прорезинена и казалась испачканной, и к ней было неприятно прикасаться. Стало светлее; кровать выглядела так, будто на ней кто-то по-прежнему спит, хотя там было пусто. Ни за что в жизни она не согласилась бы протянуть руку и прикоснуться к этому месту.

Она спустилась вниз, и длинная юбка не мешала ей, потому что она привычно подбирала ее. Судзаку провел ее мимо часового, который их не заметил и толстощекого фермера в рабочем халате, который кашлем и харканьем провожал ночь. Они пересекли двор, залитый розовым светом, она увидела взошедшее солнце и поняла, что Брюс Маршан только что истек кровью. У

ворот стоял автомобиль с громко тарахтящим мотором, видимо, кого-то ожидал. У него были здоровенные колеса с деревянными спицами, покрытые грязью, и медный радиатор с надписью «Симплекс». Но Судзаку провел ее мимо, к навозной куче, сделал извиняющийся жест и она вошла в Дверь.

Я услышала, как Эрих заявил стоящим рядом с ним у бара:

— Как трогательно! Может, и мне теперь рассказать всем о моей операции? — но смеха не последовало.

— Вот так Лилиан Фостер попала в Меняющийся Мир с его постоянными ночными кошмарами, с его беспощадным темпом и еще более беспощадной усталостью. Я стала более живой, чем когда-либо прежде, но это была жизнь гальванизированного трупа, который дергается от непрерывных ударов электрическим током; у меня не было ни желаний, ни надежд, а Брюс Маршан казался дальше от меня, чем когда-либо прежде. И вот, не более шести часов назад, в Дверь вошел Солдат в черной форме, и я подумала: «Этого не может быть, но как же этот человек похож на его фотографии», а потом мне показалось, что кто-то произнес имя Брюс, а потом он закричал

на весь мир, что он — Брюс Маршан, и теперь я знаю, что бывает Воскрешение после Воскрешения — истинное воскрешение. О Брюс…

Она посмотрела на него, а он смеялся и плакал одновременно, и вся прелесть юности вернулась на ее лицо. Я подумала, что это могло бы быть из-за Ветров Перемен, но сейчас это невозможно. Не распускай слюни, Грета — бывают чудеса похлеще, чем Перемены. А Лили тем временем продолжала:

— А потом Ветры Перемен затихли, когда Змеи испарили наш Хранитель, а может девушки-призраки интровертировали его и исчезли вместе с ним так быстро и незаметно, что даже Брюс не заметил — это лучшие объяснения, которые я могу предложить и не представляю, какое из них ближе к истине. В конце концов, Ветры Перемен умерли и мое прошлое и даже мое двойное будущее стали легче переносимы, потому что есть человек, который поможет мне перенести их, и еще потому что по крайней мере у меня теперь есть настоящее будущее, лежащее передо мной, неизвестное будущее, которое я сама буду творить своей жизнью. О, разве вы не видите, что теперь она есть у всех нас, эта великая возможность?

— Ату суфражисток Сиднея и Союз трезвенниц-христианок! — провозгласил Эрих. — Бур, может, ты нам сбацаешь попурри из «Сердец и цветов» и «Вперед, воинство Христово»? Я глубоко тронут, Лили. Где можно занять очередь на Великое Любовное Приключение Столетия?

Глава 12
БОЛЬШИЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Сейчас ноша не так тяжела. Если бы только не добавившийся вес ошибок прошлого и опасений за будущее. Мне осталось только узнать, как закрывать парадную дверь, ведущую в будущее и черный ход в прошлое, а потом обустроиться в своем настоящем.

Неизвестный автор

Никто не рассмеялся в ответ на эксцентричный сарказм Эриха, и все же я подумала, что конечно, он поганец, этот истеричный седой коротышка, но в чем-то он прав — Лили сейчас здорово повезло, и она желает преподнести нам это блюдо на тарелочке, но ведь любовь так не готовят и не сервируют.

Относительно Хранителя она в общем-то высказала неплохие мысли, особенно в том, что касалось девушек-призраков, которые в принципе могли бы сделать интроверсию — это по крайней мере объяснило бы, почему не было никакого сигнала, всей этой ерунды из инструкции

насчет мигающих огоньков.

И если что-то исчезает без движения, то это действительно может не привлечь к себе внимания. Похоже, что и все остальные над этим призадумались, потому что никто не отреагировал на злобную эскападу Эриха.

Однако я так и не могла представить себе, хотя старалась изо всех сил, куда же можно спрятаться в этом сером мешке Пустоты. Я снова начала задавать себе всякие вопросы, и под конец решила: «Давай-ка, Грета, жить своим умом. Надеяться можно только на себя».

— Самое ужасное в жизни Демона — это то, что все Время находится в твоем распоряжении, — говорила Лили с улыбкой. — Ты не можешь закрыть черный ход во вчера или парадную дверь в будущее и просто жить своим настоящим. Но сейчас это сделано для нас: Дверь закрыта, и нам не придется больше перелицовывать свое прошлое или будущее. Ни Пауки, ни Змеи никогда не смогут найти нас; разве приходилось кому-нибудь слышать о Станции, которую нашли после того, как она пропала? И вот что говорили мне знающие люди. Интроверсия — это конец в том, что касается тех, кто находится снаружи. Так что нам не угрожают ни Пауки, ни Змеи, нам не

нужно снова быть чьими-то рабами или врагами, и у нас есть Станция, на которой мы можем жить в новой жизни, Станция, полностью приспособленная для нас.

Она сделала паузу.

— Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду? Мне это объяснили Сидней, Бургард и доктор Пешков. Станция — это самообеспечивающийся аквариум, как и космос. Никому не ведомо, сколь долго в Большом Времени она использовалась, причем на нее не завозили ни крошки новых материалов только предметы роскоши и людей — и не выбрасывали ничего после использования. Никому не известно, сколько еще веков она сможет поддерживать жизнеобеспечение. Я никогда не слышала, чтобы Малый Хранитель мог испортиться. У нас есть будущее, мы в безопасности, насколько это вообще возможно. И у нас есть Станция, на которой мы можем жить все вместе.

***

Понимаете, она была чертовски права, и я осознала, что все это время в глубине души у меня зрело убеждение, что мы или отравимся чем-то, если немедленно не откроем Дверь — или еще что-нибудь стрясется. А уж я-то должна была

знать, потому что мне пришлось целых сто снов провести на Станции без Двери, отсиживаясь в «лисьей норе». Мы были вынуждены тогда переключиться на замкнутый цикл жизнеобеспечения — и все было нормально.

Ну а потом — так уж устроены мои мозги — я попыталась представить себе последствия нашей совместной жизни, самих по себе, как говорила Лили.

Перво-наперво я начала разбивать всех на пары — ничего не могла с собой поделать. Посмотрим: четыре женщины, шесть мужчин и два внеземлянина. «Грета, — сказала я себе, — ты явно станешь мисс Полли Андрой. Мы будем выпускать ежедневную газету и организуем школу народных танцев, бар будем открывать только по вечерам, а Брюса заставим писать историю Станции в стихах». Я даже подумала, хотя это была вообще уже совершенная чушь, насчет школы и детей. Интересно, какие они были бы у Сидди или моего маленького коменданта. «Не подходите близко к Пустоте, малыши». Конечно, хуже всего пришлось бы двум внеземлянам, но Севенси по крайней мере не так уж сильно отличался от нас, а умники-генетики, говорят, добились потрясающих успехов; Мод, должно быть, об этом кое-что

знает, и в Хирургии есть всякие удивительные штуковины, и когда Док протрезвеет… Топочут маленькие копытца…

— Мой любимый говорил вам о призыве к миру, который мы можем отправить в космос, — продолжила Лили, — и положить конец Большим Переменам, и исцелить все раны, которые мы нанесли Малому Времени.

Я глянула на Брюса. Его лицо было застывшим и напряженным, как случается даже с лучшими из мужчин, когда девушки начинают толковать об их мужских делах, и не знаю почему, но я сказала себе: «Она же его на кресте распинает, она его пришпиливает к той его идее. У женщин такое случается, даже когда в этом и нет особого смысла, как, скажем, сейчас».

— Это была прекрасная мысль, — продолжала тем временем Лили, — но сейчас мы не можем ни принимать, ни отправлять посланий, и мне кажется, что в нынешнем положении любая миротворческая попытка запоздала. Космос слишком запутался из-за перемен, они зашли слишком далеко. Он растворится, иссякнет, не оставив за собой и обломков. Мы — уцелевшие после кораблекрушения. В наши руки перешла эстафетная палочка — факел жизни.

Быть может, мы — это все, что осталось от космоса; вы не подумали, что Ветры Перемен утихли оттого, что иссяк их источник? Может быть, мы никогда не достигнем иного космоса, может быть, мы будем вечно дрейфовать в Пустоте, но разве кто-нибудь из нас испытывал на себе, что такое интроверсия? Кто знает, что мы можем, а чего не можем делать? Мы — семя, из которого вырастет новое будущее. Быть может, все обреченные вселенные рассеивают вокруг себя семена, подобные этому? Это семя, это эмбрион, и пусть он растет.

Она бросила быстрый взгляд на Брюса, а затем на Сида и процитировала:

«Идемте, друзья, никогда не поздно искать новый мир».

Я стиснула руку Сида и начала было что-то ему говорить, но он явно был сейчас далеко от меня; он слушал, как Лили цитирует Теннисона, глаза завороженно следили за ней, рот открыт, как будто он надеялся что-нибудь проглотить — ох, Сидди!

А потом я увидела, что и другие точно так же уставились на нее.

Илилихис воображал прекрасные перистые леса, куда более пышные, чем на давно мертвой Луне. Выращенная в оранжерее Мод ап-Арес

Дэвис пробралась зайцем на звездолет, направляющийся в другую галактику, а может, раздумывала, насколько иной могла бы быть ее жизнь, о детях, которых она могла бы иметь, если бы она осталась на планетах, в стороне от Меняющегося Мира. Даже Эрих, похоже, собирался блицкригом завоевывать иные галактики, а Марк — повергнуть их к ногам восьминогого фюрера-императора. Бур с трепетом предвкушал путешествие по небывало широкой Миссисипи на невиданно громадном колесном пароходе.

Даже я — ну, я мечтала о Великом Чикаго. Так что мне пришлось сказать себе: «Давай-ка не будем поднимать поросячий визг по этому поводу», но я посмотрела на Пустоту и содрогнулась, представив, как она отодвигается от нас и вся Станция начинает расти.

— Я не ошиблась, когда сказала о семени, — тщательно подбирая слова, продолжила Лили. — Я знаю, да и вы все знаете, что в Меняющемся Мире нет детей, что их просто не может быть, что все мы мгновенно становимся стерильными, что, как они выражаются, это проклятие с нас, девушек, снимается и мы больше никак не связаны с лунным месяцем.

Она была права, совершенно права. Если что-то

и проверялось миллион раз в Меняющемся Мире, так именно это.

— Но мы больше не имеем отношения к Меняющемуся Миру, — мягко сказала Лили, — и его ограничения, в том числе и это, не должны больше к нам относиться. Я совершенно в этом убеждена, но… — она медленно обвела нас взглядом, — нас здесь четверо и мне кажется, у одной из нас могут быть большие основания для уверенности.

Мои глаза, как и у всякого на моем месте, последовали за ее взглядом.

Оглядывались, конечно, все, кроме Мод. А она застыла с глупо-изумленным выражением лица. Потом, очень осторожно, она слезла со своим вязаньем с табурета. Она уставилась на свой полузавершенный розовый лифчик с торчащими из него спицами, и ее глаза вытаращились еще больше, как будто она ожидала, что он вот прямо сию секунду превратится в детский свитер.

Потом она прошла через Станцию к Лили и встала рядом с ней. Пока она шла, выражение изумления на ее лице сменилось спокойной улыбкой. И еще — она чуть отвела плечи назад.

На мгновение я позавидовала ей; но для нее это было двойное чудо, если вспомнить о ее возрасте,

а тут уж завидовать не приходится. И честно говоря, я немного испугалась. Даже когда я была с Дейвом, у меня возникали сложности насчет этого дела — завести ребенка.

***

И все же я встала вместе с Сидди, — я не могла усидеть на месте и он, думаю, тоже, — и рука об руку мы пошли к контрольному дивану. Бур и Севенси были там, вместе с Брюсом, конечно, а потом — ой, держите меня эти двое, Солдаты до гробовой доски, Каби и Марк — тоже направились к нам от бара, и в глазах их не сверкали отблески воинской доблести Крита и Рима, а вместо этого, мне показалось, там было что-то друг о друге. А через мгновение Илли медленно отделился от рояля и пошел вслед за ними, слегка волоча щупальца по полу.

Мне кажется, вряд ли он так уж сильно надеялся завести маленьких илиляточек; разве что эти анекдоты, которые рассказывают про лунян, небеспочвенны. Может, он был лицо заинтересованное, а может, и нет. Может быть, он просто считал, что Илли следует быть на той стороне, чьи батальоны сильнее.

Позади раздались шаркающие шаги; из Гале-

реи появился Док. Он нес какую-то абстрактную скульптуру, размером с новорожденного младенца. Это была груда склеенных между собой шаров, идеальной формы, серых и сверкающих. Размером они были с мячи для гольфа. Эта куча образовывала нечто вроде модели мозга, только всюду были дырки. Док протянул нам эту штуку, как ребенок, который ждет, чтобы его похвалили, а потом начал шевелить губами и языком, изо всех сил пытаясь что-то сказать, и я подумала: «Может, Максим Алексеевич и пьет до потери пульса, и вообще у него дырки в голове, но чутье у него верное, да благословит Бог его чуткое русское сердце».

Мы все столпились вокруг контрольного дивана, как футбольная команда, сбежавшаяся к капитану за инструкциями. «Мироносцы» — вот как мы ее назовем. Севенси был бы защитником или центровым, а Илли на левом краю какой был бы нападающий! И количество, кстати, соответствует. Эрих стоит в одиночестве у бара, но вот даже он… «О нет, этого быть не может» подумала я, — даже он направился к нам. Потом я заметила, что лицо его дергается больше, чем когда-либо. Он остановился на полпути и попытался выдавить улыбку, но это у него не очень получилось.

«В этом весь мой маленький комендант, — подумала я, — нет у него командного духа».

— Так что теперь у Лили с Брюсом — ах, да, и еще у Grossmutterchen… бабуленьки Мод есть свое уютное гнездышко, — сказал он, и ему не пришлось напрягать голос, чтобы он звучал достаточно скрипуче. — Ну, а все остальные кто будут — кукушки?

Он выгнул шею, замахал руками и закаркал: «Ку-ку! Ку-ку!». И я сказала себе: «Мне часто казалось, что у тебя не все дома, малыш, а теперь я в этом убеждена».

— Teufelsdreck — да, именно дьявольская дрянь, — но похоже, все вы заражены мечтой о детях. Неужели вы не видите, что Меняющийся Мир — это естественный и надлежащий конец эволюции? — период наслаждения и взвешенности, истинного предназначения вещей, период, который женщины называют разрушением — «Помогите, меня насилуют!» или «О, что они делают с моими детьми?» — но который мужчины именуют завершением. Вам дают послушать кусок из Gotterdammering, а вы подходите к автору, похлопываете его по плечу и говорите: «Извините, пожалуйста, герр Вагнер, но эти «Сумерки богов» немножечко слишком мрачноваты. Почему бы

вам не написать оперу для меня про малышей, милых маленьких голубоглазых вихрастиков?

Содержание? Ну, скажем, юноша встречает девушку, и они заводят потомство, что-нибудь в этом роде. Дважды проклятая дьявольская мерзость! Вы когда-нибудь задумывались, что была бы за жизнь, если бы не было Двери, через которую можно выйти и обрести свободу, насладиться приключениями, испытать свою смелость и страстность? Усесться взаперти до конца своих дней, мечтая о маленьком детском космосике? — кстати, в компании с настоящей бомбой. Пещера, чрево, маленькое серенькое гнездышко — вот об этом вы мечтаете? Ах, оно вырастет? Да, конечно, как город поглощает окрестные дикие леса, эта раковая опухоль Kinder, Kirche, Kuche — и я в этом должен жить! Женщины! — как мне отвратительны их сверкающие глаза, когда они глядят на меня от камина, зябко закутав плечи, убаюкивая, глубоко счастливые тем, что они стареют, и говорят себе: «Он становится слабее, он сдает, скоро я смогу уложить его в постельку и ухаживать за ним». Каби, твоя дрянная Тройная Богиня, родительница, совокупительница и погребальщица мужчин! Женщина — это слабость, это путы на ногах, это искалеченная жизнь!

Женщина! — и маленькие рачки в кудряшках, которых она обожает!

Он подался к нам, тыча пальцем в Лили.

— Я не встречал еще ни одной, которая не мечтала бы обкарнать мужчину, если ей представится шанс. Обкарнать его, спеленать его, обстричь ему крылья, перемолоть его в фарш и слепить другого мужчину, в ее вкусе, мужчину-куколку. Ты украла Хранитель, ты, квочка, — чтоб свить гнездышко себе и своему Брюсси!

Он умолк — перехватило дыхание — и я ожидала, что кто-нибудь его сейчас двинет по сопатке, и он, по-моему, тоже этого ждал. Я повернулась к Брюсу — тот смотрел. Это выражение трудно описать: то ли с сожалением, то ли виновато, то ли взволнованно, сердито, потрясенно, вдохновенно… словом, всего понемногу. А мне бы хотелось, чтобы у людей иногда были простые естественные реакции, как в журнальных историях…

А потом Эрих сделал ошибку, если только это была ошибка, повернувшись к Брюсу и медленно, неуклюже, надвигаясь на него, разводя руки, как будто собирался заключить его в объятия.

— Не поддавайся им, Брюс. Не давай им связать себя. Не позволяй им обкарнать себя — ни твои слова, ни твои дела. Ты же Солдат. Даже когда ты

говорил о мирном послании, ты был готов к поединку. Неважно, что ты думал или чувствовал, Брюс, неважно, в чем ты лжешь или что скрываешь, ведь ты же на самом деле не на их стороне!

И этого было достаточно.

***

Это произошло не так быстро или, скорее, не таким образом, чтобы удовлетворить меня, но я бы сказала, что Брюс не осквернил себя имитацией или смягчением удара. Он сделал шаг вперед, плечи его напряглись, удар был сильным и точным.

Нанеся этот удар, он вымолвил лишь одно слово: «Локи!» и клянусь, меня тут же перенесло к костру в Индейских Дюнах, где мама рассказывала мне истории из Старшей Эдды об этом злобном, ехидном, коварном скандинавском божке, и как, когда остальные боги пришли, чтобы изловить его в укрытии возле реки, он сидел и плел загадочную сеть, достаточную, как я могла себе представить, чтобы пленить всю вселенную; и если бы они пришли хоть на минуту позже, он бы успел это сделать.

Эрих, распластавшись на полу, приподнял голову, потрогал свою челюсть и поглядел на

Брюса. Марк, который стоял рядом со мной, пошевелился; я подумала, что он собирается что-то предпринять, например, двинуть Брюсу как следует, — мол, не тронь моего дружка; но тот только покачал головой и вымолвил: «Omnia vincit amor». Я толкнула его локтем: «То есть?» Он перевел: «Любовь побеждает все».

Никак не ожидала услышать такое от римлянина, но по крайней мере отчасти он был прав. Лили одержала свою победу; Брюс женится на ней, после того как свалил с ног своего дружка-женоненавистника, который наверняка стал бы вызывать его на разговоры по ночам. В этот момент я подумала, что Брюсу больше нужна была Лили, чем реформа Меняющегося Мира. Да, нам, женщинам, удается иногда одерживать свои маленькие победы — пока не придут легионы или ефрейтор с усиками не развернет свою артиллерию, или не заревут танки по дорогам.

Эрих с трудом поднялся на ноги и, едва удерживая равновесие, продолжал поглаживать свою челюсть и глядел поверх руки на Брюса, но не пытался продолжать борьбу. Глядя на его лицо, я сказала себе, что если бы у него был пистолет, он бы тут же и застрелился — уж я-то его знаю.

Брюс начал было что-то говорить, а потом за-

молчал, как, наверное, замолчала бы и я на его месте, и именно в этот момент на Дока снизошло это его непредсказуемое вдохновение, и он, пошатываясь, направился к Эриху, протягивая свою скульптуру и заводя с ним свой обычный разговор глухонемых. Эрих глянул на него так, как будто готов был его убить, затем выхватил у него скульптуру, занес ее над головой и шмякнул изо всех сил об пол; и, как ни странно, она не разбилась. Прокатившись по полу, она остановилась в нескольких дюймах от моих ног.

То, что эта штука не раскололась, видимо, оказалось последней каплей для Эриха. Я могла бы поклясться, что видела, как красный туман застилает его глаза и уплывает в мозги. Он развернулся в сторону Складов и в несколько прыжков преодолел расстояние, отделявшее его от сундука с бомбой.

Все для меня стало как в замедленном кино, хотя я сама и не сделала ни единого движения. Почти все мужчины рванулись вслед за Эрихом. Впрочем, Брюс остался на месте и Сидди вернулся назад после первого рывка; Илли собрался в клубок для прыжка и в промежутке между волосатыми ляжками Севенси и мелькающими белыми панталонами Бура я четко, как в

микроскопе, увидела этот кружок оскаленных черепов и палец Эриха, который нажимал на них в продиктованном Каби порядке: один, три, пять, шесть, два, четыре, семь. Я даже успела семь раз помолиться, чтобы он сделал ошибку.

Он выпрямился. Илли приземлился у ящика, как громадный серебряный паук, и его щупальца бесполезно скользнули по бронзовой поверхности. Все прочие сгрудились взбудораженной толпой вокруг них.

Грудь Эриха высоко вздымалась, но голос был холоден и четок, когда он сказал:

— Вы, мисс Фостер, изволили упомянуть о том, что у нас есть будущее.

Теперь вы могли бы это высказывание уточнить. Если мы не вернемся в космос и не обезвредим этот ящик, либо не найдем специалиста-атомщика Пауков, или не сможем вызвать штаб-квартиру, чтобы нам оказали помощь в обезвреживании бомбы, будущего у нас остается ровно тридцать минут.

Глава 13
ТИГР НА ВОЛЕ

Ни кто он был таков, ни из какого чрева появился, Звериного, а может и иного, об этом не читал я; Но знаю точно, что был вскормлен он волчицей и тигрицей.

Спенсер

Мне кажется, что когда действительно нажимают на спуск, или щелкают выключателем, или срабатывает ловушка, или фокусируют луч — или что там еще можно придумать, — руки не отнимаются, человек не сходит с ума или еще что-нибудь в этом роде. Со мной, по крайней мере, ничего такого не случилось. Все и все вокруг, каждое движение, которое было сделано, каждое слово, которое было сказано, были болезненно реальными для меня, как будто чья-то рука разворачивала передо мной все окружающее, а потом намертво впрессовывала это внутрь меня, и я видела каждую деталь ярко освещенной и увеличенной, как будто у меня было семь черепов.

Эрих стоял за ящиком с бомбой; губы его слегка кривились в улыбке.

Никогда не видела, чтобы он был так напряжен. Илли стоял рядом с ним, но не на его стороне — вам, надеюсь, понятно, в каком смысле? Марк, Севенси и Бур тоже были возле сундука. Бур опустился на одно колено и тщательно исследовал сундук, сдерживаемый страх заставил его чуть ниже приблизить глаза, чем было необходимо, чтобы все увидеть; но руки он сцепил за спиной, наверное, чтобы сдержать порыв нажать все и вся, что только могло бы блокировать взрыватель.

Док распростерся ничком на ближайшей кушетке, видимо, упившись до остекленения.

Мы, четыре девушки, все еще оставались у контрольного дивана. Меня удивило, что с нами была и Каби, и выглядела она не перепуганной и не оцепеневшей, а почти такой же лихорадочно оживленной, как Эрих.

Сид, как я уже говорила, вернулся назад, и протянул руку к Малому Хранителю, но даже не прикоснулся к нему; и выражение на его заросшем бородой лице было такое, что мне сразу стало ясно — он призывает все громы небесные на голову всех свихнувшихся пьянчужек, которые когда-либо отправлялись из Кингс Линна в Кембридж или Лондон. Причина мне была понят-

на — если бы он вспомнил о Малом Хранителе секундой раньше, он спокойно пригвоздил бы Эриха к полу усиленной гравитацией, и тому было бы не дотянуться до кнопки.

Брюс положил одну руку на спинку контрольного дивана и смотрел на группу, столпившуюся вокруг сундука с бомбой, на Эриха, смотрел так, как будто Эрих преподнес ему чудесный подарок, хотя я не могу себе представить, чтобы я была в восторге, если бы меня пригласили на вечеринку с моим самоубийством в качестве сюрприза для публики. Брюс, да проклянет его Брахма, выглядел слишком задумчивым для человека, которого должна пронзать сейчас та же мысль, что и всех остальных: не пройдет и двадцати девяти минут, как Станция превратится в карманное солнышко.

***

Эрих решил ковать железо, пока горячо, в чем можно было и не сомневаться. Он опередил нас на один прыжок и не намерен был терять преимущество.

— Ну, так когда же вы позволите Лили рассказать нам, где она спрятала Хранитель? Это наверняка она — слишком уж она была уверена

во время этих разговоров, что он исчез навсегда. И Брюс должен был видеть, стоя на баре, кто взял Хранитель, а кого бы еще он стал покрывать, если не свою девчонку?

Тут он, конечно, занялся плагиатом, но я, кажется, с удовольствием отдала бы ему все свои идеи, только бы он нашел подходящее ведерко с водой для тлеющего фитиля.

Он бросил взгляд на свое запястье.

— Если верить моему вызывнику, у вас есть двадцать девять с половиной минут, включая то время, которое понадобится, чтобы задействовать Дверь или наладить контакт со штаб-квартирой. Когда вы собираетесь заняться девчонкой?

Раздался короткий смешок Брюса — я бы сказала, заискивающий, — и он обратился к Эриху.

— Послушай, старик. Не нужно беспокоить Лили, или затевать суматоху со штаб-квартирой, даже если бы у нас была такая возможность. На самом деле такой возможности у нас нет. Не говоря уже о том, что твои обвинения совершенно не обоснованы, приятель, и я несколько удивлен, что ты их выдвигаешь. Но все это не беда, потому что, так уж случилось, я — атомный техник, и более того, я работал как раз над этой самой бомбой. Чтобы ее обезвредить, нужно только

немножко повозиться с теми вон крестиками, что с петельками наверху. Вот, дай-ка я…

Клянусь аллахом, похоже, это потрясло всех так же, как и меня; поверить в это было невозможно, чересчур уж бесстыдный британский блеф.

Эрих не сказал ни слова; Марк и Севенси, едва Брюс направился к бронзовому сундуку, сгребли его под руки, каждый со своей стороны, и сделали это не слишком деликатно. Затем Эрих нарушил молчание.

— О нет, Брюс. Очень благородно с твоей стороны, что ты пытаешься выгородить свою подружку, но мы не собираемся разнестись на атомы через двадцать восемь минут, пока ты будешь развлекаться с кнопочками — это то самое, о чем нас предупреждал Бенсон-Картер, — а перед тем молиться, чтоб тебе чудом повезло. Это же шито белыми нитками — ты появляешься из 1917 года, не провел в Большом Времени еще и сотни снов, и всего несколько часов назад интересовался, нет ли среди нас атомщика. Так что совсем неубедительно. Брюс, кое-что должно произойти, и, я боюсь, тебе это не понравится, но тебе уж придется с этим смириться. Но это только если мисс Фостер откажется сотрудничать с нами.

— Друзья, пожалуйста, отпустите меня, — по-

требовал Брюс, пробуя освободиться. — Я знаю, что в чем-то противоречу сам себе, и у вас создалось ложное представление, когда я спрашивал, нет ли атомщика, но я-то просто хотел тогда привлечь ваше внимание; я не хотел заниматься сам этой бомбой. Ну в самом деле, Эрих, разве они приказали бы Бенсон-Картеру впутать нас в это дело, если бы один из нас не был атомщиком? Наверняка они включили бы специалиста в эту чертову операцию.

— При том, что они используют тактику латания дыр? — ехидно напомнил Эрих собственные слова Брюса.

Каби, стоявшая подле меня, произнесла:

— Бенсон-Картер был чародеем перевоплощения и он собирался отправиться на операцию в облике старухи. Среди прочего снаряжения мы обнаружили соответствующую одежду и капюшон.

Я была поражена, каким образом эта сушеная вобла, офицер в юбке, могла быть той же самой девушкой, что обменивалась с Марком пылкими взорами не далее как десять минут назад.

— Ну? — рыкнул Эрих, скосив глаза на вызывник и пронзая затем всех нас по очереди взглядом, как будто где-то поблизости уже гро-

мыхала сталь вермахта. И оказалось, что все мы смотрим на Лили; а она смотрела так вызывающе, казалось — она загнана в тупик и готова на отчаянный прыжок. Я думаю, не только мне не нужно было больше никаких доказательств, что теория Эриха о похищении Хранителя имела под собой основание.

Брюс, похоже, понял, в каком направлении начали работать наши мозги, потому что он начал вырываться всерьез и в то же время продолжал уговоры:

«Ради Бога, не трогайте Лили! Отпустите меня, идиоты! Все, что я вам говорил — правда; я могу спасти вас от этой бомбы. Севенси, вы же перешли на мою сторону против Пауков — вам нечего терять. Сид, вы же англичанин.

Бур, вы джентльмен и вы тоже ее любите — ради Бога, остановите их!

Бур через плечо бросил взгляд на Брюса и прочих, слегка приподнимаясь с колен; на лице его я снова увидела знакомое выражение азартного игрока.

Сид, насколько я могла судить, вновь преодолевал муки необходимости принять решение. Бур принял свое решение первым и я бы сказала, что действовал он быстро и разумно. Прямо из

низкой стойки, не успев даже до конца повернуть голову, он прыгнул на Эриха. Но в космосе есть существа помимо человека, которые способны быстро принимать решения и мгновенно действовать. Илли приземлился на Буре, когда тот еще не успел завершить свой прыжок, крепко обхватил его щупальцами и они завихлялись из стороны в сторону, как пьяный серебристо-белый помазок парикмахера. Каждую руку Бура крепко стискивало щупальце; лицо его начало багроветь; я содрогнулась при мысли, что они могут друг с другом вытворить.

Похоже, копыта Севенси так же увязли в сомнениях, как ноги Сида, потому что Брюс стряхнул с себя сатира и попытался свалить Марка, но римлянин выкрутил ему руку и не дал нанести удар.

Эрих не сделал ни единого движения, которое свидетельствовало бы о его желании вмешаться в какую-либо из этих скоротечных схваток — в этом весь мой маленький комендант. Демонстрировать свою силу на ком-либо, кроме меня — это ниже его достоинства.

***

А потом и Сид сделал свой выбор, только я не могу сказать, чью сторону он решил принять,

потому что, как только он коснулся Малого Хранителя, Каби тут же вышибла его из рук Сида и так сильно пнула беднягу коленом в брюхо, что мне стало его совсем жалко; а потом она отпихнула его, опустившегося на колени, в кучу дерущихся. Обернувшись, Каби легонько дала затрещину Лили, которая тоже попыталась вмешаться в схватку; затрещину, от которой та свалилась на диван.

Лицо Эриха осветилось, как будто внутри зажгли фонарь, и он уставился на Каби.

Она слегка изогнулась, перенеся вес на одну ногу и крепко обхватив Малый Хранитель левой рукой, как баскетбольный капитан перед началом атаки. Затем свободной рукой она повелительно махнула направо. Я не осознала, чего она хочет, но и Эрих и Марк все поняли, потому что Эрих отскочил в сектор Восстановителя, а Марк, отбросив Брюса, последовал за ним, увернувшись от Севенси, который снова пытался вмешаться в схватку, только непонятно мне, на чьей стороне. Илли отцепился от Бура и одним большим прыжком оказался возле Эриха и Марка.

Затем Каби до отказа повернула диск; Брюс, Бур, Севенси и бедолага Сидди оказались распластаны

на полу примерно увосьмеренным тяготением.

Там, где была я, должно быть, было полегче — я надеялась, что так, хотя трудно было судить, глядя на Сидди; он валялся ничком, раскинув руки, и одна рука была так близко ко мне, что я могла бы ее коснуться (но не освободить!), он втягивал воздух уголком раскрытого рта; я почти ощущала, как его позвоночник стремится продавиться в живот. Брюс еще пытался приподнять голову и одно плечо. Это напоминало иллюстрации к «Аду» Доре, где отъявленнейших грешников в самом внутреннем круге ада замораживают во льду.

Меня гравитацией не сковало, хотя левая рука ощущала тяжесть. Большая часть моего тела находилась в секторе Восстановителя, но я тоже свалилась на пол, отчасти из-за моего дурацкого сострадания, но главным образом потому, что я не желала дать Каби возможность вмазать мне.

Эрих, Марк и Илли остались чистенькими и теперь они направились к нам. Мод выбрала момент, чтобы сыграть свою роль; собственно, время-то ей выбирать как раз и не приходилось. Когда-то Старая Дева слишком привередничала с выбором, но теперь, я догадывалась, мысли о свершившемся с ней чуде вспыхнули одновре-

менно со страхом, что все это будет похищено, и это, должно быть, много для нее значило, потому что она бросилась вперед, намереваясь одной рукой впихнуть Каби в зону высокой гравитации, а другой вырвать у нее Малый Хранитель.

Глава 14
«ТЕПЕРЬ ТЫ БУДЕШЬ ГОВОРИТЬ?»

Когда гранят бриллианты, от них летит алмазная пыль; так же и с людьми.

Вебстер

У критянок есть глаза на затылке, прикрытые волосами, или же, называя вещи своими именами, Развлекатели — это не Солдаты. Каби уклонилась в сторону, неуловимо взмахнула рукой и бедная старушка Мод отправилась туда, куда она пыталась запихнуть Каби. Мне стало худо, когда я увидела, как она свалилась под тяжестью своего тела.

Я могла бы вскочить и совершить четвертую попытку покушения на Каби, но у меня всегда пропадает смелость, когда на кон ставятся такие вещи, как, скажем, моя жизнь.

Лили сделала попытку подняться, демонстрируя свое изумление от происходящего. Каби легонько пихнула ее назад и спокойно спросила: «Где он?» а затем с размаху влепила ей затрещи-

ну. Меня потрясло то, как Каби это сделала. Я еще могу себе представить, что человек выходит из себя и двинет кого-нибудь, или даже накачивает в себе злость, чтобы потом выкинуть что-нибудь дикое, но от этого хладнокровия меня чуть не вывернуло.

Щека Лили покраснела так, что казалось, будто из нее вот-вот брызнет кровь, но она больше не выглядела изумленной и зубы у нее были крепко стиснуты. Каби схватила ее жемчужное ожерелье, обкрутила вокруг шеи, нить не выдержала и жемчужины разлетелись вокруг, словно шарики от пинг-понга.

Тогда Каби сдернула с волос Лили ее серую шелковую ленту, и вновь сдавила шею. Сквозь плотно сомкнутые губы Лили прорвался стон. Эрих, Марк и Илли подошли к ним и стояли рядом, но похоже, они были довольны той работой, которую проделывала Каби.

— Послушай, сучка, — сказала Каби, — у нас нет времени. Здесь на Станции есть лечебница. Я сумею ей воспользоваться.

«Вот оно», — подумала я, взмолившись о том, чтобы сознание меня покинуло. Это превосходит всякую меру, это хуже самой смерти. Они хотят притащить сюда мои ночные кошмары, то

чудовище, которое носит мое имя. Они не хотят позволить мне спокойно взорваться. Им не достаточно атомной бомбы. Они хотят устроить для меня персональный ад.

— Есть такая штука, которая называется Инвертор, — Каби сказала это именно так, как я и ожидала, хотя в действительности я этого не слышала раздвоение личности, которое я потом как-нибудь объясню. — Он тебя вскрывает таким образом, что твои внутренности можно лечить без того, чтоб разрезать твою кожу или чтобы где-нибудь кровоточило. Он тебя большими кусками выворачивает наизнанку, но кровеносные сосуды остаются нетронутыми. Вся твоя оболочка — твои глаза, уши, нос, твои пальчики и все такое — становится обрамлением маленькой дырочки, полузаполненной твоими волосами. А тем временем твои внутренности становятся доступны для того, что с ними собирается сделать целитель-хилер. А ты какое-то время живешь внутри той дырки. Прежде всего хилер дает тебе подышать газом, который усыпляет тебя, иначе ты сойдешь с ума, не успеет твое сердце отстучать пятидесяти ударов. Посмотрим, как ты будешь себя чувствовать после десяти ударов сердца — без усыпляющего газа… Теперь ты будешь говорить?

Я не слышала ее, или, по крайней мере, это была не настоящая я, а может, я сошла с ума, хотя до пытки дело еще не дошло. Помню, я слышала как-то от Дока, что наша печень гораздо более таинственная и куда более удаленная от нас вещь, чем звезды, потому что, хоть вы и живете весь век со своей печенкой внутри, вы никогда в жизни ее не видите, и не сможете сходу показать, где она у вас находится. Мысль о том, что кто-то может возиться с самым интимным и непознанным, что только есть у вас внутри… это чересчур.

Я понимала, что мне нужно что-то делать, и побыстрее. Дьявольщина, как только забрезжило интроверсией, до того даже, как Каби произнесла это слово, Илли передернуло так, что его щупальца растопырились, словно толстые обросшие перьями колбасы. Эрих вопросительно глянул на него, но этот поганый лунатик полностью уронил себя в моих глазах, проскрипев: «Не обращайте на меня внимания, я слишком чувствителен. Займитесь девушкой.

Заставьте ее говорить».

Да, я знала, что мне нужно что-то сделать, а здесь, лежа на полу, я могла делать только одно: думать, думать напряженно и на больших оборотах о чем-либо другом. Эта скульптура из

шариков, которую Эрих пытался расколоть, лежала в футе от моего носа. В том месте, где она шмякнулась об пол, осталось немного белого порошка. Я протянула руку и прикоснулась к нему; он был очень мелкий и твердый, как толченое стекло. Я перевернула скульптуру: на той ее части, которой она ударилась об пол, ничего не было повреждено, она даже не потускнела; серые шары все так же празднично сверкали. Я поняла, что порошок — это алмазная пыль, выкрошенная из мозаичного пола чем-то еще более твердым.

Мне стало ясно, что эта скульптура была чем-то необычна, и, быть может, у Дока была какая-то стоящая мысль в его проспиртованных мозгах, когда он совал нам эту штуку и пытался что-то сказать. Он ничего тогда так и не сказал, но ведь он же говорил раньше, когда собирался объяснить нам, что делать с бомбой, и может быть, все это как-то было связано.

Я изо всех сил скрутила свою память и отпустила ее раскручиваться назад, и получила «Инверш… яш-ш-ч…» Яшчерица! Все-то им, выпивохам чертовым, ящерицы мерещатся, то простые, то инвертированные.

И я снова стала раскурочивать свою память и наконец вышла на «перч-ш-ш…» и тут я так

глубоко вздохнула, что чуть не чихнула от алмазной пыли. Я увидела, как разрозненные кусочки начинают складываться в цельную картинку у меня в голове, будто я смотрю ускоренное кино.

Это все началось с той черной гусарской перчатки на правую руку, что Лили преподнесла Брюсу. Только она ну никак не могла найти ее на Складе, потому что мы там после обыскали каждую мышиную норку, и там не было вообще никаких перчаток, в том числе и той, лишней левой. Дальше. Началось все с того, что у Брюса было две перчатки на левую руку, а мы облазили всю Станцию с зубочисткой, и валялись только две черных перчатки на полу там, где Брюс смахнул их со стойки бара — только эти две: левая, которую Брюс принес с собой и правая, которую ему преподнесла Лили.

***

Так что левая перчатка исчезла — последний раз, когда я ее видела, Лили положила ее на поднос — а правая перчатка появилась. Что могло произойти в одном только случае: Лили превратила левую перчатку в идентичную ей правую. Она не могла бы этого сделать, просто вывернув наизнанку, потому что подкладка отличается

от верха.

Но я же до омерзения точно знаю, как это можно выворачивать вещи наизнанку необычным способом, и не только вещи, но и человека. Нужно просто положить этот предмет на Инвертор в хирургическом кабинете и переключить его в положение «полная инверсия».

А еще можно переключатель поставить в положение «частичная инверсия», и ты получишь прекрасное трехмерное зеркальное отражение исходного предмета, то есть именно то, чем правая перчатка является относительно левой. Умники называют это вращением в четырех измерениях; я слышала, что оно используется в хирургии для весьма асимметричных марсиан, или даже для того, чтобы сотворить безупречную правую руку человеку, у которого ее отняли, превращая ампутированную правую в ампутированную левую.

Вообще-то в хирургическом кабинете делают инверсию только живым существам и не приходит в голову, что то же можно проделать и с неодушевленным предметом, особенно на такой Станции, где Док — пропойца, а в кабинет никто не заходил уже сотню снов.

Но если вы вот только что влюбились, вы ду-

маете о прекрасных глупостях, которые можно сделать для людей. Опьяненная любовью, Лили отнесла лишнюю левую перчатку Брюса в Хирургию, частично инвертировала ее, и, получив правую, отдала ее Брюсу.

То, что Док пытался выразить своим «Инверш… яш-ш-ч…» означало «Инвертируйте ящик», то есть что мы должны подвргнуть бронзовый сундук полной инверсии, чтобы добраться до бомбы и обезвредить ее. Кроме того, у Дока была идея насчет того трюка, который Лили выкинула с перчаткой. Не могу себе представить, каким образом будет выглядеть вывернутая наизнанку тактическая атомная бомба, да мне и не очень хотелось бы это увидеть. Но похоже, придется.

Но ускоренная кинолента тем временем все крутилась у меня в голове.

Потом Лили, так же, как и я, решила, что призыв ее любовника к мятежу не получит должного отклика, если она не обеспечит ему действительно внимательных слушателей и, может быть, именно тогда она начала воображать, как она сплетет гнездышко для брюсовых цыплят и… и все прочее, чему мы ненадолго поверили. Так что она взяла Главный Хранитель, вспомнила о своей перчатке и, не прошло и нескольких секунд,

как она поставила на полку в Галерее Искусств предмет, которым никто и не подумал бы интересоваться кроме человека, который помнил эту Галерею всю наизусть.

***

Я посмотрела на абстрактную скульптуру в футе от моего носа, на это нагромождение серых шаров размером с мяч для гольфа. Я знала, что внутренность Хранителя состоит из чрезвычайно плотных, чрезвычайно твердых гигантских молекул, но я и не подозревала, что они НАСТОЛЬКО большие.

Я сказала себе: «Грета, похоже, что ты на этом совсем свихнешься, но заниматься всем этим придется именно тебе, потому что никто не будет вслушиваться в твои дедукции, когда они все живут уже практически в отрицательном времени».

Я спокойно встала, как будто вылезала из постели, в которой меня не должно было быть — есть некоторые вещи, которые и у Развлекателей неплохо получаются — а Каби в это время как раз говорила «…ты сойдешь с ума, не успеет твое сердце отстучать пятидесяти ударов». Все стояли, уставившись на Лили. Сид вроде бы пошевелил-

ся, но у меня не было времени на него; я только надеялась, что он не сделает ничего, что привлекло бы внимание ко мне.

Выскользнув из туфель, я быстро направилась в Хирургию — у этого твердого пола только одно достоинство, что он не скрипит. Прошла через экран кабинета — будто сквозь стенку непрозрачного, лишенного запаха сигаретного дыма — и сконцентрировалась на том, чтобы вспомнить свое, закончившееся полным конфузом, обучение профессии медсестры. Не успела я еще удариться в панику, как скульптура уже лежала на сверкающем столе Инвертора.

Найдя нужный переключатель, на мгновение я замерла, пытаясь вспомнить, чем же меня так обеспокоило, что вывернутый наизнанку мозг становится больше и что у него нет глаз. И то ли в тот момент, когда я погрузилась с головой в свои кошмары, то ли когда я прощалась с остатками своего душевного здоровья, но я все-таки повернула выключатель до отказа и передо мной очутился Главный Хранитель, уютно подмигивающий голубым глазком, примерно три раза каждую секунду.

Должно быть, все то время, пока Хранитель был инвертирован, он работал так же прекрасно

и надежно, как и прежде, не считая того, что в этом состоянии он свел с ума индикаторы направления.

Глава 15
ЛОРД ПАУК

Черноногие пауки с сердцами, наполненными пламенем ада.

Маркиз

— Иисус! — я вздрогнула и обернулась. На фоне экрана торчало лицо Сида, как раскрашенный барельеф на серой стене; казалось, он неожиданно для себя проник сквозь щель между гобеленами в спальню королевы Елизаветы.

У него не было времени задерживаться на своих переживаниях, даже если бы он и захотел, потому что сквозь экран прорвался локоть с медным налокотником и вломил Сиду под ребра, а потом Каби промаршировала в кабинет, волоча Лили за шею. Сразу вслед за ней появились Эрих, Марк и Илли. Они тут же заметили голубые вспышки и остановились, как вкопанные, уставившись на драгоценную пропажу. Эрих бросил на меня взгляд, который должен был означать: «Так значит, это ты вытворила; впрочем, неважно».

Затем он шагнул вперед, взял прибор, крепко прижал его к левому боку; его пальцы, предпле-

чье и грудь образовали при этом два прямых угла. И наконец он коснулся переключателя интроверсии, причем выражение лица у него было такое, будто он открывал бутыль виски.

Голубой огонек погас и Ветры Перемен подули на меня, как долгожданная волна опьянения, как звонкое пение трубы из неведомого далека.

Я ощутила, как изменяющееся прошлое течет сквозь меня, и со свистом проносится мимо неопределенность, и застывшая реальность размягчается, вместе со всеми своими обязанностями и необходимостями, и как воспоминания рвутся на клочки и улетают, кружась, как осенние листья, оставляя за собой призрачные тени, и терзавшее меня безумие смывается, будто очистительным дождем с на вечерней улице. Внутренний голос сказал мне, что совершенно неважно, несут ли эти Ветры смерть Грете Форзейн, если их дуновение настолько приятно.

Я почувствовала, что те же ощущения овладели и всеми остальными. Даже истерзанная, плотно стиснувшая зубы Лили и то, казалось, говорила: вы заставляете меня глотать эту гадость, и я ненавижу вас за это, но все-таки это очень приятно. Легко было догадаться, что все мы мучились от тревоги, что даже найдя и экстровертировав Хра-

нитель, мы не сможем снова вернуться в космос и никогда больше не ощутим этих Ветров, которые мы так ненавидим и любим.

Но пока мы так стояли и сияли от восторга, мы вдруг снова были поражены — нет, не мыслью о бомбе, хотя эта мысль точно пришла бы через несколько мгновений — нет, это был голос Сида. Он все еще стоял у экрана, только теперь лицо его было обращено наружу, и мы видели только часть его спины в сером камзоле, но, естественно, его восклицание «Иисусе!» мы услышали сквозь экран так, как если бы оно было обращено к нам.

Вначале я не могла сообразить, с кем же он разговаривает, но могу поклясться, что никогда прежде не слыхала, чтобы он говорил таким льстиво-подобострастным голосом, таким звучным и в то же время исполненным благоговейного трепета и еще там был… да, это был сдерживаемый ужас.

— Господин, все мое существо потрясено той высочайшей честью, которой вы удостоили меня, посетив эту жалкую Станцию и вашего ничтожного слугу… хотя я всегда верой и правдой служил вам, не смея мечтать, что вы когда-либо снизойдете… но все же я знал, что ваш взор всегда устремлен на меня… хоть я и ничтожный клочок

пыли, витающий меж солнцами… Я повергаю себя к вашим ногам. Поведай, чем я могу служить тебе, сир? Я не ведаю даже, как верно обратиться к тебе, Лорд… Король… Император Пауков!

***

Я почувствовала, что становлюсь совсем маленькой, но от этого совсем не менее заметной; вот не повезло; и хоть Ветры Перемен, дующие сквозь меня, и придали мне храбрости, я посчитала, что это для меня уже чересчур, если считать все, что уже произошло прежде. Это же просто несправедливо.

В то же время я осознала, что как раз этого и следовало ожидать, что большие боссы наверняка будут следить за нами немигающими бусинками своих черных глаз, с тех пор, как мы интровертировались, чтобы наброситься на нас, если мы сумеем выкарабкаться. Я попыталась представить себе, что же такое было по ту сторону экрана, и то, что я смогла вообразить, мне не понравилось.

Но несмотря на оцепенение, я с трудом удержалась от того, чтобы не захихикать, как дурочка на выпускном экзамене — я подумала о том, как это восприняли все прочие, стоявшие вокруг меня

в Хирургии.

Я имею в виду Солдат. Они все напряглись, как будто им воткнули внутрь по шомполу, на лицах появилось выражение важности; не шевеля головами, они окинули взглядами друг друга и пол, как будто оценивали расстояние между ступнями и мысленно прикидывали, куда придется следующий шаг. То, что Эрих и Каби держали Главный и Малый Хранители, явно стало для них чистой формальностью. Сверив свои вызывники и ободряюще кивнув друг другу, они как будто приобщились к высшей тайне. Даже Илли, и тот каким-то образом умудрился выглядеть, как на параде.

А затем из-за экрана донесся шум, самый странный шум, который я когда-либо слышала, какие-то отдаленные нечленораздельные вопли и завывание, этот шум нес в себе угрозу, от которой я содрогнулась; и в то же время в нем было нечто знакомое, но что именно, я никак не могла сообразить. Вмешался голос Сида, громкий, торопливый и испуганный.

— Помилуйте, Лорд, я не подумал… о конечно, эта гравитация… Я все налажу через мгновенье. — Его рука и половина головы появились из-за экрана, но он не оглядывался, лишь повелитель-

но щелкнул пальцами и, не успела я моргнуть, как Каби вложила Малый Хранитель в его руку.

Затем Сид полностью пропал из поля зрения, вой прекратился. Я подумала, что если Лорд Паук таким образом выражает свое недовольство тем, что его подвергли воздействию неподобающей силы тяжести, то можно надеяться, что боссы не начнут выяснять отношения со мной.

Эрих, скривив рот, кивнул прочим Солдатам, и их четверка промаршировала сквозь экран, как будто они всю свою жизнь тренировались ради этого мига.

У меня мелькнула было дикая мысль, что Эрих мог бы подать мне руку, но он прошествовал мимо меня, как будто я была… да, Развлекательницей.

На мгновение я заколебалась, но должна же я была видеть, что там происходит снаружи, даже если меня за это съедят. И кроме того, у меня мелькнула мысль, что если эти формальности надолго затянутся, то даже Лорду Пауку придется выяснить, насколько он безразличен к атомному взрыву, проведенному в замкнутом пространстве.

Так что я прошла сквозь экран, и Лили вслед за мной.

Солдаты остановились в нескольких футах от экрана. Я оглянулась вокруг, пытаясь понять, что тут должно происходить, готовая сделать реверанс или еще что-нибудь; готовая ко всему без исключения, что могло меня ожидать.

Я лихорадочно отыскивала взглядом чудовище. Похоже, некоторые из окружающих занимались тем же. Я увидела, что Док по-дурацки раскачивается у контрольного дивана, а Брюс, Бур, Севенси и Мод стоят за ним, и я поразилась, неужели это чудовище еще и невидимо; хотя нашим боссам, должно быть, не так уж сложно выдумать такую простую штуку, как невидимость.

Потом я резко обернулась налево, куда все переносили взгляды, даже остекленевший Док. Но и в секторе Двери не было никакого чудовища, да и Двери не было, там только сидел Сидди и держал в руках Малый Хранитель, и скалил зубы так, будто собирался меня пощекотать, только выглядел сейчас он куда более свирепо.

— Ни единого движения, господа! — воскликнул он, и глаза у него были бешеные, — не то я расплющу вашу стаю на месте, клянусь всем святым. Пусть эта Станция взлетит к чертям, если снова выпущу этот инструмент из своих рук.

Первой моей мыслью было: «Будь я проклята,

если Сид не настоящий актер! Плевать, что он не обучался ни у кого после Бербиджа, это только говорит о том, каков был Бербидж!»

Сид не только убедил нас в том, что явились настоящие Пауки, но еще прежде — что гравитация в том секторе Складов, где он лежал, была много сильнее, чем на самом деле. Он полностью одурачил всех Солдат, не исключая моего шикарного победоносного комендантика, а та отстраненность, с которой простер руку и, не глядя, пощелкал пальцами, была просто превосходна.

— Бургард! — приказал Сид. — Возьми Главный Хранитель и вызови штаб-квартиру. Но не проходи мимо Двери, иди через сектор Восстановления.

Я не потерплю присутствия никого из вас, Демонов, вместе со мной в этом секторе, пока все не прояснится и не установится.

— Сидди, ты просто чудо, — вымолвила я, делая шаг в его сторону. Едва я выудила Хранитель и оглянулась, и увидела твое милое старое лицо…

— Прочь, неверная шлюха! Ни на единый свой крашеный коготок не приближайся ко мне, Королева фокусников и Папесса обманщиков! — громыхал он. — Меньше всех я готов довериться тебе. Зачем ты похитила Хранитель, я еще не

ведаю, но потом ты откроешь мне всю правду, иначе я доберусь до твоей глотки!

Я почувствовала, что сейчас объясняться не ко времени.

Док, как я догадалась, расстроенный тем, что Сид замахнулся на меня, запрокинул голову и испустил продирающий по коже волчий вой — у него это всегда превосходно получается. Сид резко махнул ему рукой и он тут же умолк, оскалив зубы; теперь я, по крайней мере, знала, кто был ответственным за Паучий недовольный вой, который Сид либо организовал, либо, скорее всего, получил как своевременный дар богов и использовал в своем действе.

Бур быстро обошел вокруг, и Эрих, без всяких глупостей, сунул Большой Хранитель ему в руки. Четверка Солдат выглядела довольно мрачно после того, как сорвалось их гран-ревю.

Бур смахнул какой-то хлам с одного из увесистых табуретов из Галереи Искусств, бережно установил на нем Главный Хранитель, тут же опустился на колени перед ним, схватил наушники и начал настраиваться. То, как он лихо все это проделывал, вышибло из меня все мое тщеславие за проявленный мной талант в области инверсии, причем так быстро, будто ничего такого и

не было. В моем мозгу снова не осталось ничего, кроме бронзового сундука с бомбой.

Интересно, сказала я себе, а что если предложить инвертировать эту штуку, но тут же и ответила: «Эхе-хе, Грета, ты ведь не можешь сунуть им в нос диплом, и все равно вряд ли хватит времени на эту пробу».

И тут Эрих в первый раз сделал то, что я очень от него хотела, хотя это все равно действовало мне на нервы. Он глянул на свой вызывник и спокойно сказал:

— Осталось девять минут, если космическое время синхронизовано со временем на Станции.

Бур сидел, словно окаменев и так нежно шевелил ручки настройки, что мне даже не было видно, шевелятся ли его пальцы или нет.

И тогда, в другой части Станции, Брюс сделал несколько шагов по направлению к нам. Севенси и Мод тоже стронулись с места. Я вспомнила, что Брюс был еще одним психом, у которого имелся персональный план, как лучше взорвать Станцию.

— Сидней, — обратился он, а затем, когда тот повернулся к нему, продолжил. — Вспомни, Сидней, мы же с тобой оба явились в Лондон из Питерхауса.

До меня это не дошло. Затем Брюс посмотрел на Эриха с дьявольским вызовом и на Лили — как будто просил у нее за что-то прощения. Что выразило в этот момент ее лицо, я не смогла понять; но синяки на ее горле были видны отчетливо, а щека распухла вовсю.

Брюс снова бросил на Эриха свой вызывающий взгляд, затем резко повернулся, схватил Севенси за руку и сделал подножку; и оказалось, что полулошади тоже теряются при неожиданном нападении, а у сатира было не меньше оснований почувствовать себя ошеломленным, чем у меня, — Брюс швырнул его на Мод и они повалились на пол — волосатые копыта на фоне жемчужно-серого платья. Брюс рванулся к сундуку с бомбой.

Мы, почти все, заорали: «Останови его, Сид, пригвозди его» — или что-то в этом духе. Я точно орала, потому что внезапно отчетливо поняла он извинялся перед Лили за то, что взорвет их обоих — и всех нас, конечно.

Ослепленный любовью мерзавец.

Сид следил за ним глазами все это время и теперь он поднял руку к Малому Хранителю, но не прикоснулся ни к одному из переключателей, просто смотрел и ждал. Я подумала: «Шайтан нас побери! Неужели Сид тоже хочет смерти? Не-

ужели ему достаточно того, что он успел узнать о жизни?»

Брюс опустился на колени и начал крутить какие-то штучки на передней стенке сундука, и все было залито ослепительным светом; и я говорила себе, что когда появится огненный шар, я ничего не успею почувствовать, и все равно я в это не верила; Севенси и Мод расцепились наконец и уставились на Брюса, а все остальные что-то орали Сиду, кроме Эриха, который со счастливым выражением на лице смотрел на Брюса, а Сид все еще ничего не делал; и это было совершенно невыносимо. Я ощутила, как маленькие артерии начинают взрываться в моем мозгу, как фейерверк, и как хлопает аорта и, для полноты картины, как парочка клапанов в моем движке начинает колотить вразнобой. Я подумала: «Что ж, теперь я знаю, как умирают от сердечной недостаточности и от высокого давления». Последний раз я спокойно улыбнулась, чтобы обмануть бомбу, и тут Брюс вскочил на ноги.

— Сработало! — счастливо провозгласил он. — Она так же безопасна, как Английский банк.

Севенси и Мод остановились, только-только не снеся его с ног. Я сказала себе: «Эге, кино продолжается! А я-то думала, что сердечные приступы

более скоротечны».

Не успел еще никто вымолвить ни слова, как вмешался Бур. Он отвернулся от Главного Хранителя и сдернул с головы один из наушников.

— Я добрался-таки до штаб-квартиры, — резко сказал он. — Они объяснили мне, как обезвредить бомбу — я им просто сказал, что нам, наверное, следовало бы это знать. Что делали вы, сэр? — обратился он к Брюсу.

— Там есть четыре крестика с петельками в ряд, чуть ниже замка.

Первый слева поворачиваешь на четверть оборота направо, второй на четверть оборота налево, четвертый то же самое, и не трогать третий крестик.

— Совершенно верно, сэр, — подтвердил Бур.

Мне очень трудно переносить долгое молчание; я полагаю, что у меня период невысказанного облегчения самый короткий. Я дождалась, пока восстановившиеся артерии подкормят мои серые шарики и завопила: «Сидди, я знаю, что я неверная шлюха и Пронырливейшая из всех лис, но скажи мне, ради преисподней, что такое Питерхаус?

— Самый старый колледж в Кембридже, — довольно сухо ответил он.

Глава 16
СВЯЗЫВАТЕЛИ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Вы знакомы с бесконечно-связными вселенными и незамкнутыми системами постулатов? – с понятием, что все возможно – я имею в виду, что именно все – и все уже случалось. ВСЕ.

Хайнлайн

Часом позже я сидела в дремотном полумраке на самой дальней от рояля кушетке, потягивала слабенький хайбол и бережно ощупывала свежий синяк под глазом. Вокруг рояля и возле бара продолжался великосветский раут; еще не пришло время контакта с Египтом и битвы при Александрии.

Сид сгреб все наши животрепещущие проблемы в одну большую кучу и, раз уж все козыри, не без помощи Малого Хранителя, собрались в его руках, разложил нам все заново по полочкам, как школярам.

Результат был таков:

Мы были интровертированы, когда большинство всех этих глупостей уже успело произойти,

так что можно предположить, что о них знаем мы одни; а каждый из нас умудрился внести в них свою лепту. Значит, каждому нужно помалкивать, чтобы сохранить нежный цвет своего лица.

Что ж, действительно: Эрих запустил бомбу и это ничуть не слаще, чем Брюсов призыв к мятежу, и еще было пьянство Дока, да и всем, кто поддержал миролюбивое воззвание, было что скрывать. На Марка и Каби, я чувствовала, можно положиться, на Мод — без сомнения, да и на Эриха — черт бы его побрал — тоже. Насчет Илли я не была столь уверена, но я сказала себе, что должна же в этой банке с вареньем быть хоть одна муха — правда, на сей раз она оказалась слишком уж здоровенной и мохнатой.

Сид не стал упоминать, что и у него рыльце в пушку, но он знал, что мы помним, как он здорово лопухнулся и его буффонада в последнем действии разве что искупила то, что ей предшествовало.

Когда я вспомнила про Сидов трюк, я снова подумала о настоящих Пауках. Перед тем как я крадучись выбралась из Хирургии, я успела достаточно живо представить себе, как они должны выглядеть, но сейчас я не смогла бы воспроизвести этот образ. Это меня угнетало; но, может

быть, я только вообразила, что знаю их облик, как наркоман уверен, что его видения — это реальность? Что я смогла разузнать о Пауках, помимо сумбурных фантазий, вроде той, что родилась в недавней сутолоке? Смех, да и только!

Самое смешное (ха-ха!) — я ведь так и осталась под самым большим подозрением. Сид не пожелал выслушать мои объяснения о том, как я догадалась, что произошло с Хранителем; и даже когда Лили раскололась и призналась в воровстве, она рассказывала об этом с такой скукой, что вряд ли все ей поверили — хоть она и добавила некоторые реалистические детали, вроде того, что она не пользовалась частичной инверсией перчатки, — просто вывернула ее наизнанку, а потом полностью инвертировала, чтобы подкладка снова оказалась внутри.

Я наседала на Дока, чтобы он подтвердил, что его рассуждения двигались в том же направлении, что и мои; однако он заявил, что он все время был в глубокой отключке, кроме, быть может, самого начала поисков; он даже не помнил, что Мод дважды рассказывала ему в подробностях обо всем происшедшем. Я решила, что мне придется еще поработать, прежде чем утвердится моя репутация великого детектива.

Опустив взгляд, у самой своей кушетки я увидела одну из брюсовых черных перчаток. Я подняла: это оказалась правая. Мой золотой ключик; как же он мне опротивел… Боже избави! Я отшвырнула ее прочь и, как осьминог из засады, Илли выбросил вперед щупальце (я и не подозревала, что он отдыхает на соседней кушетке), и сцапал перчатку, будто это был кусочек подводного мусора. Эти внеземляне выглядят иной раз до содрогания нелюдями.

Я подумала, каким же хладнокровным эгоистом, пекущимся только о своей шкуре, проявил себя Илли; и о том, насколько легковерным оказался Сид; об Эрихе и моем заплывшем глазе. И теперь, как обычно, в конце концов я осталась одна. Эх, мои мужчины!

Брюс объяснил, каким образом он оказался причастен к атомной технике.

Как и многим из нас, в первые недели пребывания в Меняющемся Мире ему пришлось испробовать несколько совершенно разных профессий. В частности, он был секретарем в группе каких-то третьестепенных атомщиков из Манхэттенского проекта. Сдается мне, что он и некоторые из своих навязчивых идей оттуда выволок. Я еще не успела решить, к какой катего-

рии героических мерзавцев его отнести, а его уже с Марком и Эрихом водой не разольешь. Таковы мужчины!

Сиду не пришлось ни с кем выяснять отношений: все бурные страсти и благие порывы утихли, по крайней мере, пока спорщики не наберутся новых сил. Мне-то точно не помешало бы отдохнуть.

Компания у рояля разгулялась вовсю. Лили отплясывала на его черной крышке, потом соскочила в объятия Сида и Севенси, не торопясь от них освободиться. Выпила она изрядно и ее короткое серое платьице выглядело на ней примерно столь же невинно, как пеленки выглядели бы на Нелл Гвин note 1. Она продолжила танец, распределяя знаки внимания в равной мере между Сидом, Эрихом и сатиром. Бур, похоже, ничуть не возражал, и только безмятежно выколачивал из рояля «Пришел вечер», мелодию, которую она ему напела — или, скорее, накричала — не более двух минут назад.

Я была рада, что не участвую в вечеринке. Кто может состязаться с обладающей большим опытом, полностью лишившейся всех иллюзий

---

note notes: Note1

Нелл Гвин (1650-1967) — английская актриса, любовница Карла II и мать двух его сыновей

семнадцатилетней девицей, впервые по-настоящему махнувшей на себя рукой?

Что-то коснулось моей руки. Илли, вытянув свое щупальце так, что оно стало похоже на мохнатую проволоку, возвращал мне перчатку, хотя мог бы и понять, что я в ней вовсе не нуждаюсь. Я отпихнула его, про себя назвав Илли линялым слабоумным тарантулом, и тут же почувствовала, что напрасно я его обидела. Какое у меня право критиковать Илли? Интересно, намного ли лучше я проявила бы себя, доведись мне оказаться запертой с одиннадцатью октоподами миллион лет назад? И коли на то пошло, что это я так разошлась со своей критикой?

И все-таки я была довольна, что не участвую в вечеринке, а только наблюдаю за ней. Брюс пил в одиночку у бара. Сид подходил к нему и они пропустили по одной за компанию, и я слышала, как Брюс декламирует стихи Руперта Брука, неспешные колючие строки: «For England's the one land, I know, Where men with Splendid Hearts may go; and Cambridgeshire, of all England, The Shire for Men who Understand»; я вспомнила, что Брук тоже погиб совсем молодым на Первой мировой и мне стало совсем грустно. Но главным образом Брюс спокойно сидел и пил в одиночестве. Время от

времени Лили бросала на него взгляд, останавливалась посредине танца и заливалась хохотом.

Мне кажется, я все-таки разобралась, насколько это было возможно, в «деле Брюса-Лили-Эриха». Лили всей душой жаждала свить гнездышко и ничто иное не могло бы ее удовлетворить, а теперь она отправится в преисподнюю своим собственным путем и, быть может, в третий раз умрет от нефрита, на сей раз в Меняющемся Мире. Брюсу же гнездышко Лили было не так уж сильно нужно; ему больше по душе был Меняющийся Мир и те возможности, которые он предоставлял для солдатской бравады и поэтического пьянства; идеи Лили о космическом семени не соответствовали его представлениям о том, как надо исцелять космос. Может быть, когда-нибудь он и поднимет настоящий мятеж, но скорее всего, ограничится сочинением эпических поэм у стойки бара.

Их с Лили вспышка страсти не угаснет полностью, неважно, что сейчас это блюдо смотрится вполне протухшим. Любовное ослепление уйдет, но Изменения подчеркнут романтическую сторону; и когда они снова встретятся, это будет казаться им прекрасным приключением.

Эрих вновь обрел своего «камерада», вполне его

достойного, у которого мужества и мозгов хватило на то, чтобы обезвредить бомбу, которую ему, Эриху, хватило мужества привести в действие. Следовало бы отдать должное Эриху за то, что ему хватило нервов довести нас до такой ситуации, что мы должны были либо найти Хранитель, либо изжариться; но мне трудно даже представить себе что-нибудь настолько противное, чтоб отдать ему.

Но некоторое время назад я все-таки попробовала. Я подошла к нему сзади и сказала:

— Эй, как тут мой злючка-комендант? Не забыл еще свое «und so weiter»? — а когда он обернулся, я скрючила пальцы и дала ему пощечину.

Так вот я и приобрела синяк под глазом. Мод хотела было приложить к нему электронную пиявку, но я предпочла воспользоваться носовым платком, смоченным в ледяной воде. Ну что ж, по крайней мере теперь и у Эриха есть свои царапины, не такие глубокие, как шрам, который он сотворил Брюсу, зато их целых четыре. Надеюсь, они инфицированы — все-таки я не мыла руки после наших поисков. Впрочем, вроде бы Эриху нравятся шрамы.

Среди тех, кто помог мне подняться после удара Эриха, был и Марк.

— У тебя и на этот случай найдутся какие-нибудь омнии? — буркнула я ему.

— На какой случай?

— Ну, обо всем, что тут с нами случилось, — раздраженно ответила я.

На мгновение он вроде бы призадумался и затем сказал:

— Omnia mutantur, nihil interit.

— Что означает?

— Все меняется, но ничего не пропадает, — ответил он.

С такой прекрасной философией можно было бы и противостоять Ветрам Перемен. Правда, все это жуткая глупость. Интересно, Марк действительно в это верит? Хорошо бы мне в это уверовать. Иной раз я ловлю себя на мысли, какая же это безнадежная чушь — пытаться стать простым скромным Демоном, пусть даже хорошей Развлекательницей. Тогда я говорю себе: «Такова жизнь, Грета. Придется тебе заставить себя полюбить все это». Но бывает так, что эта стряпня становится не очень-то съедобной.

Снова что-то защекотало мою ладонь. Это оказалось щупальце Илли; усики на его конце распушились метелкой. Я хотела было отдернуть руку, но вдруг поняла, что лунатику просто стало

одиноко. И покорилась невесомым паутинкам, сплетающимся в нити разговора перьев.

И тут же услышала слова:

— Тебе грустно, Греточка?

Можете себе представить, я чуть не свалилась на пол. Выходит, я начала понимать разговор перьев, который только что не знала совершенно и, более того, я воспринимала его по-английски, что вообще было совершенной бессмыслицей.

Я подумала на миг, что Илли просто говорил, но сразу же осознала, что этого не было; еще пару секунд я обдумывала возможность того, что он мне это телепатировал, используя свои усики как проводники. И только потом осознала, что же произошло на самом деле: он «печатал» по-английски на моей ладони, как на клавиатуре своей скрипучки, а раз и я точно так же играла на его клавиатуре, мой мозг автоматически перевел его щекотку в слова.

От этих размышлений мои мозги чуть не расплавились, но я была слишком вымотана, чтобы возгордится своей догадливостью. Я просто откинулась на кушетке и предоставила мыслям течь самим по себе. Хорошо, когда с тобой есть кому поговорить, пусть это даже осьминог-недовесок, а когда не было этого скрипа, речь его звучала не

так глупо, и фразы стали суше и четче.

— Ты опечалена, Греточка, потому что никак не можешь понять, что с нами происходит? — спросил Илли. — Потому что тебе никогда не стать никем, кроме тени, воюющей с тенями — и пытающейся полюбить тени во время передышек между боями? Пришло время понять, что в действительности мы не ведем никакой войны, хотя все выглядит именно таким образом; на деле же мы проходим некую эволюцию, хотя и не совсем того рода, который подразумевал Эрих. Твой землянин полагал, что существует слово, которым можно обозначить это явление и теория, которой можно его объяснить — теория, которая вновь и вновь возникает во многих мирах. Она заключается в том, что существует четыре уровня жизни: Растения, Животные, Люди и Демоны.

Растения — это связыватели энергии: они не могут двигаться в пространстве или во времени, но могут поглощать энергию и преобразовывать ее. Животные — связыватели пространства: они могут перемещаться в нем. Человек (землянин или внеземлянин, лунянин или внелунянин) связывает время — у него есть память. Демоны же — это четвертая стадия эволюции, связыватели возможностей — могут воссоздавать целое

из того, что могло бы быть частью этого целого, и в этом заключается их эволюционная функция. Воскрешение это метаморфоза гусеницы в бабочку: существо третьего уровня вырывается из куколки своей жизненной линии в жизнь четвертого уровня. Прыжок из разорванного кокона неизменной реальности подобен первому движению животного, когда оно перестает быть растением, и понятие Меняющегося Мира — это и есть то зерно истины, которое скрывается во многочисленных мифах о бессмертии. Любая эволюция выглядит вначале как война — восьминогие враждуют с одноногими, млекопитающие борются с рептилиями. И это неизбежная диалектика: имеется тезис — назовем его Змеи, — и антитезис Пауки; в конце же концов получается синтез, когда все возможности реализуются в одной окончательной вселенной. Война Перемен — это отнюдь не слепое разрушение, как может показаться.

Илли продолжал:

— Не забудь, что Змея у вас является символом мудрости, а Паук терпения. На самом деле эти два названия пугают вас, потому что с глубокой древности вызывают смешанные ощущения ужаса и восторга. И не удивляйся, Греточка, диапазону

моих мыслей и слов; у меня ведь, в некотором роде, был миллион лет на изучение земных языков и мифов. Кто же на самом деле Пауки и Змеи, если понимать их как первых связывателей возможностей? Кем был Адам? Кем был Каин? Кто такие были Ева и Лилит? Связывая все возможное, Демоны связывают также духовное с материальным. Все существа четвертого порядка существуют внутри и вне всех разумов, они наполняют собой весь космос. Даже эта Станция по своему устройству аналогична гигантскому мозгу: ее пол — это черепная коробка, граница пустоты — это кора серого вещества; да, даже Главный и Малый Хранители — аналоги шишковидной железы и гипофиза, которые можно считать ответственными за функционирование всей нервной системы. Таково реальное положение дел, Греточка.

Илли завершил свой беззвучный монолог и кончик его щупальца вновь превратился в мягкую подушечку, на которой я отстучала: «Спасибо, папочка Длинноног».

Стараясь переварить то, что мне только что рассказал Илли, я оглянулась на шайку, столпившуюся вокруг рояля. Похоже, вечер близился к завершению: по крайней мере некоторые на-

чали откалываться от толпы. Сид переместился к контрольному дивану и начал готовиться к установлению связи с Египтом. Марк и Каби, предвкушающие грядущую битву, присоединились к нему; в глазах их уже видны были ряд за рядом конные Зомби-лучники, тающие в грибовидном облаке. Я раздумывала о том, что говорил Илли и невольно улыбнулась — похоже, мы обречены выиграть и проиграть все битвы.

Марк, уже облачившийся в парфянский костюм, лицемерно жаловался:

«Опять эти штаны!» и вышагивал взад-вперед, напялив коническую шапку, похожую на заросшее мехом мороженое; бренчали металлические побрякушки, нашитые на рукава. Коротким мечом с сердцевидной гардой он повелительно махнул в сторону Брюса и Эриха, предложив им пошевеливаться.

Каби отправлялась на операцию в старушечьих лохмотьях, предназначавшихся для Бенсон-Картера. Я даже чуть было не посочувствовала ей — как же, придется прятать такую грудь да еще и ковылять.

Брюс и Эрих пока что не собирались подчиняться приказам Марка. Эрих подошел к бару и сказал что-то Брюсу, и они вдвоем направились к

роялю, Эрих похлопал Бура по плечу, наклонился к нему и что-то сказал; тот кивнул и быстренько завершил «Лаймхаус блюз», а затем начал новую пьесу, что-то медленное и ностальгическое.

А Эрих с Брюсом обернулись к Марку, призывая его присоединиться к ним, но на их улыбающихся лицах было написано, что неважно, подойдет он или нет: все равно их троица — легат, лейтенант и комендант — представляет собой одно неразлучное целое. Тем временем Севенси тискал Лили с таким неподдельным энтузиазмом, что мне даже немного стало жалко своего воображения, понапрасну растраченного на его генетическое исследование.

Эрих с Брюсом запели:

Легионам пропащих, когорте обреченных,

Нашим братьям в туннелях вне времени,

Поют три Зомби, сопротивляющихся Переменам,

Похищенных у смерти и натасканных роботами,

И ставших коммандос у Пауков -

Готовых на убийство!

Мы три слепые мыши, заблудившиеся во времени,

Тише-тише-тише!

Мы потеряли наше настоящее сегодня и никогда его не найдем,

Тише-тише-тише!

Коммандос Перемен отправились покутить,

Проклятые везде, где только возможно,

Девушки-призраки, вспоминайте с добром о таких, как мы,

Тише-тише-тише!

Пока они пели, я бросила взгляд на свою пепельно-серую юбку, а затем на Мод и Лили и подумала: «Три серых шлюшки для трех черных гусар, вот и все, на что мы можем рассчитывать». Что ж, я никогда не пыталась прорваться вперед, выигрывать все забеги — мне это претит. Если хорошенько подумать, нам ведь придется и выиграть, и проиграть все забеги в очень долгой гонке, куда бы ни был проложен путь.

И я отстучала Илли:

— Таково реальное положение дел… Все в по-

рядке, Паучок.